

Великая Отечественная

Великая Отечественная

Стихотворения и поэмы

в двух томах

P2
5-27

Великая Отечественная

Стихотворения и поэмы

том первый

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1970

КНИЖНИЦА КГПИ
КННЬ № 257730

Р2
В27

Предисловие
А. СУРКОВА

Составители
С. НАРОВЧАТОВ, Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Оформление художника
В. ДОБЕРА

7-4-2
50-69

От имени сражающегося народа

В памятное, тревожное утро 22 июня 1941 года, когда предутреннюю тишину советского пограничья нарушили первые залпы орудий, рев танков со свастикой на броне, вой падающих бомб пикирующих «юнкеров» и «кондоров», во весь рост, лицом к лицу с вероломно напавшим врагом встал народ нашей родины на великий исторический подвиг — защиту социалистического отечества.

Для всех нас — русских и украинцев, белорусов и латышей, молдаван и казахов, людей великого братства народов, — настали дни проверки силы нашего морально-политического единства, нашей уверенности в прочности и нерушимости того, что взяли мы с бою, ведомые партией Ленина, в Октябре 1917 года, за что заплатили кровью славных, павших в классовых битвах, годами упорного труда, сплотившего нас в единую семью народов-братьев.

Кто бы мы ни были — металлурги или строители, шахтеры или нефтяники, колхозники или представители поднятой из глубин народных интеллигенции, — все мы, вступив в строй воинов, защитников родины, приняв трудовую вахту на полях, в заводских цехах, в угольных шахтах, в лабораториях и конструкторских бюро, самоотверженно, преодолевая немыслимые лишения, переживая горечь тяжчайших неудач первого года войны, поднялись на борьбу против фашистских захватчиков.

В строю сражающегося и кующего оружие обороны и победы народа нашла свое место и наша советская многонациональная литература: ее прозаики, поэты, драматурги, критики — представители всех родов литературного оружия.

И — мы это с гордостью можем утверждать — в самые трудные для народа дни войны громко и слитно звучали голоса со-

1936 году в стихотворении «Противогаз», обращаясь к Европе, символически натянувшей на голову противогаз:

Ты даже не услышишь сквозь резину,
Когда, поднявши грохота пласты,
Такая гибель пасть свою разинет,
Чтоб все сожрать, чем так гордилась ты.

И в тридцатые годы, годы расцвета советской массовой песни, мы пели «Каховку», написанную Михаилом Светловым:

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

А совсем в преддверии войны всю страну, сойдя с киноэкрана, обошла песня на слова В. Лебедева-Кумача:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную родину встанет.
На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
 Если завтра война,
 Если завтра в поход —
Будь сегодня к походу готов!

Эта тревожная нота боевой настороженности проходит в предвоенные тридцатые годы сквозь стихи большинства наших советских поэтов, на каком бы языке они ни писали.

Нападение фашистской Германии на нашу страну не застало врасплох советских поэтов. Уже с первых дней войны из Москвы, из Ленинграда, из разных городов братских республик начали отправляться в Действующую армию поэты разных поколений: от маститых зачинателей советской поэзии, таких, как Николай Тихонов, Александр Безыменский, представителей среднего поколения — Светлов, Уткин, Твардовский, Прокофьев, Бровка, Первомайский, Муса Джалиль, Танк, поэтов предвоенной поросли — Симонов, Долматовский, Кулешов, Малышко, до самых молодых — Луконин, Наровчатов, Панченко, Смуул, Имерманис и многих, многих других. И те поэты, которые по разным причинам остались в тылу, с первого дня почувствовали себя «мобилизованными и призванными» на дело обороны родины.

Жестокый опыт первых месяцев, когда нашему солдату, застигнутому военной грозой, пришлось сражаться, отступая под натиском врага в глубь страны, вывел из поэзии следы сухой шелухи «шапкозакидательства», бытовавшей в предвоенной лите-

ратуре и создававшей «облегченное» представление о предстоявшей войне. Тяжелые оборонительные бои показали народу всю свою горькую правду и тем определили тональность поэзии.

Стихи, написанные летом и осенью сорок первого года, несут на себе неизгладимую печать этого сурового времени. В них звучит печальное чувство утраты земель, утраты городов, утраты друзей, павших в неравной битве.

Эта общая всем боль прозвучала в стихах Н. Рыленкова.

Качалось небо в пятнах алых,
И плакал ветер-голосей.
Мы оставляли на привалах
Зарытых наскоро друзей.
Кто знал такой разлуки горше?
В ней вся глухая скорбь земли.
...От Минска, Витебска и Орши
Из окруженья шли и шли.

Но сквозь горести той поры, как солнечный луч сквозь свинцовые тучи, в стихах большинства советских поэтов просвечивает упругое, окрыляющее сердца ощущение того, что не все же так будет, что должен скоро наступить перелом в войне, что и на нашей улице будет праздник.

У Александра Твардовского в поэме «Василий Теркин» мы читаем рассуждение ставшего известным всем ее героя:

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.
Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не померем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

То же упрямое чувство неустового сопротивления, тянущего в себе будущую энергию победы, звучит в тихих, сосредоточенных строках «Клятвы», написанной Анной Ахматовой в июле 1941 года:

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

И не об этом ли писал Демьян Бедный в первую тревожную осень войны:

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой.

Так в едином порыве слились голоса таких в недавнем прошлом разных по своим эстетическим и духовным позициям поэтов!

Это чувство справедливости нашего дела пронизывает стихи поэтов всех братских национальностей нашей родины.

В дни, когда коричневая ржавчина фашистских полчищ заливала почти все пространство Украины, Леонид Первомайский писал:

Он поведет меня в моей борьбе,
Пройдет в походах трудная година,
Настанет день, и я верну тебе
Комок земли нетленной, Украина!

Из далекой казахстанской степи этим жгучим словам вторит столетний акын Джамбул Джабаев в своем послании героям-ленинградцам:

Без зубов и без чешуй
Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

А в самом осажденном, голодном, холодном Ленинграде в это время, под непрерывный рев канонады в нетопленных, подобных гробам ленинградских квартир, на кораблях Балтийского флота жили рядом с его защитниками Тихонов и Саянов, Берггольц и Инбер, Прокофьев и Дудин, Лихарев и Инге, Вечтомова и Попова — большая, спаянная ненавистью к врагу группа русских поэтов.

Строки, написанные в ту пору Ольгой Берггольц, перекликаются и с «Пулковским меридианом» Веры Инбер, и со стихами всех поэтов города-героя.

Да здравствует суровый и спокойный,
глядящий смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,

как Труженик,

как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Эти и подобные им стихи поэтов-ленинградцев родились в свинцовых сумерках блокады, голода, смертей, уносящих ежедневно тысячи людей. Они как точный сейсмограф записывали биенье пульса непобежденного города.

В страдные военные дни все люди нашей страны с особой силой почувствовали, как близка, как дорога им родная земля. И каждый из народов нашего великого Союза ощущал в беде локоть народа-брата и черпал волю к победе в великом историческом прошлом своего народа.

Старейший советский поэт Сергей Городецкий, обращаясь к героической истории своей родины, писал в стихотворении «Русскому народу»:

Не раз ты гордую Европу
Спасал от дерзких дикарей
И взнуздывал их грозный топот
Рукой своих богатейей.

Грузинский поэт Исиф Нонешвили проникновенно говорит:

Но над землей в июньской рани
Сверкнул литой клинок войны,—
И стали силы Амирами,
Как хлеб насущный, мне нужны.

Украинский поэт Максим Рыльский в трудные для родины дни слышит:

Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается,
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.
Иль совы заклюют орла?
Нет! Правда кривде не сдастся!

Для каждого поэта-воина воспоминание о родине, своей Украине, своей Армении, своей Грузии, своей Литве, своей Латвии — живительный ток, заставляющий сильнее биться сердце. Армянский поэт Амо Сагян, обращаясь к родной земле, восклицает:

Меча и пламени певец, я лишь твоей хочу любви,
Я за тебя пошел на бой, меня разлукой не кори,—
Умру, чтоб вольным быть тебе, исчезну я, а ты живи,
О дальний, дальний, дальний мой, зеленый тополь Наиря.

То же чувство продиктовало белорусскому поэту Петрусю Бровке сокровеннейшие строки:

Верю я, земляки, завладеем мы снова
Всем, что видится нам, словно сон наяву,—
Клен, что вырос под окнами дома родного,
Золотую над нами раскинет листву.

Пусть в разлуке нам тяжело, но мы не заплачем,
Нет, мы станем громить беспощадней врага,
Чтоб, за ним по следам поспешал горячим,
Нам родные увидеть скорей берега.

И у всех поэтов, будь то русский или украинец, белорус или казах, эстонец или латыш, любовь к своему краю сливается с любовью к социалистической родине — Советскому Союзу.

Вот как это выражено в стихах эстонского поэта Ральфа Парве:

Дом! Нам всем понятно это слово
На любом из наших языков.
Мы из разных собрались дивизий.
Вот латыш — Москву он защищал,
Смуглый уроженец Кутаиси,
Русский, что махоркой угощал,
Белорус и украинец рядом,
Сибиряк, что шел от Сталинграда,
И эстонец...

Мы пришли за тем,
Чтобы счастье улынулось всем!

Читая надпись на придорожной братской могиле, туркменский поэт Кара Сейтлнев размышляет:

Один был младший лейтенант,
Он патриот был, благородный
России сын. Другой — сержант,
Дитя Туркмени свободной,
Одна душа была у них.

И поэты братских народов, воюя за советскую родину на обгащенной кровью, окропленной слезами многострадальной русской земле, обращают слова доверия и любви к русскому народу.

Народ России, точно пчелы в улей,
Теснятся все к тебе в опасный час.
К тебе и раньше вольнолюбцы льнули.
Крылатый змей не одолеет нас, —

пишет в 1941 году старейшина латышских поэтов Ян Судрабкаля. Те же чувства запечатлены в стихотворении Самеда Вургуня «Встреча с Москвой»:

Вижу Красную площадь и свет земли —
Древний Кремль: он — как сказочный великан!
Здесь пройдут поколения, как прежде шли, —
К сердцу солнца стремящийся караван.

Здесь великого Ленина Мавзолей,
Здесь бессмертная сила затаена.
И в лучах ее солнечных все светлей
Человечества радостная весна.

Чем труднее были дни, тем чаще взоры людей обращались к партии Ленина, принявшей на свои плечи тяжесть колонновожатого на пути народов к коммунизму.

Мы, участники войны, знаем, что как раз в самый ответственный момент скорее всего и больше всего к ротным парторгам приходили бойцы с заявлениями о приеме их в ряды партии. Перед каждым наиболее кровопролитным сражением люди в окопах писали на клочках бумаги свое заветное желание — хочу пойти в бой коммунистом!

И во многих стихах о войне, написанных в дни войны и в послевоенные годы, партийная тема звучит сильно и полнозвучно. У поэта Александра Николаева мы читаем:

Раскинув руки на снегу,
Едва ступил на берег правый,
Упал парторг на берегу
У знаменитой переправы.
Вскипела взрывами река,
И в бой по кручам каменным
Бойцов гвардейского полка
Повел один из коммунистов.
Он первым бросился вперед...
Так ежедневно,
В каждом деле,
Родная партия ведет
Народ к великой нашей цели.

Торжественным апофеозом великому историческому подвигу коммуниста звучат строки великолепного стихотворения Александра Межирова «Коммунисты, вперед!».

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпроорот,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Советская поэзия военных лет, вобрав в себя все чувства, которыми жили народы нашей родины в годы смертельной схватки с фашизмом, являет собой поразительное сочетание патетической публицистики с самой интимной, самой задушевной лирикой.

Если к воле сражающегося народа были обращены слова всенародно распевных песен:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!..

или:

Смелый к победе стремится.
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет,—

то многое множество стихов и крепко приросшие к сердцу песни были густо замешаны на мыслях и переживаниях человека, взявшегося за оружие для защиты своей земли и будущего человечества.

В первую военную зиму на всю страну со страниц «Правды» прозвучали и были переписаны миллионами человеческих рук строки стихотворения Константина Симонова «Жди меня»:

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Это, и подобные ему стихотворения, для советских воинов, стоящих лицом к лицу со смертью, было как бы заклиньем от гибели.

И не удивительно, что большинство бытовавших в окопах песен, порожденных войной, таких, как «Синий платочек», «Темная ночь», «Бьется в тесной печурке огонь...», «В прифронтовом лесу», «Огонек», были сугубо лирическими. Около этих песен воюющий человек как бы отогревал свое сердце, продрогшее на холодном ветру окопной жизни.

Война, ставшая всенародной, вошла в жизнь советских людей от мала до велика. Одних она позвала на фронт, чтобы с оружием в руках отбивать атаки врага. Других, в тылу, она подняла на героический труд во имя обороны и победы. В каждую жизнь она внесла тревоги и волнения, заботы и горести.

В таких условиях от литературы — и поэзии, как ее наиболее мобильного отряда, — время потребовало строгости и точности в передаче дум и чаяний народа, в раскрытии характера советского человека.

И стихи, созданные в те годы о войне, отмечены знаком суровой правды жизни, правды человеческих чувств и переживаний. Оттого в произведениях того времени, даже резких, даже зовущих к мщению насильникам и обидчикам, властно звучит гуманистическое начало.

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколению
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Эти строки написаны Михаилом Светловым. И каждый из поэтов мог бы сказать о себе, о своей мечте, о будущем то же, потому что каждый из нас был участником справедливой войны, оборонявшей будущее человечества от порабощения, войны, где «бой идет святой и правый, смертный бой — не ради славы, ради жизни на земле».

Хотя во времена стародавние и бытовала псевдоистина о том, что, когда разговаривают пушки, музы молчат, живой опыт человечества и, в первую очередь, опыт нашего молодого социалистического общества начисто опроверг ее.

В Великую Отечественную войну против немецко-фашистских претендентов на господство над миром советская поэзия, воспитанная на боевых традициях своих зачинателей Блока, Маяковского, Д. Бедного, с первых и до последних дней этой невиданно жестокой битвы была в авангарде всех литературных жанров, заплатив за свое право разговаривать от имени воюющего народа жизнью многих поэтов.

Все виды поэтического оружия: и пламенная призывная публицистика, и задушевная лирика солдатского сердца, и едкая сатира, и большие формы лирической и лирико-эпической поэмы — нашли свое выражение в нашем коллективном опыте военных лет.

Встав в ряды сражающихся современников, поэты, как это сказано в стихотворении башкирского поэта Г. Рамазанова, помнили, что

...когда объята
Планета пламенем войны,
В дыханье каждого солдата
Поэты вслушаться должны.

И в лучшем, что создано в военные годы, будь то лирика или такие поэмы, как «Киров с нами» Н. Тихонова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Сын» П. Антокольского, или колючая сатира Демьяна Бедного и Самуила Маршак, — во всем этом отчетливо ощущается горячее,

распаленное жестоким боем дыханье воющего нашего соотечественника.

Его дыханье, напряженное в неимоверном усилии остановить врага, слышится в поэзии первых военных лет. И уверенно, радостно биенье его сердца в стихах последнего, победоносного этапа войны, когда, разгромив полчища Гитлера под Сталинградом и Орлом, на Украине и в Белоруссии, армии наши вырвались на просторы Европы, освобождая народы и приближая день последней расплаты.

Так и шли людские толпы... Что там толпы — тьмы!
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон,—

пишет Сергей Наровчатов в стихотворении «Дорога в Тчев».

Казанский поэт А. Сарсенбаев, шагая в рядах солдат-победителей по горной дороге Шипкинского перевала, записывает:

Это слава русских солдат,
Это прадедов наших стан...
Как они много лет назад,
Мы проходим гряду Балкан...

...А дорога вьется змеей,
По опасным ползет местам,
Старый памятник боевой
Предвещает победу нам.

Близкое окончание войны, предчувствуемое солдатом, рождает полные радости свершенного подвига строки стихотворения А. Недогонова «Башмаки»:

...С распахнутым воротом —
жарко! —
пыльца в седле на висках.—
аллеей Шенбруннского парка
ефрейтор идет в башмаках.

Встает изваянием Штраус —
волшебные звуки летят,
железное мужество пауз —
пилотку снимает солдат.

Ах, звуки!
Ни тени,
ни веса!
Он бредит в лучах голосов
и «Сказкою Венского леса»,
и ласкою Брянских лесов. .

Тлк они шли, в рядах сражающегося народа, поэты нашей многонациональной родины от горького утра 22 июня 1941 года до радостного вечера 9 мая 1945 года, когда все просторы нашей освобожденной от коричневой беды страны слушали громовые раскаты салютов в честь Дня Победы.

И хочется мне закончить представление стихов, посвященных советскими поэтами героическому подвигу народа в дни Великой Отечественной войны, строками Николая Панченко, адресованными будущему читателю:

Я в коммунизм вхожу
не как в гостинику:

открыл,
вошел,
представился,— не так!

Ты, будущий,
взволнованность прости мою:
я шел к тебе сквозь крошево атак,
сквозь хлябь болот,
путей разбитых месиво,
сквозь свет ночей,
сквозь дни в сплошном бреду.
И если мне порой

бывает весело,
то только оттого,
что я — иду.

Алексей Сурков

Стихотворения и поэмы

БИБЛИОТЕКА КГПИ
Инь. № 257730

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
MAY 19 1964

**Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война !**

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

(С грузинского)

Победитель

*Грузинскому воину Кантария,
одному из водрузивших наше
победное знамя над рейхстагом*

Шел в ярме огня я, устали не ведая,
Лишь одним дышал я — близкою победою,
Полон упованием единым,
Веря, что заря блеснет над нами
И что вспыхнет солнцем над Берлином
Наше знамя.

Оттого, изранен, был неуязвимым я,
Оттого расстался с нивами родными,
Оттого оставил в шахтах глыбы,
Стол мой с неисписанной бумагой,—
Чтобы свой привет послать смог бы
Мы со стен рейхстага.

И надежде этой неизменно верил я,
Возле гор Кавказа, у его преддверия,
По пятам преследовал злодея,
Разрушал в лесах его берлоги,
Под жестоким ливнем холодея,—
Не свернул с дороги.

Если оглянусь на путь свой, ныне пройденный,
Не пойму, как спасся, впрямь хранимый родиной,
Сумерками жизнь моя сгущалась,
Я по трупам полз порой ночью,
Даже ветер уставал, казалось,
Поспевать за мною.

Торопились тучи по небу свинцовые,
Но моей надежды был покорен зову я.
Рабья трусость — человека чувство ль?
Голову высоко поднимаю,
Не устал я, — что такое устал?!

Робости — не знаю.

Много исходили мы дорог, товарищи,
Видели в пути мы слезы, кровь, пожарища,
Раненные пулей и гранатой,
В темном поле встретившие мину,
Как виденья, провожали брата
По пути к Берлину.

И летели стоны, война преследуя:
«Если не вернешься ты домой с победою
И не разгроишь гнездо тирана,
Навсегда запомнишь стоны братьев,
Сердце будет вечно жечь, как рана,
Братское проклятье».

Был я верным сыном, клятвы не нарушил я,
Родины приказы беззаветно слушал я,
Выносил невзгоды и лишенья,
Ледяной бывал покрыт корою,
Чтоб войти в Берлин, на подвиг мщенья,
Грузии героем.

Кто я? Моего никто не знает имени.
Как захочешь, друг мой, так и назови меня.
Не один я, не один, — нас много.
Назови меня ты именами
Всех, кто шел военной дорогой,
Славя наше знамя.

Не меня ли дома ждет моя любимая
И не спит ночами не моя ль родимая?
Тот я, кто придет, как победитель,
Тот, чьей волей слез поток прервется.
И да будет светлою обитель
Тем, кто не вернется.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

(С грузинского)

Поэтам Грузии

Родина наша, любимая мать!
В сердце твои заливаются струны.
Солнце твое и твоя благодать
Нас наполняют силою юной.

Грудью вскормила ты нас, берегла,
Вывела в люди, на труд вдохновила,
Жизненный путь найти помогла,
Голос ломавшийся благословила.

Родина, наш неприступный дом,
Стойко не раз отражавший ненастье!
Запертый накрепко перед врагом,
А перед другом распахнутый настежь!

Весь наш необозримый простор,
Плеч богатырских натиск могучий,
Мысли глубокой искристый костер,
Красок сверканье и сладость созвучий.

Вздыбились, встали, идут на врага,
Гнев народный, как шторм нарастая,
Скалы дробит, затопил берега
И настигает хищную стаю.

Братских призывов разносится гул,
Степи зовут, отвечают вершины,
Кличет из Казахстана Джамбул,
Слышен из Киева голос Тычины.

Янки Купалы грохочет строка,
Юпошеским огнем полыхает.
Вижу — поэт провожает войска,
Руки с надеждою вслед простирает.

Братья, отчизны моей голоса,
Сердцу родные братья — поэты!
Меч наш, врагу слепивший глаза,
В битвах отточенный, в песнях воспетый!

Да, одарила нас родина-мать
Счастьем свободы и щедрой любовью!
Но и булат за нее поднимать
Нам, грузинским поэтам, не внове.

Пусть же коварству жестокой орды
Будет возмездьем глухая могила!
Нет, не допустим, чтоб наши сады
Злобная вражья рука разорила.

Бурей испытанные борцы,
Шли мы в бои, не щадили и жизни.
Грузии новой творцы и певцы,
Клятву святую мы дали отчизне.

Грудью величье ее защитим,
Хищников сбросим с земли опаленной,
Слышишь — то брата зовет побратим;
Бьются Советской страны легионы!

Июнь 1941 г.

Перевод Э. Ананцашвили

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

Возвращение из полета

Они входили молча в тихий дом,
с полуночи покинув самолеты,
тяжелым изнуренные трудом,
суровой облегченные работой.

За ними тень металась по углам...
Нес капитан в охапке туго сжатый,
подшитый мехом кожаный реглан
и грязный шлем с клочками дымной ваты.

Их раздражал не в меру яркий свет,
невозмутимость мнимого покоя...
И понял я: меж ними друга нет,
что прикрывал их там, над полем боя.

Еще в глазах мерещились мосты,
клубки разрывов, черный дым парома
и мертвый истребитель — полверсты
не дотянувший до аэродрома.

Входило пять... В боях погиб шестой, —
реглан в крови, изодран шлем пилота...
Усталость гнет, но спать уж неохота, —
какой тут сон! Скорей бы день, и — в бой.

1941

ВЛАДИМИР АВРУЩЕНКО

Присяга

Советского Союза гражданин —
Я клятву нерушимую даю:
От воли каспийских до полярных льдин
Беречь большую родину мою...

На верность присягну СССР,
И голос сердца для врага — грозой.
Передо мной Чапаева пример
И подвиг героический Лазо.

Не сдав ни пяди дорогой земли,
Они дыханье отдали стране.
Их образы сияют нам вдали,
Их клятва раздается в тишине.

Германцев гонит легендарный Щорс,
Комбриг Котовский принимает бой,
И к Феликсу чекисты на допрос
Ведут шпионов полночью глухой...

Клянусь твоею памятью, Ильич,
Твоей, отчизна, клятвой боевой —
Я пронесу родных Советов клич
В стальном строю, в цепи передовой!

23 июля 1941 г.

Владимир Аврущенко погиб на фронте в 1941 году.

ВЛАДИМИР АГАТОВ

Темная ночь

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь —
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни
случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались
в степи...

Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится.

1944

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

Четыре года по команде «к бою!»
Мгновенно собирался наш расчет.
Спроси у нас орудие любое —
Оно ответит, как сражался флот.

Спроси на «Петропавловске», на «Минске»,
Спроси у раскаленных жерл фортов —
Тебе ответит грохот исполинский
И гордая отвага моряков.

Мы шли сквозь испытанья, зубы стиснув,
В боях теряя дорогих друзей.
Все одолел, все вынес флот Балтийский,
И, закалясь, он стал еще сильней.

С ним возмужали мы, его питомцы,
Заветной думой сплочены одной.
За нами в золотых знаменах солнца
Стоит любимый город над Невой!

1945

АНАТОЛИЙ АКВИЛЕВ

Перед боем

Откройте люки настезь —
пусть пока
в наш дом стальной ворвется свежий воздух:
нам, может, в этом танке жить века,
на пьедестале
поднимаясь к звездам!

1945

ВЛАДИМИР АЛАТЫРЦЕВ

Песня о черемухе

Дом немецким снарядом
Разворочен, разбит,
А черемуха рядом
Невредима стоит.

Все село опустело,
Всюду пепел и прах,
Лишь черемуха в белых
И тяжелых цветах.

И сверкает у дома
Под холодной росой
Нашей русской скромной,
Но бессмертной красой...

Мы устали на марше,
Но над мертвым селом
Нам черемуха машет
Белым легким крылом.

Чем-то милым и близким
Сердце тронуло вдруг,
И улыбки на лицах
Появились вокруг.

Сразу в памяти ожил
Тот покинутый дом,
Где черемуха тоже
Расцвела под окном,

Лепестки осыпает,
Словно снег, на крыльцо,
А в окошке мелькает
Дорогое лицо...

И от этого стало
И легко и тепло,
Словно ветром усталость
С наших плеч унесло.

Рота снова на марше
Далеко за селом...
Вслед черемуха машет
Легким белым крылом.

1943

АЛЕКСАНДР АЛГА

(С чувашского)

Кровь

Мины летели, пронзительно воя,
Чтобы сразить молодого бойца.
В полдень упал он под елью кривою,
Кровь отирая ладонью с лица.

Бой отгремел, отступая на запад,
Танк догорел, повалившись в кювет...
Ворон седой, потянувшись на запах,
Возле бойца опустил на ветвь.

Вот он, подкравшись тайком к человеку,
Клюв наострил и вскочил на плечо.
Воин открыл воспаленные веки:
— Нет, погоди... Я не умер еще!

Мне еще надо пробиться к Берлину...
Глаз моих, жадный, тебе не клевать...
Не для того, чтобы без вести сгинул,
Кровь отдала мне чувашская мать.

Мать моя! Светлая радость! Бывало,
Темной осеннею ночью она
Мне колыбельную песню певала,
Над рукодельем не ведая сна...

Не прикасайся, презренная птица!
Солнце, ветра, отведите беду!
Все я стерплю. Вот бы только напиться...
Встану — и снова на запад пойду.

Воин поднялся — и вмиг отлетела
Черная птица, тревожно крича.
Доброе солнце, казалось, хотело
Силу придать ему, встав у плеча.

Пот, перемешанный с кровью, стирая,
Накрепко стиснув запекшийся рот,
Молча пошел он к переднему краю.
В новую битву.

За жизни!

Вперед!

1943

Перевод А. Ойслендера

СЕМЕН АЛЕКСЕЙЦЕВ

О былом

Мы сражались у лесных запалов,
Был я ранен,— боль, как нож, остра!
Голову мне нежно бинтовала
Наша медицинская сестра.

Сняв с меня простреленную каску,
Осторожно смыла кровь и пот
И сказала с материнской лаской:
— Это все до свадьбы заживет.

Зажило.

И я опять солдатом:
Жил в землянке, грелся у костра,
Бил из пушки, рвал врага гранатой,
Зоревал в дозоре до утра.

И теперь, в момент душевной туги,
Если жизнь мне горечь принесет,—
Вспоминаю я слова подруги:
«Это все до свадьбы заживет»!

МАРГАРИТА АЛИГЕР

С пулей в сердце
я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.
Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем мы, не в лесу.
Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу.

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:
— Как ты будешь жить? —
Сама не знаю.
— Выживешь? —
Не знаю и сама.

— Как же ты не умерла от пули?

От конца уже недалеко
я осталась жить.
Не потому ли,
что в далеком камском городке,
там, где полночи светлы от снега,

где лихой мороз берет свое,
начинает говорить и бегать
счастье и бессмертие мое.

— Как же ты не умерла от пули,
выдержала огненный свинец?

Я осталась жить
не потому ли,
что, когда увидела конец,
частыми, горячими толчками
сердце мне успело подсказать,
что смогу когда-нибудь стихами
о таком страданье рассказать.

— Как же ты не умерла от пули?
Как тебя удар не подкосил?

Я осталась жить
не потому ли,
что, когда совсем не стало сил,
увидала
с дальних полустанков,
из забитых снегом тупиков:
за горами
движущихся танков,
за лесами
вскинутых штыков
занялся,
забресжил
день победы,
землю осенил своим крылом.

Сквозь свои
и сквозь чужие беды
в этот день пошла я напролом.

1941

Музына

Я в комнате той,
на диване промятом,
где пахнет мастикой и кленом сухим,
наполненной музыкой и закатом,
движеньями,
голосом,
шумом твоим.

Я в комнате той,
где смущенно и чинно
стоит у стены, прижимается к ней
чужое, заигранное пианино,
как маленький памятник жизни твоей.
Всей жизни твоей.

До чего же немного!
Неистовый,
жадный,
земной,
молодой,
ты засветло вышел.
Лежала дорога
по вольному полю,
над ясной водой.
Все музыкой было —
взвивался ли ветер,
плескалась ли рыба,
текла ли вода.

И счастье играло в рожок на рассвете,
и в бубен безжалостный била беда.
И сердце твое грохотало, любило,
и в солнечном дождике смеха и слез
все музыкой было, все музыкой было,
все пело, гремело, летело, рвалось.
И ты,
как присягу,
влюбленно и честно,
почти без дыхания слушал ее.
В победное медное сердце оркестра
как верило бедное сердце твое!

что все-таки быть еще счастьем
и жить,
как ты научил меня,
полною мерой,
себя не умея беречь и делить.
Всем сердцем и всем существом в человеке,
страстей и порывов своих не тая,
так жить,
чтоб остаться достойной навеки
и жизни
и смерти
такой, как твоя.

1942

Зоя

(Из поэмы)

Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра не часты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
эта девочка в ватных штанах и треухе.

•Значит, я ничего не боюсь и смогу
сделать все, что приказано...

Завтра не близко.
Догорает костер, разожженный в снегу,
и последний дымок его стелется низко.

Погоди еще чуточку, не потухай.
Мне с тобой веселей. Я согрелась немного.
Над Петрищевом — три огневых петуха.
Там, наверное, шум, суета и тревога.

Это я подожгла!

Это я!

Это я!

Все исполню, верна боевому приказу.
И сильнее противника воля моя,
и сама я невидима вражьему глазу.

Засмеяться?

Запеть?

Погоди, погоди!..

Вот когда я с ребятами встречусь,

когда я...»

Сердце весело прыгает в жаркой груди,
и счастливей колотится кровь молодая.

Ах, какая большая стоит тишина!
Приглушенные елочки к шороху чутки.

«Как досадно, что я еще крыл лишена!
Я бы к маме слетала хоть на две минутки.
Мама, мама,

какой я была до сих пор?

Может быть, недостаточно мягкой и нежной?
Я другою вернусь.

Догорает костер.

Я одна остаюсь в этой полночи снежной.
Я вернусь,

я найду себе верных друзей,
стану сразу доверчивей и откровенней...»

Тишина, тишина нарастает вокруг.
Ты сидишь, обхвативши руками колени.
Ты одна.

Ах, какая стоит тишина!

Но не верь ей, прислушайся к ней, дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,

вся война,

до переднего края.

Ты услышишь все то, что не слышно врагу.
Под защитным крылом этой ночи вороньей
заскрипели полозья на крепком снегу,
тащат трудную тягу разумные кони.
Мимо сосенок четких и лунных берез,
через линию фронта, огонь и блокаду,
нагруженный продуктами красный обоз
осторожно и верно ползет к Ленинграду.
Люди, может быть, месяц в пути, и назад
не вернет их ни страх, ни железная сила.

Севастополь.

Но как рассказать мне о нем?
На светящемся гребне девятого вала
он причалил к земле боевым кораблем,
этот город,

которого ты не видала.
Сходят на берег люди.

Вдыхает вода.
Что такое геройство?

Я так и не знаю.
Севастополь.

Давай помолчим... Но тогда,
понимаешь, он был еще жив.

— Понимаю!
Понимаю.

Я завтра пойду и зажгу
и конюшни и склады согласно приказу.
Севастополь, я завтра тебе помогу!
Я ловка и невидима вражьему глазу.

Ты невидима вражьему глазу?
А вдруг?..

Как тогда?
Что тогда?
Ты готова на это?

Тишина, тишина нарастает вокруг.
Подымается девочка вместо ответа.

Далеко-далеко умирает боец...
Задыхается мать, исступленно рыдая,
страшной глыбой заваленный, стонет отец,
и сирот обнимает вдова молодая.

Тихо так, что ты все это слышишь в ту ночь,
потрясенной планеты взволнованный житель:
— Дорогие мои, я хочу вам помочь!
Я готова.

Я выдержу все.
Прикажете!

А кругом тишина, тишина, тишина...

И мороз

не дрожит,

не слабеет,

не тает...

И судьба твоя завтрашним днем решена.

И дыханья

и голоса

мне не хватает.

1942

РУХИ АЛИЕВ

(С туркменского)

Гвардейскому знамени

Из пламени смелого сердца выткали мы тебя,
Лучами родного солнца вышили мы тебя.
Над зыбью родного моря, над твердью родной земли
Высоко в родимом небе багряный твой свет зажгли.

Былинная даль седая и гордая наша новь,
Вы жгучею жаждой мести вошли в нашу плоть и
кровь.
Тебя высоко вздымают сильные руки бойцов,
Бесстрашных гвардейцев знамя, гордость стальных
полков.

В скорбных очах Украины темные слез следы,
Сгорбившиеся могилы, срубленные сады...
Кровь запеклась густая на черных рубцах дорог,
Суровое пепелище, окровавленный поток.

По пыльной степной дороге старый кобзарь бредет,
Он песню тебе навстречу — навстречу спасению шлет.
Приди, как заря с востока! Зарницей сверкни вдаль,
Чтоб стерлись морщины горя навеки с лица земли.

Леса Белоруссии осень окрасила в красный цвет.
Сквозь мгlistый туман сочится бледного солнца свет.
Леса затаили злобу, леса накопили гнев,
Врага Беларусь готова испепелить в огне.

В руки берут винтовку эстонец, латыш, литвин,
Казак из донской станицы и Терека гордый сын.
Твой шелковый шум им слышен, огонь твой во взорах
их;
Они по-гвардейски бьются за счастье полей родных...

Взвивайся же выше, знамя! Зарей пламенной, восток!
Несите джигитов, кони! Как пламя сверкай, клинок!
Идите в атаку, танки! Соколы, рвитесь ввысь!
Солнце, целуй наше знамя, в верности нам клянись!

1942

Перевод В. Пермяков

ХАМИД АЛИМДЖАН

(С узбекского)

Россия

О Россия! Россия! Могучая родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба не раз отдыхать опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья твоих братьев-народов живет.

Честь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие, храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря — темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега.
Но пред гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от
кости. —
И пролить свою кровь за тебя я готов.

1943

Перевод В. Державина

АБДУЛЛА АЛИШ

(С татарского)

Третья осень

Снова листья метет непогода,
И опять на душе тяжело.
Нет, не три этих минуло года,
Десять лет или больше прошло.

В третий раз я встречаю в неволе
Этот праздничный день без родни.
Дни проходят, исполнены боли,
Словно цепи, тяжелые дни.

В третий раз в этом проклятом месте
Я заветную дату встречал,
Только в мыслях с друзьями я вместе
Высоко поднимал свой бокал.

Пусть же будущий праздник я встречу
Не в тюремном застенке глухом,
А с детьми и с любимой весь вечер
Проведу за семейным столом!

Перевод В. Дубровина

Абдулла Алиш попал в плен в октябре 1941 года. В концлагере был соратником Мусы Джалиля по подпольной борьбе. В августе 1943 года был брошен в берлинскую тюрьму Моабит. Казнен фашистами в 1944 году.

Песня о себе

Если б вдруг сказали мне:
«Для жизни
По душе ты место выбирай», —
Я б ответил:
«Я стремлюсь к отчизне:
Лишь она —
Для сердца лучший край!»

Скажут:
«Счастлив будешь,
Но на годы
Родину придавит кабала».
Я скажу:
«Не надо мне свободы,
Лишь бы вольной родина была».

Скажут мне:
«Тебя полюбит сразу
Лучшая из лучших дочерей».
Мой ответ:
«Вернусь к голубоглазой,
К дорогой, к единственной моей!»

Тот, кто честь до смерти берегает,
Кто глядит бестрепетно вперед,
Мусором тот золото считает —
Родину свою не продает!

Перевод Б. Дубровина

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

Родина смотрела на меня

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло.
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся пестрый мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед Мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами,

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным ясным взглядом...

Джек Алтаузен погиб в бою под Харьковом в мае 1942 года.

А я стоял, молчание храня.
Скрипели ставни жалобно и тонко.
И родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

Вася-Василек

— Что ты, Вася, приуныл,
Голову повесил,
Ясны очи замутил,
Хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой
Хаживал, дружок,
Что случилось вдруг с тобой,
Вася-Василечек?

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Бить врага — вопрос другой —
С шуткой веселее,
Нет письма от дорогой —
Думушки темнее.
Письмеца недель пяток
Почта не приносит,
Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит...

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Что ж ты, Вася, друг большой,
Зря себя так мучишь?
Если любит всей душой,
Весточку получишь.
Не захочет написать —
Значит, позабыла,
Значит — надо понимать —
Вовсе не любила.

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается.
Если сердце горячо —
Девушка найдется.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек,
Выше голову держи,
Вася-Василечек!

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай!

НАСЫМ АМАНЖОЛОВ

(С казахского)

Абдулла

Поэма

Памяти
Абдуллы Жумагалиева

1

Война терзала шар земной.
Металл расплавленный гудел.
От жизни к смерти путь прямой
Покрыт был тысячами тел.
Но, сердце гневом опалив,
И в пули это пламя влив,
Друзей бесстрашных потеряв,
Всю ярость боя в грудь вобрав,
Как барс, отважен и суров,
Один в кольце своих врагов
Остался воин на посту.

2

Он вглядывался каждый миг
В дымящуюся темноту...
Он ждал. Преграду он воздвиг
Перед озлобленным врагом:
Он был готов одним рывком
Расстроить вражескую цепь,
Рвануть гранатой да штыком
И, если надо, умереть.
В те дни под бременем тоски,

Как бы от недруга таясь,
Оскудевали родники,
Дробились камни на куски,
Как бы рассеяться стремясь,
И ветер бил врага в упор,
И прятал друга черный бор.
Но немцы, чащу окружив,
Наткнулись там на храбреца,
Что, в сердце ярость затаив,
Стоять решился до конца!

3

В неожиданной странной тишине
Скользнуло солнце на покой,
И месяц был, как часовой,
Поставлен на ночь в вышине;
И притаился темный бор,
Как человек, вперяя взор
В грозящий гибелью простор;
И только старая сосна,
Не зная отдыха и сна,
Одна звенела, как струна.

4

В завалах из гнилых стволов
Себе найдя случайный кров,
Враги присели у костров.
А он из тьмы на них глядел,
Как будто взглядом сжечь хотел:
Казалось, он, как динамит,
Вот-вот из чащи прогремит,
Шнуром бикфордовым обвит.
«Живым, сказал, не буду взят!
Здесь я хозяин, а не вы,
И пусть кольцом я вашим сжат, —
Не вам, а мне принадлежат
Вот эти чащи, что шуршат
Шатрами хвои и листвы,
Моей касаясь головы!

О милость матери-земли!
Дай мне могучие слова!
Вложи мне в грудь свирепость льва
И сердцем тигра надели!
Да задрожат от этих слов
И глубь земли и неба высь;
В гранату, сердце, превратись,
Тебя швырну в моих врагов! *
Он темный лес, как буревал,
Словами клятвы колебал.

5

Гнусней всего, презренней всех
Звучал вокруг злорадный смех.
Метнулись птицы в бор сырой,
Всплеснула заводь под горой,
Вдохнул томящийся герой;
Как чайке мир озерных вод,
Ему был мил родной народ,
И грудью он к земле припал,
И мшистый камень целовал,
И пламя чувствовал в крови,
Что жарче пламени любви.
И больше воин ждать не мог —
Он воздух выстрелом прожег!
Его удар пришелся впрок —
Не зря он нажимал курок:
Ответом были — дикий вой
И оголтелая струя
Бесцельных пуль. Они гурьбой
Вошли в трухлявину корья.
Но вот прожектор голубой
Лесные щупает края...
Не так ли пред броском змея
Поводит острой головой?

6

На окруженного бойца
Низвергся ураган свинца.
Снаряды тягостным вытьем

Самим волкам внушали страх.
Деревья брызнули щепьем,
И камни обратились в прах.
С десятка, нет! — со ста сторон
Грозил гибель храбрецу,
Нерасторжимому кольцу
Противился упорно он.
— Меня,— сказал,— не взять живьем! —
А те в ответ: «Возьмем! возьмем!»
Герой стремительным огнем
Врагов уничтожал в ночи,
Как ядом тучу саранчи
Уничтожает агроном,
И одинокий автомат
Для них страшней был во сто крат,
Чем артиллерии раскат.
Грозился враг: «Уж мы возьмем!»
А он в ответ: «Но не живьем!»

7

Он танк увидел пред собой.
Он знал: всего лишь раб слепой
Стальное это существо.
Но смерть во чреве у него.
Бездушен он. Но там, внутри,—
Озлобленные дикари.
— Так вот жестокий тот слуга,
Послушный воле злой врага,
Своим железным существом
Во мне, разумном и живом,
Смятенье хочет породить,
Чтоб дух бездушьем победить!
Так вот во что превращены
Труды поработченных рук,
И залежи земной казны,
И ухищрения наук!
Но, встретив мужество и честь,
Железо превратится в жечь,—
И он гранатой танк поджег,
И вспыхнул тот, как сена стог,
И накрепился, и увяз,

И содрогнулся всем нутром,
Чтоб в первый и последний раз
С живым сравниться существом.
И враг решил: «Пора кончать!»
И огнеметы в ход пустил,
Но пуль герой не находил,
Но автомат в руке застыл,
И нечем было отвечать!..
Скрестил он руки на груди:
«Пусть я один в глухом бору,
Победа правды — впереди!
Я у народа на смотру,
Я победителем умру!»
И то была пора чудес!
В тот час преобразился лес:
Огни, одетые в шелка,
Затмив сияние луны,
В извивах шали и платка,
Красны, желты да зелены,
Шли на героя. Так плывет
Красавиц пестрый хоровод.
Повадкой девичьей маня,
Пьяня одеждою цветной,
Шурша подолами огня,
Пожар безумствовал лесной.

в

И, отсветами обогрен,
Как бы из золота отлит,
Стоит боец. На пляску он
Как зачарованный глядит.
А хоровод кружил вокруг...
Красавицы то там, то тут
Взлетают, прядают — и вдруг
Устами жаркими прильнут
К его губам — и отойдут,
И снова пляшут. И опять
Бегут героя целовать.
Змеится пламя по груди,
Потрескивает на ремне,
И крикнул гибнущий в огне:

— Завидуй, враг, завидуй мне!
На торжество мое гляди! —
Горящий мох, горящий куст,
Любой росток его земли,
Прикосновеньем жарких уст
Его лобзали и — сожгли.
Он дым с обугленных ветвей
Вдыхал, как некий Прометей...

9

Увидя смерти близкий лик,
Сверкнули гневные глаза,
Как если б горная гроза
С вершин низверглась напрямик;
Сумел он солнечным венцом
Свой лоб страдальческий облечь
И, как певец, перед концом
Сам для себя слагал он речь:
«Дай руку, смерть, и от врагов
Мое дыханье охрани!
Я променял позор оков
На погребальные огни.
Прощай, родимая страна!
Я перед родиной в долгу.
Прости мне все, чего сполна
Тебе вернуть я не могу!
Дано немного было мне:
Едва увидел я восход, —
Но путь открыт моей стране,
Ты счастлив будешь, мой народ!
Твой гнев не раз врагов сметал.
Ты в силах небо сотрясти, —
Тому, кто силы зла призвал,
За все злодеянья отомсти!
Вот все, о чем я здесь прошу!
С презреньем к мерзостным врагам,
Я в этом сердце уношу
Любовь к родимым очагам!
Живите...»
Хоровод огней
Его прервал и закружил

И, ластясь девушки нежней,
Под звуки песни удушил.
И эта песня унеслась
К сердцам встревоженных пичуг,
Что, вихря пламени страшась,
Над ним описывали круг.
Он долго высылся в дыму,
Еще ведя последний бой.
Бессмертье, наклонясь к нему,
Его манило за собой.

10

Рассказ печальный на крылах
Пичуги вынесли одни,
А враг ступил на головни,
Чтоб осквернить хотя бы прах.
Но гром, врагу наперекор,
Окрестность дымную потряс,
Объятья бури распростер
И прах от поруганья спас:
Был пепел в буре растворен,
Нескоро стихшей вдалеке,
И на советском языке
Средь всех народов и племен
Гремящей славой наделен.

11

О седовласый дед-казах!
С домброй испытанной в руках,
Вокруг себя народ собрав,
Коня парадно оседлав,
Красуясь в бархатном седле,
На диво внукам, сказ твори.
О том, какие на земле
Рождаются богатыри!
Свободы светлая заря
Дала стране богатыря,
Который, песни сам творя,
Как сердце девичье, был чист

И, как закрытой книги лист,
Для родины неведом был.
Но книгу ураган раскрыл, —
И то, что было на листе,
Предстало в строгой красоте.
Да, может бор сгореть дотла,
Но память о певце светла,
О посрамившем силы зла,
О том, чье имя — Абдулла!
Скажу я сыну: «В добрый путь!
Когда свою расправишь грудь,
Пером владея золотым,
Вернуться, милый, не забудь
К его заслугам боевым!
Плетите, девушки, венки,
Утрите слезы, старики.
Пусть пляшут струны, разъярясь:
Не Абдулла ль из-за реки
Глядит с улыбкою на нас?
Споемте же под звон домбры
Вкруг поминального котла.
Вы слышите, с крутой горы
Нас окликает Абдулла.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Сын

Поэма

*Памяти младшего лейтенанта
Владимира Павловича Антокольского,
павшего смертью храбрых
6 июля 1942 года*

I

— Вова! Я не опоздал? Ты слышишь?
Мы сегодня рядом встанем в строй.
Почему ты писем нам не пишешь,
Ни отцу, ни матери с сестрой?

Вова! Ты рукой не в силах двинуть,
Слез не в силах с личика смахнуть,
Голову не в силах запрокинуть,
Глубже всеми легкими вздохнуть.

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?
Или сквозь обугленные веки
Не пробьется никакой рассвет?

Видишь — вот сквозь вьющуюся зелень
Светлый дом в прохладе и в тени,
Вот мосты над кручами расселин.
Ты мечтал их строить. Вот они.

Чувствуешь ли ты, что в это утро
Будешь рядом с ней, плечо к плечу,
С самой лучшей, с самой златокудрой,
С той, кого назвать я не хочу?

Слышишь, слышишь, слышишь канонаду?
Это наши к западу пошли.
Значит, наступленье. Значит, надо
Подыматься, встать с сырой земли.

И тогда из дали неоглядной,
Из далекой дали фронтовой,
Отвечает сын мой ненаглядный
С мертвою горящей головой:

— Не зови меня, отец, не трогай,
Не зови меня — о, не зови!
Мы идем нехоженой дорогой,
Мы летим в пожарах и в крови.

Мы летим и бьем крылами в тучи,
Боевые павшие друзья.
Так сплотился наш отряд летучий,
Что назад вернуться нам нельзя.

Я не знаю, будет ли свиданье.
Знаю только, что не кончен бой.
Оба мы — песчинки в мирозданье.
Больше мы не встретимся с тобой.

2

Мой сын погиб. Он был хорошим сыном,
Красивым, добрым, умным, смельчаком.
Сейчас метель гуляет по лощинам,
Вдоль выбоин, где он упал ничком.
Метет метель, и в рог охрипший дует,
И в дымоходах воеет, и вопит
В развалинах.

А мне она диктует
Счета смертей, счета людских обид.

Как двое встретились? Как захотели
Стать близкими? В какую из ночей
Затеплился он в материнском теле,
Тот синий огонек, еще ничей?
Пока он спит, и тянется, и тянет
Ручонки вверх, ты все ему отдашь.
Но погоди, твой сын на ножки встанет,
Потребует свистульку, карандаш.
Ты на плечи возьмешь его. Тогда-то
Заполыхает синий огонек.
Начало детства, праздничная дата,
Ничем не примечательный денек.

В то утро или в тот ненастный вечер
Река времен в спокойствии текла,
И крохотное солнце человечье
Стучалось в мир для света и тепла.

Но разве это, разве тут начало?
Начала нет, как, впрочем, нет конца.
Жизнь о далеком будущем молчала,
Не огорчала попусту отца.

Она была прекрасна и огромна
Все те года, пока мой мальчик рос, —
Жизнь облаков, аэродромов, комнат,
Оркестров, зимних выюг и летних гроз.

И мальчик рос. Ему ерошил кудри
Весенний ветер, зимний — щеки жег.
И он летел на лыжах в снежной пудре
И плавал в море — бедный мой дружок.
Он музыку любил, ее широкий
Скрипичный вихорь, боевую медь.
Бывало, он садится за уроки,
А радио над ним должно греметь,
Чтоб в комнате набились до отказа
Литавры и фаготы вперевод,
Баян из Тулы, и зурна с Кавказа,
И позывные станции любой.

Он ждал труда, как воздуха и корма:
Чертить, мять в пальцах, красить что-нибудь...
Колонки логарифмов, буквы формул

Пошли за ним из школы в дальний путь,
Макеты сцен, не игранных в театре,
Модели шхун, не пльвших никуда...
Его мечты хватило б жизни на три
И на три века — так он ждал труда.
И он любил следить, как вырастали
Дома на мирных улицах Москвы,
Как великаны из стекла и стали
Купались в мирных бликах синевы.

Он столько шин стоптал велосипедом
По всем Садовым, за Москва-рекой
И столько пленки перепортил ФЭДом,
Снимая всех и все, что под рукой.
И столько раз, ложась и встав с постели,
Уверен был: «Нет, я не одинок...»
Что он любил еще? Бродить без цели
С товарищами в выходной денек,
Вплоть до зимы без шапки. Неприлично?
Зато удобно, даже горячо.
Он в сутолоке праздничной, столичной
Как дома был. Что он любил еще?

Он жил в Крыму в то лето. В жарком полдне
Сверкал морской прилив во весь раскат.
Сверкал песок. Сверкала степь, наполнив
Весь мир звонками крохотных цикад.
Он видел все до точки, не обидел
Мельчайших брызг морского серебра.
И в первый раз он девочку увидел
Совсем другой и лучшей, чем вчера.
И девочка внезапно убежала.
И звонкий смех еще звучал в ушах,
Когда в крови почувствовал он жало
Внезапной грусти, чаще задышав.
Но отчего грустить? Что за причина
Ему бродить между приморских скал?
Ведь он не мальчик, но и не мужчина,
Грубил девчонкам, за косы таскал.
Так что же это, что же это, что же
Такое, что щемит в его груди?
И, сразу окрылен и уничтожен,
Он знал, что жизнь огромна впереди.

Он в первый раз тогда мечтал о жизни.
Все кончено. То был последний раз.
Ты, море, всей гремящей солью брызги,
Чтоб подтвердить печальный мой рассказ.

Ты, высохший степной ковыль, наполни
Весь мир звонками крохотных цикад.
Сегодня нет ни девочки, ни полдня...
Метет метель, метет во весь раскат.
Сегодня нет ни мальчика, ни Крыма...
Метет метель, трубит в охрипший рог,
И только грозным заревом багрима
Святая даль прифронтовых дорог.
И только по щеке, в дыму махорки,
Ползет скупая, трудная слеза,
Да карточка в защитной гимнастерке
Глядит на мир, глядит во все глаза.
И только еженощно в разбомбленном,
Ограбленном старинном городке
Поет метель о юноше влюбленном,
О погребенном — тут, невдалеке.

Гостиница. Здесь, кажется, он прожил
Ночь или сутки. Кажется, что спал
На этой жесткой коечке, похожей
На связку железнодорожных шпал.
В нескладных сапогах по коридору
Протопал утром. Жадно мыл лицо
Под этим краном. Посмеялся вздору
Какому-нибудь. Вышел на крыльцо,
И перед ним открылся разоренный
Старинный этот русский городок,
В развалинах, так ясно озаренный
Июньским солнцем.

И уже гудок

Вдали заплакал железнодорожный.
И младший лейтенант вздохнул слегка:
Москва в тумане, в прелести тревожной
Была так невозможно далека.
Опять запел гудок, совсем осипший
В неравной схватке с песней ветровой.
А поезд шел все шибче, шибче, шибче
С его открыткой первой фронтовой.

Все кончено. С тех пор прошло полгода.
За окнами — безлюдье, стужа, мгла.
Я до зари не сплю. Меня невзгода
В гостиницу вот эту загнала.
В гостинице живут недолго, сутки,—
Встают чуть свет, спешат на фронт, в Москву.
Метет метель, мешается в рассудке,
А все метет...

И где-нибудь во рву
Вдруг выбьется из сил метель-старуха,
Прильнет к земле и слушает, дрожа,—
Там, может быть, ее детеныш рухнул
Под елкой молодой, у блиндажа.

3

Я слышал взрывы тыщетонной мощи,
Распад живого, смерти торжество.
Вот где рассказ начнется. Скажем проще —
Вот западня для сына моего.
Ее нашел в пироксилине химик,
А металлург в обойму загвоздил.
Ее хранили пачками сухими,
Но злость не знала никаких удил.
Она звенела в сейфах у банкиров,
Ползла хитро и скалилась мертво,
Змеилась, под землей траншеи вырыв,—
Вот западня для сына моего.

А в том году спокойном, двадцать третьем,
Когда мой мальчик только родился,
Уже присматривалась к нашим детям
Та сторона, ощеренная вся.
Гигантский город видел я когда-то
В зеленых вспышках мертвенных реклам.
Он был набит тщеславием, как ватой,
И смешан с маргарином пополам.
В том городе дрались и целовались,
Рожали или гибли ни за что,
И пели «Deutschland, Deutschland über alles...».
Все было этим лаком залито.

...Как жизнь черна, обугленна. Как густо
Заляпаны разгулом облака.
Как вздорожали пиво и капуста,
Табак и соль. Не хватит и мелка,
Чтоб надписать растущих цен колонки.
Меж тем убийцы наших сыновей
Спят сладко, запеленаты в пеленки,
Спят и не знают участи своей.

И ты, наш давний недруг, кем бы ни был,
С тяжелым, бритым, каменным лицом,
На женщин жаден, падок на сверхприбыль, —
Ты в том году стал, как и я, отцом.
Да. Твой наследник будет чистой крови,
Румян, голубоглаз и белокрыс.
Вотан по силе, Зигфрид по здоровью, —
Отдай приказ — он рельсу бы разгрыз.
Безжалостно, открыто и толково
Его с рожденья ввергнули во тьму.
Такого сына ждешь ты? — Да, такого.
Ему ты отдал сердце? — Да, ему.

Вот он в снегу, твой отпрыск, отработан,
Как рваный танк. Попробуй оторви
Его от снега. Закричи: «Ферботен!» —
И впейся в рот в запекшейся крови.
Хотел ли ты для сына ранней смерти?
Хотел или нет, ответом не помочь.
Не я принес плохую весть в конверте,
Не я виной, что ты не спишь всю ночь.
Что там стучит в висках твоих склерозных?
Чья тень в оконный ломится квадрат?
Она пришла из мглы ночей морозных.
Тень эта — я. Ну как, не слишком рад?
Твой час пришел.

Вставай, старик.

Пора нам.

Пройдем по странам, где гулял твой сын.
Нам будет жизнь его — киноэкраном,
А смерть — лучом прожектора косым.

Над нами небо, как раздранный свиток,
Все в письменах мильонолетних звезд.

Под нами вспышки лающих зениток.
Дым разоренных человеческих гнезд.

Снега. Снега. Завалы снега. Взгорья.
Чашобы в снежных шапках до бровей.
Холодный дым кочевья. Запах горя.
Все неоглядней горе, все мертвей.

По деревням, на пустошах горячих
Творятся ночью страшные дела.
Раскачиваются, скрипя на крючьях,
Повешенных иссохшие тела.
Расстреляны и догола раздеты,
В обнимку с жизнью брошены во рвы,
Глядят ребята, женщины и деды
Стекланным отраженьем синевы.
Кто их убил? Кто выклевал глаза им?
Кто, ошав от страшной наготы,
В крестьянском скарбе шарил, как хозяин?
Кто? — Твой наследник. Стало быть, и ты...

Ты, воспитатель, сделал эту сволочь,
И, пращуру пещерному под стать,
Ты из ребенка вытравил, как щелочь,
Все, чем хотел и чем он мог бы стать.
Ты вызвал в нем до возмужанья похоть,
Ты до рожденья злобу в нем разжег.
Видать, такая выдалась эпоха, —
И вот трубил казарменный рожок,
И вот печатал шагом он гусиным
По вырубленным рощам и садам,
А ты хвалился безголовым сыном,
Ты любовался Каином, Адам.
Ты отнял у него миры Эйнштейна
И песни Гейне вырвал в день весны.
Арестовал его ночные тайны
И обыскал мальчишеские сны.

Еще мой сын не мог прочесть, не знал их,
Руссо и Маркса, еле к ним приник, —
А твой на площадях, в спортивных залах
Костры сложил из тех бессмертных книг.
Тот день, когда мой мальчик кончил школу,

Был светел и по-юношески свеж,
Тогда твой сын, охрипший, полуголый,
Шел с автоматом через наш рубеж.

Ты, пред которой сын мой с обожаньем
Не смел дышать, так он берег ее,
Твой отпрыск с гиком, с жеребьячьим ржаньем
Взял и швырнул на землю, как тряпье.

...Снега. Снега. Завалы снега. Взгорья.
Чащобы в снежных шапках до бровей.
Холодный дым кочевья. Запах горя.
Все неоглядней горе, все мертвей.
Все путаней нехоженые тропы,
Все сумрачней дорога, все мертвей...
Передний край. Восточный фронт Европы —
Вот место встречи наших сыновей.

Мы на поле с тобой остались чистом, —
Как ни вывертывайся, как ни плачь!
Мой сын был комсомольцем.

Твой — фашистом.

Мой мальчик — человек.

А твой — палач.

Во всех боях, в столбах огня сплошного,
В рыданьях человечества всего,
Сто раз погибнув и родившись снова,
Мой сын зовет к ответу твоего.

4

Идут года — тридцать восьмой, девятый.
Зарублен рост на притолке дверной.
Вспоминанья в клочьях дымной ваты
Бегут, не слившись, где-то стороной,
Не точные.

Так как же мне взглядеться
В былое сквозь туманное стекло,
Чтобы его неконченное детство
В неначатую юность перешло...

Стамеска. Клещи. Смятая коробка
С гвоздями всех калибров. Молоток.
Насос для шин велосипедных. Пробка
С перегоревшим проводом. Моток
Латунной проволоки. Альбом для марок.
Сухой разбитый краб. Карандаши.
Вот он, назад вернувшийся подарок,
Кусок его мальчишеской души,
Хотевшей жить. Не много и не мало —
Жить. Только жить. Учиться и расти.
И детство уходящее сжимало
Обломки рая в маленькой горсти.
Вот все, что детство на земле добыло.
А юность ничего не отняла
И, уходя на смертный бой, забыла
Обломки рая в ящиках стола.

Рисунки. Готовальня. Плоский ящик
С палитрой. Два нетронутых холста.
И тюбики впервые настоящих,
Впервые взрослых красок. Пестрота
Беспечности. Все — начерно. Все — наспех.
Все с ощущением, что наступит день —
В июле, в январе или на пасхе —
И сам осудишь эту дребедень.
И он растет, застенчивый и милый,
Нескладный, большерукий наш чудак.
Вчера его бездействие томило,
Сегодня он тоскует просто так.

Холст грунтовать? Писать сиеной, охрой
И суриком, чтобы в мазне лучей
Возник рассвет, младенческий и мокрый,
Тот первый на земле, еще ничей...
Или рвануть по клавишам, не зная
В глаза всех этих до-ре-ми-фа-соль,
Чтоб в терцинах запрыгала сквозная
Смеющаяся штормовая соль...

Опять рисунки.

В пробах и пробелах
Сквозит игра, ребячливость и лень.
Так, может быть, в порывах оробелых

О ствол рогами чешется олень
И, напрягая струны сухожилий,
Готов сломать ветвистую красу.
Но ведь оленю ревнисто служили
Все мхи и травы в сказочном лесу.
И, невидимка в лунном одеянье,
Пригубил он такой живой воды,
Что разве лишь охотнице Диане
Удастся отыскать его следы.
А за моим мужающим оленем
Уже неслись, трубя во все рога,
Уже гнались, на горе поколеньям,
Железные выжлятники врага.

Идут года — тридцать восьмой, девятый
И пограничный год, сороковой.
Идет зима, вся в хлопьях снежной ваты,
И вот он, сорок первый, роковой.

В июне кончил он десятилетку.
Три дня шатался об руку мы с ним.
Мой сын дышал во всю грудную клетку,
Но был какой-то робостью томим.
В музее, жадно глядя на Гогена,
Он словно сжался, словно не хотел
Ожогов солнца в сварке автогенной
Всех этих смуглых обнаженных тел.

Но все светлей навстречу нам вставала
Разубранная, как для торжества,
Вся, от Кремля до Земляного вала,
Оправленная в золото Москва.
Так призрачно задымлены бульвары,
Так бойко льется разбитная речь.
Так скромно за листвою проходят пары,—
О, только б ранний праздник свой сберечь
От глаз чужих.

Все, что добыто в школе,
Что юношеской сделалось душой,—
Все на виду.

Не праздник это, что ли?
Так чокнемся, сынок. Расти большой.

На скатерти в грузинском ресторане
Пятно вина так ярко расплылось.
Зачесанный назад с таким стараньем,
Упал на брови завиток волос.
Так хохоча бесхитростно, так важно
И все же снисходительно ворча,
Он наконец пригубил пламень влажный,
Впервой не захлебнувшись сгоряча.
Пей. В молодости человек не жаден.
Потом, над перевальной крутизной,
Поймешь ты, что в любой из виноградин
Надежен тыщелетний пьяный зной.
И где-нибудь в тени чинар, в духане,
В шмелином звоне старческой зурны
Почувствуешь священное дыханье
Тысячелетий.

Как озарены

И камни, и фонтан у Моссовета,
И девочка, что на него глядит
Из-под ладони. Слишком много света
В глазах людей. Он окна золотит,
И зайчиками прыгает по стенам,
И пурпуром ошпарил облака,
И если верить стонущим антеннам,
Работа света очень велика.
И запылала щеки. И глубоко
Мерцали пониманием глаза.
Не мальчика я вел, а полубога
В открытый настезь мир. И вот гроза,
Слегка цыганским встряхивая бубном,
С охапкой молний, свившихся в клубок,
Шла в облаках над городом стотрубным
Навстречу нам. И это видел бог.
Он радовался ей. Ведь пенем грома
Не прерван пир, а только начался.
О, только не спешить. Пешком до дома
Дойдем мы равным ходом в полчаса.

Москва, Москва. Как много гроз шумело
Над славной головой твоей, Москва!
Что ж ты притихла? Что ж, белее мела,
Не разделяешь с нами торжества?
Любимая. Дай руку нам обоим.

Отец и сын, мы — граждане твои.
Благослови, Москва, нас перед боем.
Что там ни суждено — благослови!
Спасибо этим памятникам мощным,
Огням театров, пурпуру знамен
И сборищам спасибо полуночным,
Где каждый зван и каждый заменен
Могучим гребнем нового прибоа, —
Волна волну смывает, и опять
Сверкает жизнью лоно голубое.
Отбоа нет. Никто не смеет спать.
За наше счастье — сами мы в ответе.
А наше горе — не твоя вина.

Так проходил наш праздник. На рассвете,
В четыре тридцать, началась война.

5

Мы не всегда от памяти зависим.
Случайный беглый след карандаша,
Случайная открытка в связке писем —
И возникает юная дунга.
Вот, вот она мелькнула, недотрога,
И усмехнулась, и ушла во тьму, —
Единственная, безраздельно строго,
Сполна принадлежащая ему.
Здесь почерк вырабатывался: точный,
Косой, немного женский, без прикрас.
Тогда он жил в республике восточной,
Без близких и вне дома в первый раз —
В тылу, в военной школе.

И вначале
Был сдержан в письмах: «Я здоров. Учусь.
Доволен жизнью».

Письма умолчали
О трудностях, не выражали чувств.
Гораздо позже начал он делиться
Тоской и беспокойством: мать, сестра...
Но скоро в письмах появились лица
Товарищей. И грусть не так остра.
И вот он подавал, как бы на блюде,

Как с пылу-жару, вывод многих дней:
«Здесь, папа, замечательные люди...»
И снова дружба. И опять о ней.
Навстречу людям. Всюду с ними в ногу.
Навстречу людям — цель и торжество.
Так выработывался понемногу
Мужской характер сына моего.

Еще одна тетрадка. Очень чисто,
Опрятность школьной выучки храня,
Здесь вписан был закон артиллериста,
Святая математика огня,
Святая точность логики прицельной.
Вот чем дышал и жил он этот год,
Что выросло в нем искренне и цельно
В сознание долга, в нежеланье льгот.
Ни разу не отвлекся. Что он видел?
Предвидел ли погибельный багрец,
Своей души последнюю обитель?

И вдруг рисунок на полях: дворец
В венецианских арках. Тут же рядом
Под кипарисом пушка.

Но постой!

В какой задумчивости смутным взглядом
Смотрел он на рисунок свой простой?
Какой итог, какой душевный опыт
Здесь выражен, какой мечты глоток?
Итог не подведен. Глоток не допит.
Оборвалась и подпись:

«В. Анток...»

в

Ты, может быть, встречался с этим рослым,
Веселым, смуглым школьником Москвы,
Когда, райкомом комсомола послан
Копать противотанковые рвы,
Он уезжал.

Шли многие ребята

Из Пресни, от Кропоткинских ворот,
Из центра, из Сокольников, с Арбата, —
Горластый, бойкий, боевой народ.

В теплушках пели, что спокойно может
Любимый город спать,

что хороша

Страна родная,

что главы не сложит

Ермак на диком берегу Иртыша.

А может быть, встречался ты и раньше
С каким-нибудь из наших сыновей —
На Черном море или на Ла-Манше,
На всей планете солнечной твоей.
В какой стране, под гул каких прелюдий
На фабрике, на рынке или в порту
Тот смуглый школьник пробивался в люди,
Рассчитывающий на доброту
Случайности... И если, наблюдая,
Узнать его ты ближе захотел,
Ответила ли гордость молодая?
Иль в суете твоих вседневных дел
Ты позабыл, что этот смуглый, стройный,
Одним из нас рожденный человек
Рос на планете, где бушуют войны,
И грудью встретит свой железный век?

Уже он был жандармом схвачен в Праге,
Допрошен в Брюгге, в Бергене избит.
Уже три дня он прятался в овраге
От черной своры завтрашних обид.
Уже в предгрозы мощных забастовок
Взрослели эти кроткие глаза.
Уже свинцовым шрифтом для листовок
Ему казалась каждая гроза.

Пойдем за ним — за юношей, ведомым
По черному асфальту на расстрел.
Останови его за крайним домом,
Пока он пустыря не рассмотрел.
А если и не сын родной, а ближний
В глазах шпииков гестаповских возник,
Запутай след его на свежей лыжне
И сам пройди невидимо сквозь них.
В их черном списке все подростки мира,
Вся поросль человеческой весны.

От Пиреней до древнего Памира
Они в зловещих поисках точны.

Почувствуй же, каким преданьем древним
Повеяло от смуглого чела.
Ведь молодость, так быстро догорев в нем,
Сама клубиться дымом начала —
Горячим пеплом всех сожженных Библий,
Всех польских гетто и концлагерей,
За всех, за всех, которые погибли,
Он, полурусский и полуеврей,
Проснулся для войны от летаргии
Младенческой и ощутил одно:
Все делать так, как делают другие!
Все остальное здесь предрешено.

Не опоздай. Сядь рядом с ним на парте,
Пока погоня дверь не сорвала,
По крайней мере, затемни на карте
В районе Жиздры, западней Орла,
Ту крохотную точку, на которой
Ему навеки постлана постель.
Завесь окно своею снежной шторой,
Летящая над городом метель.

Опять, опять к тебе я обращаюсь,
Безумная, бесшумная, — пойми:
Я с сыном никогда не отпрощаюсь,
Так повелось от века меж людьми.
И вот опять он рядом, мой ребенок.
Так повелось от века, что еще
Ты не найдешь его меж погребенных:
Он только спит и дышит горячо.
Не разбуди до срока. Ты — старуха,
А он — дитя. Ты — музыка, а он, —
К несчастью, с детства не лишенный слуха, —
Он будущее чувствует сквозь сон.

7

Весь день он спал, не сняв сапог, в шинели,
С открытым ртом, — усталый человек.
Виски немного впали, посинели

Таинственные выпуклости век.
Я подходил на цыпочках, бояся
Дохнуть на сына. Вот он наконец
Из дальних стран вернулся восвояси,
Так рано оперившийся птенец.

Он встал, надел ремень и портупею,
Слегка меня ударил по плечу.
Наверно, думал:

«Нет. Еще успею...

Зачем тревожить? Лучше помолчу».

Последний ужин. Засиделись поздно.
Весь выпит чай и высмеян весь смех.
И сын молчит, неузнан, неопознан
И так безумно близок, ближе всех.
Какая мысль гнетет его? Как скудно
Освещена под лампой часть лица.
Меняется лицо ежесекундно.
Он смотрит и не смотрит на отца.
И все в нем недолюбленное, недо-
Любившее.

В мозгу — как звон косы,
Как взмах косы: «Я еду, еду, еду».
Он смотрит и не смотрит на часы.

Сегодня в ночь я сына провожаю.
Не знает сын, не разобрал отец,
Чья кровь стучит, своя или чужая,—
Все потерялось в стуче двух сердец.
Все дело в том, что...

Стой. Но в чем же дело?

Всю жизнь я восхищался им и ждал,
Чтоб в сторону мою хоть поглядел он.
Ждал. Восхищался. Вот и опоздал.

И он прервал неконченную фразу:
— Не провожай. Так лучше. Я пойду
С товарищами. Я умею сразу
Переключаться в новую среду.
Так проще для меня. Да и тебе ведь
Не стоит волноваться.—

Но без сил,

Отец взмолился.

Было восемь, девять.

Я ровно в десять сына упросил.

Пошли мы на вокзал — таким беспечным
И легким шагом, как всегда вдвоем.
Лежал табак в мешке его заплечном,
Хлеб, концентраты, узелок с бельем.
Ни дать ни взять — шел ученик из класса
В экскурсию под выходной денек.
Мой лейтенант и вправду мог поклясться,
Что в поезде не будет одинок:
Уже в метро попутчиков он встретил.
И лейтенанты вышли впятером.
Я был шестым. Крепчал ненастный ветер.
Зенитки били. Где-то грянул гром.
Как будто дождь накрапывал. А может,
Дождь начался совсем в другую ночь...
Да что тут: был ли, нет ли — не поможет.
Тут и гораздо большим не помочь.

Мы были близко. Рядом. Сжали руки.
Сильней. Больней. На столько долгих дней,
На столько долгих месяцев разлуки.
Но разве знали правду мы о ней?

А тут же, с матерями и без близких,
С букетиками маленьких гвоздик,
Выпускники из школ артиллерийских
С Москвой прощались.

Мрак уже воздвиг

Железный грубый занавес у входа
В ночной вокзал.

Кричали рупора.

Пошла посадка...

— Сколько до отхода?

— Час? Полчаса?

— Ну, а теперь пора.

Гражданских на вокзал не пустят.

— Ну, так

Обнимемся под небом, под дождем.

— Постой.

— Прощай.

— Постой хоть пять минуток.

Пока пройдет команда, переждем.

Отец не знает, сына провожая,
Чья кровь, как молот, ухает в виски,
Чья кровь стучит, своя или чужая.

— Ну, а теперь еще раз, по-мужски.—

И, робко, виновато улыбаясь,
Он очень долго руку жмет мою
И очень нежно, ниже нагибаясь,
Простое что-то шепчет про семью:
Мать и сестру.

А рядом, за порогом
Ночной вокзал в сиянье синих ламп.

А где-то там, по фронтовым дорогам,
Вдоль речек, по некошеным полям,
По взорванным голодным пепелищам,
От пункта Эн на запад напрямик
Несется время. Мы его не ищем.
Оно само найдет нас в нужный миг.
Несется время, синее, сквозное,
Несет в охапках солнце и грозу,
Вверху синее тучами от зноя
И голубеет реками внизу.

И в свете синих ламп он тоже синим
Становится, и легким, и сквозным —
Тот, кто недавно мне казался сыном.
А там теснятся сверстники за ним.
На загоревших юношеских лицах
Играет в беглых бликах синева,
И кубари пришиты на петлицах.

А между ними, видимый едва,
Единственный мой сын, Володя, Вова,
Пришедший восемнадцать лет назад
На праздник мироздания живого,
Слепит на фронт, спешит в железный ад.
Он хочет что-то досказать и машет

Фуражкой.

Но теснит его толпа.

А ночь летит и синей лампой пляшет
В глазах отца.

Но и она слепа.

в

Что слезы! Дождь над выжженной пустыней.
Был дождь. Благоеденье пронеслось.
Сын завещал мне не жалеть о сыне.
Он был солдат. Ему не надо слез.

Солдат? Неправда. Так мы не поможем
Понять страницу, стершуюся сплошь.
Кем был мой сын? Он был Созданьем Божьим.
Созданьем Божьим? Нет. И это ложь.

Далек мой путь сквозь стены и по тучам,
Единственный мой достоверный путь.
Стал мой ребенок обликом летучим.
В нем каждый миг стирает что-нибудь.
Он может и расплыться в горькой влаге,
В соленой, сразу брызнувшей росе.
А он в бою и не хлебнул из фляги,
Шел к смерти, не сгибаясь, по шоссе.

Пыль скрежетала на зубах. Комарик
Прильнул к сухому, жаркому виску.
Был яркий день, как в раннем детстве,
Кукушка пела мирное «ку-ку».

Что вспомнил он? Мелодию какую?
Лицо какое? В чьем письме строку?
Пока, о долголетию кукуя,
Твердила птица мирное «ку-ку»?

...Но как он удивился этой липкой,
Хлестнувшей горлом, жгуче молодой!
С какой навек растерянной улыбкой
Вдруг очутился где-то под водой!
Потом, когда он, выгнувшись всем телом,

Спокойно спал, как дома, на боку,
Еще в лесном раю осиротелом
Звенело запоздалое «ку-ку».
Жизнь уходила. У-хо-ди-ла. Будто
Она в гостях ненадолго была.
И спохватилась, что свеча задута,
Что в доме пусто, в окнах нет стекла,
Что ночью добираться далеко ей
Одной вдоль изб обугленных и труб.
И тихо жизнь оставила в покое
В траве на скате распростертый труп.

Не лги, воображенье.

И путаешься? Что ты тянешь

Ты-то не мертво.

Смотри во все глаза, пока не станешь
Предсмертной мукой сына моего.
Услышь, в каком отчаянье, как хрипло
Он закричал, цепляясь за траву,
Как в меркнувшем мозгу внезапно выплыл
Обломок мысли:

«Все-таки живу».

Как медленно, как тяжело, как нагло
В траве пополз тот самый яркий след,
Как с гибнущим осталась с глазу на глаз
Вся жизнь его, все восемнадцать лет.

Рви ворот свой, воображенье. Помни,
Что для тебя иной дороги нет.
Чем ты упрямей, тем они огромней —
Оборванные восемнадцать лет.

Ну, так дойди до белого каленя,
Испепелись и пепел свой развей.
Стань кровью молодого поколения,
Любовью всех отцов и сыновей.

Так не стихай и вырвись вся наружу,
С ободранной кожей, вся как есть,
Вся жизнь моя, вся боль моя — к оружию!
Все видеть. Все сказать. Все перенести.

Он вышел из окопа. Запах поля
Дохнул в лицо предвестьем доброты.
В то же мгновение разрывная пуля,
Пробив губу, разорвалась во рту.

Он видел все до точки, не обидел
Сухих травинок, согнутых огнем,
И солнышко в последний раз увидел,
И пожалел, и позабыл о нем.
И вспомнил он, и вспомнил он, и вспомнил
Все, что забыл, с начала до конца.
И понял он, как будет нелегко мне,
И пожалел, и позабыл отца.
Он жил еще. Минуту. Полминуты,
О милости несбыточной моля.
И рухнул, в три погибели согнутый.
И расступилась мать сыра-земля.
И он прильнул к земле усталым телом
И жадно, отучаясь понимать,
Шепнул земле — но не губами — целым
Существованьем кончившимся: «Мать».

9

Ты будешь долго рыться в черном пепле.
Не день, не год, не годы, а века.
Пока глаза сухие не ослепли,
Пока окостеневшая рука
Не вывела строки своей последней —
Смотри в его любимые черты.
Не сын тебе, а ты ему наследник.
Вы поменялись местом, он и ты.

Со всей Москвой ты делишь траур. В окнах
Ни лампы, ни огарка. Но и мгла,
От стольких слез и стольких стуж продрогнув,
Тебе своим вниманьем помогла.
Что помнится ей? Рельсы, рельсы, рельсы.
Столбы, опять летящие столбы.
Дрожащие под ветром погорельцы.
Шрапнельный визг. Железный гул судьбы.

Так, значит, мщенье? Мщенье. Так и надо,
Чтоб сердце сына смерть переросло.
Пускай оно ворвется в канонаду.
Есть у сердец такое ремесло.

И если в тучах небо фронтовое,
И если над землей летит весна,
То на земле вас будет вечно двое:
Сын и отец, не знающие сна.
Нет права у тебя ни на какую
Особую, отдельную тоску.
Пускай, последним козырем рискуя,
Она в упор приставлена к виску.
Не обольщайся. Разве это выход?
Всей юностью оборванной своей
Не ищет сын побрякушек или выгод
И в бой зовет миллионы сыновей.
И в том бою, в строю неистребимом
Любимые чужие сыновья
Идут на смену сыновьям любимым
Во имя правды, большей, чем твоя.

10

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек.
Пусть этим прощаньем окончится повесть
О самой глухой из глухих одиночек.

Ты в ней остаешься. Один. Отрешенный
От света и воздуха. В муке последней,
Никем не рассказанный. Не воскрешенный.
На веки веков восемнадцатилетний.

О, как далеки между нами дороги,
Идущие через столетья и через
Прибрежные те травяные отроги,
Где сломанный череп пылится, ощерясь.

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.

На этом кончается повесть о сыне.

1943

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ

Корабли уходят в море

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники, —
Над берегом белые чайки
Взвиваются стаей крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.

Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездой
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.

Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,
В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.

Александр Артемов в 1941 году ушел на фронт добровольцем и погиб в 1942 году.

Мы в море уходим надолго,
И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.

Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воеет
У рифов тревожный ревун,
И чайки у берега кружат,
Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.

Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстилает седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,

И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,
И все, что зовется отчиной,
Что близко и дорого нам.

[1941]

ЭДУАРД АСАДОВ

Моему сыну

Я на ладонь положил без усилия
Туго спеленатый теплый пакет.
Отчество есть у него и фамилия,
Только вот имени все еще нет.

Имя найдем. Тут не в этом вопрос.
Главное то, что мальчишка родился!
Угол пакета слегка приоткрылся,
Видно лишь соску да пуговку-нос.

В сад заползают вечерние тени...
Спит и не знает недельный малец,
Что у кроватки сидят в восхищенье
Гордо застывшие мать и отец.

Раньше смеялся я, встретив родителей,
Слишком пристрастных к младенцам своим.
Я говорил им: — Вы просто вредители,
Главное — выдержка, строгость, режим!

Так поучал я. Но вот наконец
В комнате нашей заплакал малец.
Где наша выдержка? Разве ж мы строги?!
Вместо покоя — сплошные тревоги:

То наша люстра нам кажется яркой,
То сыну холодно, то сыну жарко,
То он покашлял, а то он вздохнул,
То он поморщился, то он чихнул...

Впрочем, я краски сгустил преднамеренно.
Страхи исчезнут — мы в этом уверены.
Пусть холостяк надо мной посмеется,
Станет родителем — смех оборвется!..

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами.

Вырастет он и узнает, как я
Жил, чтоб дороги те стали прямее.
Я защищал их, и вражья броня
Гнула, как жезл, перед правдой моею.

Шел я недаром дорогой побед.
Вновь утро мира горит над страной!
Но за победу, за солнечный свет
Я заплатил дорогою ценою.

В гуле боев много весен назад
Шел я и видел деревни и реки...
Видел друзей. Но ударил снаряд,
И темнота обступила навеки...

— Доктор, да сделайте ж вы что-нибудь!
Слышите, доктор, я крепок, я молод! —
Доктор бессилен. Слова его — холод:
— Рад бы, товарищ, да глаз не вернуть...

Доктор, оставьте прогнозы и книжки...
Жаль, вас сегодня поблизости нет,
Ведь через десять полуночных лет
Из-под ресниц засияв, у сынишки,
Снова глаза мои смотрят на свет!

Раньше в них было кипение боя,
В них отражались пожаров огни.
Нынче глаза эти видят иное,
Стали спокойней и мягче они —
Чистой ребячьей умыты слезою.

Ты береги их, мой маленький сын,
Их я не прятал от правды суровой,
Я их не жмурил в атаке стрелковой,
Встретясь со смертью один на один.

Ими я видел и сирот и вдов,
Ими смотрел на гвардейское знамя,
Ими я видел бегущих врагов,
Видел победы далекое пламя,

С ними шагал я уверенно к цели,
С ними страну расчищал от руин.
Эти глаза для отчизны горели!
Ты береги их, мой маленький сын!

Тени в саду все длиннее ложатся,
Где-то пропел паровозный гудок...
Ветер, устав по дорогам слоняться,
Чуть покружил и улегся у ног...

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами...

Нет! Не пойдет он тропинкой кривою.
Счастье себе он добудет иное:
Выкует счастье, как в горне кузнец.
Верю я в счастье его золотое.
Верю всем сердцем! На то я отец!

1954

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Это — медленный рассказ...

Это — медленный рассказ,
как полет
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор, —
через Нальчик и Моздок
смотрит смерть
с гор.

Все затянется корой,
схлынет в шум
рек.
Грозный год сорок второй
не забыть
век!

Враг ударил на Черкесск,
Пятигорск
пал.
Враг пошел наперерез
вековых
скал.

По долине Теберды,
через горб —
мост,
перекинул он ряды,
растянул
хвост.

Он преграды прорывал,
бил гранат
град,
на Клухорский перевал
подымал
взгляд.

Вот куда он залетел,
до каких
мест!
В сердце гор он захотел
вбить кривой
крест.

Подымалось на дыбы
все —
врагу встречь:
корнем вверх пошли дубы
на завал
лечь.

На альпийские луга
с ледников
сверк,
чтоб скользящая нога
не прошла
вверх.

Злобно шерил враг клыки,
щурил злой
глаз.
Волчьи горные полки
тщились сбить
нас.

Но у наших медвежат
не был дух
слаб,—
враг был стиснут и зажат
между их
лап.

Захрустел его костяк,
унялась
спесь,
и недолго он в гостях
побывал
здесь.

Обвалился грязи груз,
вновь чиста
даль.
Не склонился Эльбрус
под его
сталь.

Это — медленный рассказ,
тяжкий ход
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор,—
через Нальчик и Моздок
шел громов
спор!

1943

АННА АХМАТОВА

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

*Июль 1941 г.
Ленинград*

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942 г.

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

Одесса, город мой!

Я помню,
Мы вставали на рассвете:
Холодный ветер
Был солоноват и горек.
Как на ладони,
Ясное лежало море,
Шаландами
Начало дня отметив,
А под большими
Черными камнями,
Под мягкой, маслянистою травой
Бычки крутили львиной головой
И шевелили узкими хвостами.
Был пароход приклеен к горизонту,
Сверкало солнце, млея и рябя,
Пустынных берегов был неразборчив контур...
Одесса, город мой! Мы не сдадим тебя!
Пусть рушатся дома, хрипя, в огне пожаращ,
Пусть смерть бредет по улицам твоим,
Пусть жжет глаза горячий черный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой,
Мой спутник и товарищ,
Одесса, город мой,
Тебя мы не сдадим!

1941

Всеволод Багрицкий погиб 26 февраля 1942 года на Волховском фронте.

МИКОЛА БАЖАН

(С украинского)

Клятва

Мы клятвой едины и волей едины,
Одно в нас стремленье растет:
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Мы сталью орудий, свинцом карабина
Разрушим фашистский оплот.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

На битву могучая вышла дружина —
Великий советский народ.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Одела броней любимого сына
Страна, посылая в поход.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Позорная ждет лиходея кончина
Повсюду, куда ни шагнет.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Проклятая свастика давит равнины,
Но гадину гнев наш сотрет.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Под знаменем партии, словно лавина,
Отчизна стремится вперед.
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

1941

Перевод Б. Турганова

Яр

Трава да глина, рыжие провалы,
Замусоренный жуткой гнилью ров.
Порывисто несется одичалый,
Зловещий ветер выжженных холмов.

Не побледнеть, не дрогнуть, не поникнуть, —
Стоять, как суд! Как ратный муж, стоять!
Все клятвы бедны, чтобы клятву крикнуть,
Недостает проклятий — проклинать.

Простой овраг, захламленный и пыльный.
Две бедные осины, старый клен.
Нет, то не тишь! Неугасимый стон,
Ста тысяч уст предсмертный стон бессильный.

Сребристый пепел множества костей,
Осколки лбов, обломки челюстей.
Раздвинулись песчаные откосы.
Ползут из ямы золотые косы.

Тлен не разрушил, ветер не унес
Мерцающее золото волос.

В густой грязи поблескивают блекло
Очков разбитых стариковских стекла
И дотлевают, втоптаный в песок,
Окровавленный детский башмачок.

Над глиной и песком лежит, как пена,
Ужасный след стотысячного тлена.
Замешан склизкий и тягучий клей
Убогими останками людей.

Здесь что ни шаг ревел костер багровый,
Шипели нефтью жирные ключи
И в трупах жадно рылись палачи,
Чтоб поживиться с мертвецов обновой.

Гнетущий, тяжкий, нестерпимый дым
Вставал и нависал над страшным яром.
Он веял смертью, он душил кошмаром,
Вползал в дома страшилищем глухим.

Сполохи рдяно-черные витали
Над онемевшей в ужасе землей,
Злым отблеском пути окровавляли,
Окутывали Киев грязной мглой.

Смотрели люди, схоронясь в жилища,
Как за венцом кирилловских домов,
За тополями дальнего кладбища
Их плоть и кровь горит в дыму костров.

Дыханьем смерти самый воздух выев,
Плыл смрадный чад, тяжелый трупный жар,
И видел Киев, гневнолицый Киев,
Как в пламени метался Бабий Яр.

Мы этот пламень помнить вечно будем,
И этот пепел — он неискупим.
Будь проклят тот, кто скажет нам: «Забудем».
Будь проклят тот, кто скажет нам: «Простим».

ТЕМБУЛАТ БАЛАЕВ

(С осетинского)

Родина

Синь Алагира, Джава скалы,
Ардона горные пути!
Там сердце, как ягненок малый,
От счастья прыгало в груди.

Там в Каспий мчался бурный Терек,
Там гордо высился Казбек,
Там тихо падала на берег
Волна, закончив свой разбег.

Под ясной синью небосвода
Песнь соловьиная лилась...
Меня, мальчишку-коновода,
Как сына, вынянчил Кавказ.

Я там узнал беспечность детства,
Полей зеленых ветерок...
На лунный вечер наглядеться,
Как на любимую, не мог.

Как всякий горец, гордый силой,
Я не сводил с Кавказа глаз,
Пока внезапно, в час немилый,
Война не разлучила нас.

Бывало, вербы при дороге
Мне в пояс кланялись, звеня...
Смущенно месяц тонкорогий
Сквозь них приветствовал меня...

И под фандыра голос нежный
Рассказывал старик отец,
Как батраком был в жизни прежней,
Как стал свободным наконец...

Я за тебя врагу навстречу
Иду без страха, мой народ,
И звук твоей прекрасной речи
Всегда в душе моей живет.

Ты все мне отдал, край родимый,
Дышу дыханием твоим.
Мы вместе! Мы непобедимы!
Мы все с тобою победим!

1942

Перевод В. Тушиновой

ИОСИФ БАЛЦАН

(С молдавского)

Двадцать четвертое августа

Нас захватил садов и пепла запах,
Когда вошли мы с боем

в Кишинев.

А он сынам указывал на запад
Руками искалеченных домов.

Мы на пороге увидали снова
Родных людей
В неповторимый час.
И на пороге жизни
Вся Молдова
Встречала нас
И провожала нас.

Молдавский виноград созрел
до срока,

До срока в бочках
он перебродил,

Чтоб угостить бойца,
Что шел с востока
И что на запад дальше уходил.

1944

Перевод А. Кронгауза

ИОХАННЕС БАРБАРУС

(С эстонского)

Сон о родине

Мне снишься ты в садах, кудрявой,
Разлившейся в цветущем море,—
А наяву: тевтон кровавый
В твоих усадьбах сеет горе.

Мне снятся — клейкий лист березы
И на лужайках незабудки,—
А наяву: кровь, пепел, слезы,
Играет смерть на старой дудке.

Мне снится: поле колосится,
Дымится золотой пылью,—
А наяву: жнет голод жница,
Нужда стучится в дверь клюкою.

Мне снится — ожил лес понурый
И море вздыбилось волнами,—
То наяву, взметнувшись бурей,
Народный гнев гремит громами.

Да, сны мои все явью станут,
И ты воспрянешь под грозою,
И вновь очам моим предстанут
Сады, цветущие весною!

1942

Перевод А. Глобы

СЕРГЕЙ БАРЕНЦ

Рубежи

Под ливнем стали
Перекрестным.
Упал боец на пулемет.
Он в звездный миг
Под небом звездным
Открыл для взвода путь вперед.

И так всегда.
В любом движенье
Есть тот,
Кто жертвует собой.
И, на него держа равненье,
Выходят люди в наступленье,
Победно завершая бой.

АГНИЯ БАРТО

Глаза девчонки семилетней
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжелая тоска.

Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней — молчит в ответ,
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет.

Вдруг сразу словно ветер свежий
Пройдет по детскому лицу,
И, оживленная надеждой,
Она бросается к бойцу.

Защиты ищет у него:
— Убей их всех до одного!

1942

САЛИХ БАТТАЛ

(С татарского)

Прощай, Казань!

Я голову свою высоко нес,
Но вот пора настала ей склониться:
Едва я только «Здравствуй!» произнес,
Как слово «Хуш!»¹ должно произноситься.

— Прощай, Казань!
Мне на твоём снегу
Прощальный след оставить так не просто,
Едва соприкоснувшись краем губ
С твоим, таким гостеприимным, тостом.

Я повернул.
Вокзал передо мной.
Как до разлуки близко расстояние!
И улицы хрустящей белизной
Мне сапоги целуют на прощанье.

Ты — позади, в сплетении теней,
Ты все туманней...
Как в тебя взглядеться?
Но ты, Казань, и крепче и ясней
Осталась жить в моём солдатском сердце.

— до свидания.

Хуш, хуш, Казань!
Дела большие есть.
И слышится бойцу в колесном геме:
Ко мне зывают и святая месть,
И счастье, полоненное врагами.

Прощай, приют, дыханьем теплоты
Меня согревший посреди дороги,
Моя одна-единственная ты
Среди моих родных и очень многих.

1944

Перевод Б. Дубровина

САЛИХ БАТТАЛ

(С татарского)

Прощай, Казань!

Я голову свою высоко нес,
Но вот пора настала ей склониться:
Едва я только «Здравствуй!» произнес,
Как слово «Хуш!»¹ должно произноситься.

— Прощай, Казань!
Мне на твоём снегу
Прощальный след оставить так не просто,
Едва соприкоснувшись краем губ
С твоим, таким гостеприимным, тостом.

Я повернул.
Вокзал передо мной.
Как до разлуки близко расстоянье!
И улицы хрустящей белизной
Мне сапоги целуют на прощанье.

Ты — позади, в сплетении теней,
Ты все туманней...
Как в тебя взглядеться?
Но ты, Казань, и крепче и ясней
Осталась жить в моем солдатском сердце.

¹ Х у ш — до свидания.

Хуш, хуш, Казань!
Дела большие есть.
И слышится бойцу в колесном геме:
Ко мне зывают и святая месть,
И счастье, полоненное врагами.

Прощай, приют, дыханьем теплоты
Меня согревший посреди дороги,
Моя одна-единственная ты
Среди моих родных и очень многих.

1944

Перевод Б. Дубровина

ИВАН БАУКОВ

Горит Варшава

Девятый день горит Варшава,
Девятый день бойцы не спят,
И галки красные пожара
В ночи летят, летят, летят.

И Висла, бледная от горя,
Волной игривой не шумит,
И древний Ян, нахмутив брови,
На запад день и ночь глядит.

В костеле догорают свечи,
Рука застыла на груди.
Усердно ксенда молитву шепчет,
Взывает к господу: «Приди...»

Но бог молчит, пылает запад,
Лютует немец по ночам...
И древний Ян снимает шляпу
И земно кланяется нам.

Полячки, ладные собою,
На перекрестке двух дорог
Взирают на бойцов с мольбою
И шепчут: «Помоги вам бог».

И дарят нам в тумане синем
Цветы и ласку влажных глаз,—
Для них солдаты из России
Дороже братьев в этот час.

А впереди горит Варшава,
Вот так же, как горел Смоленск,
И галки красные пожара
Стремятся в почерневший лес.

Проходят беженцы босые,
Вокруг гремит орудий гром.
Все так же, как вчера в России,
Под Сталинградом, под Орлом.

1944
Божа Воля

Говори мне о России...

Говори о звездной ночи,
О березах, об осинах, —
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

Лишь бы только за беседой
Отдохнул я от чужбины.
Говори мне о соседях,
Говори мне о рябине.

Говори о черных пашнях,
О высоком темном боре,
Говори о реках наших,
Что играют на просторе.

Говори мне об угодьях,
О лесных тропинках узких,
О весеннем половодье —
О раздолье нашем русском.

Говори о звездной ночи,
О рязанском небе синем, —
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

1945
Былгоць

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Я верю в свой народ

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

7 ноября 1941 г.

Ленин — с нами!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: Ленин — с нами!
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нем!

21 января 1944 г.

Тех, кто ушел,
 никем не заменили,
А тех, кто пал,
 ничем не воскресишь!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил
 дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас
 вторгался у Митавы.
Я в Пантеон
 из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот адов,
И мой удар во фронт фашистских орд,
Мой грозный шаг
 и гул моих снарядов
Преображали Пляс-де-ля-Конкорд!

И тем я горд,
 что в годы грозовые
Мы золотую Францию спасли,
Что брал Париж любой солдат России,
Как честный рыцарь счастья всей земли.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я
 миру и отчизне:

— Я брал Париж!

ХАЛИЖАН БЕКХОЖИН

(С казахского)

Освенцим

Разве можем мы быть равнодушными к злу?
Страшный призрак я вижу сквозь смрадную мглу:
Черным прахом дымятся на страшных кострах
Миллионы людей, превращенных в золу.

Слышу голос я жалобный, памятный мне.
Показалось на миг — наяву иль во сне? —
Стонет, плачет и кличет на помощь меня
Брат мой, ставший золой в этом адском огне.

Безутешная полька над пеплом стоит.
Нет любимого... Кто ей его возвратит?..
Льются слезы, и пепел тускнеет седой,
Будто дождь ледяной его хмуро кропит.

В этой страшной, угрюмой, больной тишине
Образ брата погибшего видится мне,
Он из пепла восстал и назвал палачей —
Тех, кого я в атаках встречал на войне.

Грозной молнией гнев полыхает в груди,
Гулко сердце стучит: «Не прощай! Не прощай!»
Мне, из пепла взывая, кричат мертвецы:
«Ты за нас отомсти, за поруганный край!»

Голос брата среди голосов я узнал —
Он убийц проклинал, он убийц проклинал.
И когда уходил я в гремящую даль,
Он за мной торопился, меня нагонял.

1945

Перевод П. Шубина

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

Пчелиный день

Вчера у пчел была нелетная погода —
Шел долгий дождь. Мир спал под сеткой брызг,
Жужжали в ульях рыжие пилоты
И, хмурясь, выходили на карниз.

Но день прошел. И ночь. А на рассвете
Метнулось солнце в чистых облаках.
Мир, залитый прозрачным, ясным светом,
Зацвел, защелкал, засиял, запах!..

Наверно, в ульях все готовы были.
Возня... Галдеж... «Летишь?» — «Лечу, лечу!»
В сады, в поля поплыли эскадрильи
По солнечному теплому лучу.

И мы у леса на траве зеленой
Заждались этих голубых высот,
Рулим на старт тяжелые «бостоны»,
Готовые в очередной полет.

Не за нектаром, не за мирным медом.
Не на лесные нежные цветы —
Летим бомбить фашистские заводы
И через Одер длинные мосты...

Земля дрожит от бомбовой работы
В столбах железа и в столбах воды,
Чтоб светлым медом набухали соты,
Чтоб жили наши русские сады.

1944

Сербский язык

Твердил я сербского склады,
Учил я сербский стих.
Как сербские слова тверды,
Как мало гласных в них.

Но как в бою они звучат,
Тогда лишь ты поймешь,
Когда в штыки идет отряд,
По-сербскому — «на нож».

Я понял трудный их язык,
Народа дух открыв,
Язык, разящий точно штык:
Срб. Смрт. Крв.

1944

КОНСТАНТИН БЕЛЬХИН

Письма

Они приходят и сюда,
на край земли,
где сказочным сияньем
небо щедро,
где ночь без края,
где снега и ветры
надолго
все дороги замели.
Они приходят,
дорогие письма,
из дальних сел,
из дальних городов,
где жили,
где росли,
где родились мы,
где каждый встречный
нас обнять готов.
Мы верили,
что письма вновь придут
с знакомою печатью
на конверте.
Мы знали:
каждый дом наш —
наш редут.
И каждая семья —
сильнее смерти.

Январь 1942 г.

Константин Бельхин погиб в 1943 году в Заполярье.

А город был в дремучий убран иней.
 Уездные сугробы, тишина...
 Не отыскать в снегах трамвайных линий,
 одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
 На детских санках, узеньких, смешных,
 в кастрюльках воду голубую возят,
 дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
 за много верст, в густой туманной мгле,
 в глуши слепых, обледеневших зданий
 отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
 Серая полумаска на лице,
 в руках бидончик — это суп на ужин.
 Свилятся снаряды, свирепеет стужа...
 — Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
 упрямо стиснув почерневший рот,
 завернутое в одеяло тело
 на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б..
 Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
 Скинь шапку, гражданин!

Провозят ленинградца,
 погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
 Как многих нам уже недосчитаться!
 Но мы не плачем: правду говорят,
 что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
 Нам ненависть заплакать не дает.
 Нам ненависть залогом жизни стала:
 объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на Охтенском, на правом берегу.

3

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
и знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце, во мраке, в голоде, в печали
мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем,—
мы этот день уже завоевали.

4

Враги ломались в город наш свободный,—
крошились камни городских ворот...
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем,
но Красный Питер
не сдадим!..

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем...

— Ты сдашься, трусишь, — бомбы нам
кричали, —

забьешься в землю, упадешь ничком!
Дрожа, запросят плена, как пощады,
не только люди — камни Ленинграда!

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день, и, радуясь, спеша,
еще печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданье,
лицом к восходу солнца самого,
поставим мраморное изваянье
простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,
так, как стоял, держа неравный бой:
с закинутою к небу головой,
с единственным оружием — лопатой.

5

О древнее орудие земное,
лопата, верная сестра земли!
Какой мы путь немислимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли.
Мне и самой порою не понять
всего, что выдержали мы с тобою...
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны,
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами,—
не поверит,
что в сотни раз почетней и трудней
в блокаде, в окруженьи палачей
не превратиться в оборотня, в зверя...

.....

Б

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

И не хваюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурно дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
достойно не воспетое пока,—
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака;

когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить,
 когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни, будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.

Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,
 как Труженик,
 как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,
 счастливым, щедрым днем,—
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венки в обугленных руках.

Январь — февраль 1942 г.

ВИКТОР БЕРШАДСКИЙ

Баллада о мужестве

Славно воевали моряки,
Перед смертью смазали замки.

Спит эсминец на глубоком дне
Со смертельной раню в броне.
В амбразуры, немые и круглы,
Смотрят орудийные стволы.

Прибыл аварийный мотобот,
Вьется змейкой воздухопровод.
Под водою, как в лесу, темно,
Водолаз спускается на дно.

Здесь мои товарищи клялись,
Моряки погибли — не сдались!
И волна смертельной синевы
Смыла бескозырки с головы.

Будут жить морские корабли,—
Вот уже понтоны подвели.
Вот уж
Рубка над водой видна
Миноносца, всплывшего со дна.

Если бы я мог когда-нибудь
И моих товарищей вернуть!

1915

БОРИС БОГАТКОВ

Наконец-то!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас все это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал ее! И наконец-то
Вот она, желанная, в руках!..
...Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за все родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!

1941

Борис Богатков пал смертью храбрых 11 августа 1943 года в бою за Гнездиловскую высоту (в районе Смоленск — Ельня), поднимая взвод в атаку.

ДЖОМАРТ БОКОНБАЕВ

(С киргизского)

Любимой с фронта

Склонилась серебристая ветла,
И веяли счастливые ветра,
Пел сладостно под утро соловей...
Забуду ли, как жизнь была светла?
Я с яблони взял яблоко с утра
И дал тебе в знак верности своей...

И верили мы клятвенным словам,
И яблоко мы съели пополам.
И пламя поклялись мы уберечь,—
И пламени погаснуть я не дам!
Любимая, что делается там,
Где радостью звенела наша речь!

Всегда я шел бы рядышком с тобой
Уверенною, твердою стопой,
Судьбу свою связал бы навсегда
С твоей неомраченной судьбой!
Делили бы мы поровну с тобой,
Как яблоки, веселые года.

Завидно стало черным палачам,
Что звезды нам светили по ночам!
Разбойники, лишённые души,
Завидовали утренним лучам,
Сияющим от радости очам,
Расправленным, развернутым плечам!
Что утренние розы хороши,
Завидно стало черным палачам!

Покинул я родимые места,
Где молодость прекрасна и проста,
Где горы уплывают в облака,
Где просится улыбка на уста...
Махнула ты платком издалека,
И маленькой ты стала, как звезда...

Но ты, моя подруга, не тужи.
«Любимый мой сражается», — скажи,
Без горечи ты думай обо мне,
За жизнь мою, голубка, не дрожи,
Высоко, друг мой, голову держи, —
Гордись, что твой любимый на войне!

1941

Перевод А. Адалис

ИСААН БОРИСОВ

(С еврейского)

Первая тишина

И была тишина.
Мы могли
на руках ее взвесить.
И такая была тишина,
что мы слышали явно:
снова жадные корни
весеннюю влагу сосут.
Было слышно,
как птичья любовь
между ветками дышит.
И звенело молчанье
и билось,
как щука в траве.
И была тишина,
и глаза
узнавали глаза —
человек человека
окликал
на великом земном языке
тишины.

9 мая 1945 г.

Перевод Ю. Левитанского

ГУРГЕН БОРЯН

(С армянского)

Деревья на улице Абовяна

Брожу ль в золотистые сумерки я,
Спешу ль, озабоченный, утром рано,—
Со мной разговаривают друзья —
Деревья на улице Абовяна.

Зеленые песни, знакомую речь
Я слышу сквозь бурю моих раздумий,
Хотят ли от грусти меня уберечь,
Звонит ли надежда в их чистом шуме?

Завесу прошедшего я отведу,
И детство вдруг выплывет из тумана,—
Вот здесь мы сажали, как будто в саду,
Деревья на улице Абовяна.

Мы все пионерами были тогда,
Мы шли из предместий, как на кочевье,
Немало вложили мы чувств и труда
В зеленую поросль — в эти деревья.

А после как часто по мостовой
Бродил я влюбленным, с думою жаркой,
Под этой сплошной тенистой листвою,
Что стала любви триумфальной аркой.

Когда уходил я далеко от вас,—
Под гром военного урагана
Я думал: как грустно шумят сейчас
Деревья на улице Абовяна!

Я с поля сраженья победу принес,
Я видел отчизну в боях непрестанно:
Зеленым костром меня грели в мороз
Деревья на улице Абовяна.

И снова я дома — солдат и певец,
Вот дочка моя, смугла и румяна.
Как рады мы оба — и дочь и отец —
Деревьям на улице Абовяна.

Настанет пора поколениям иным
Шагать по земле, где брели караваны,
И новой листвою шуршать будут им
Деревья на улице Абовяна.

О, если б смогла моя песня доплыть
До берега будущих дней, не увянув!
Я сердце вложил в эту землю, чтоб жить
Деревьям на улице Абовяна.

1946

Перевод В. Звягинцевой

СЕМЕН БОТВИННИК

Я спал в окопе тесном. Предо мной,
Январской озаренное луной,
Блестело поле. Красная ракета
С шипеньем догорала на снегу,
И яростно за перелеском где-то
Орудья ударили по врагу...

Я спал в окопе тесном...
Снился мне
Чапаев на горячем скакуне,
И в лунном свете синие клинки,
И словно крылья — бурка, и по знаку
Летят — почти по воздуху — в атаку
Его кавалерийские полки...
Дыхание совсем другой войны,
Распахнутой, хрустящей тишины...

Внезапно танки с грохотом пошли.
Я встал. Земля ходила и гудела,
И небо, оторвавшись от земли,
На огненных столбах окаменело...

И к вражьи дотам медленно ползли,
Как близнецы, похожие солдаты;
Чернели сбоку голые кусты,
И мир лежал, разбитый на квадраты,
И ставили безусые комбаты
На смятых картах красные кресты.

1943

НИКОЛАЙ БРАУН

Сине море

Сине море, сине море,
Белый парус, ярый шквал!
С детских лет про сине море
Только в сказках я слышал.

В тульском поле, на равнине,
В тихих лиственных лесах
Я мечтал об этой сини,
О заморских чудесах.

Если утром луг в тумане
Будто волнами кипит,
Это в море-океане
Чудо-юдо, рыба-кит.

Улетали птицы клином
В край далекий, за моря,
И вставали из пучины
Тридцать три богатыря.

В том краю не знают горя,
В том краю не видят зла.
Пел я песню, как по морю
Лебедь белая плыла.

Сине море, сине море,
Неизвестные края!
За родную землю споря,
В сине море вышел я.

Мне не в сказке волны пели,
Ты теперь не только сон,
Я в морской твоей купели
Боевым огнем крещен.

Надо мной вставал железный
Шквал смертельного огня,
Подо мной кипела бездна,
Синей влагой леденя.

Я подумал: «Нет, не сгину!
Ярость мне дана не зря, —
Выходили ж из пучины
Тридцать три богатыря!»

За родную землю споря,
Я родным тебя назвал.
Сине море, сине море,
Белый парус, ярый шквал!

1943

ПЕТРУСЬ БРОВКА

(С белорусского)

Надя-Надейна

Плачет в лесу сиротливо жалейка:
— Стихла ты,
смоклка, Надя-Надейка!

Кто ж это думал,
как это случилось?
Черная темень в глазах закачалась,
щеки запали,
руки завяли.

— Надя-Надейка,—
плачет жалейка,—
больше рукам твоим
жита не жать,
жита не жать,
снопов не вязать!

Пятую ночь на березе у хаты
низко висит она в петле проклятой.

Горюшко-горе сердце сковало:
— Что ж ты, березонька, не отстояла?

Желтые листья, горькие слезы
падают, сыплются наземь с березы:
— Добрые люди, меня не вините,
лучше под корень березу спилите.

Буйные ветры, лютые бури,
по лесу бродит разведчик понурый.
— Хлопче-молодче, смутные очи,
срежь меня, белую, темною ночью:
с горем-бедою стоять уж нет мочи!

Помню я смех ваш,
гули-гулянки,
песни-веснянки,
зори-зорянки...

Темная туча с запада встала,
танки пришли, земля застонала,
дымом дохнули — черной я стала.

Дикой ордою
кинулись с всем,
Надейку убили,
красу загубили.

Полям потоптанным, темной дубровой
ходит с винтовкой разведчик суровый:

— Скоро вернусь я
вместе с друзьями;
грянем нежданно,
ударим громами,

выжжем врагов мы железом каленым,
землю очистим, тучи разгоним.

И, окликаая:
«Надя-Надейка!» —
песней свободной
зальется жалейка.

1943

Перевод Д. Осина

Землянам

Расскажу вам, друзья, и далеким и близким,
Про тоску, что гнездо в моем сердце свила.
Вспоминаются мне перелески под Минском,
Где калина над юностью нашей цвела.

На привале досуг коротая недлинный,
Мы услышим в тот час, когда запад погас,
Как в выси пролетает косяк журавлиный,
Он на родину вести уносит от нас.

Крикнуть хочется вслед: «Журавли, расскажите
Вы родной стороне, что придем мы назад,
Что тропинка нам каждая памятна в жите,
Каждый холм на погосте, где предки лежат!..»

Есть одна у меня с малолетства примета:
Дом мой там, где гудит, словно колокол, бор.
Даже зреньё утратив, пройду хоть полсвета
И найду его, как находил до сих пор.

Быть в разлуке мне долго пришлось с ним...
Ну что же!
И теперь мне, как прежде, он дорог и мил.
Слышу — вербы зовут и призывно, пригоже
Луг шумит, где я первый прокос проходил.

Я надежду в душе никогда не утрачу,
Что увижу опять мой родной уголок,
Пруд, в который бросал я венки наудачу,
Речку, где колыхался мой детский челнок.

Боевого поста своего не покину
До тех пор, пока враг не уйдет за предел.
Сын растет у меня, и обязан я сыну
Все сполна передать, чем я прежде владел:

Небо родины, звезд златотканых узоры,
Беспокойные волны широкой Двины,
И поля, и леса, и луга, и озера,
И криницы, где все наши думы видны,

Материнские песни, с которыми рос я,
Тени ветел, что по ветру падают ниц,
И, как струны, звенящие в поле колосья
В шуме теплых дождей, в перекличке зарниц.

Верю я, земляки, завладеем мы снова
Всем, что видится нам, словно сон наяву, —
Клен, что вырос под окнами дома родного,
Золотую над нами раскинет листву.

Пусть в разлуке нам тяжело, но мы не заплачем, —
Нет, мы станем громить беспощадней врага,
Чтоб, за ним по следам поспешая горячим,
Нам родные увидеть скорей берега.

Перевяжем кровавые раны на теле,
Смоем пыль и усталость росой ледяной
И с друзьями, пока просыхают шинели,
Ради праздника с чаркой пройдемся одной.

Все приложатся к ней — пехотинцы, танкисты
И старик партизан, смерть встречавший не раз...
Сказ, родившийся тут же, споют цимбалисты,
Сказ о том, как невзгода покинула нас.

1943

Перевод Н. Рыленкова

Рана

Я солдат-фронтовик,
А война так сурова,
Что я думал порой —
Мне уж больше не жить.
Восемь ран залечил,
В строй вернулся я снова,
Только рану одну
Не могу залечить.

Улеглась бы тоска,
Если б снова напиться
Мне воды той живой,
Что пивал я не раз;
Если б я повидал
Тот чабрец с медуницей
И столетний тот бор,
Что под Минском у нас.

Эту жажду ничем
Утолить не могу я,
Сердце только одною
Лишь думой живет:
«Мне попасть бы скорей
На сторонку родную!..
И громить бы врага,
Пробиваясь вперед!»

1943 *Перевод Н. Ушакова*

НИКОЛАЙ БУКИН

Прощайте, скалистые горы

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.
Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий —
Родимая наша земля.

1944

ЕМИЛИАН БУКОВ

(С молдавского)

Победа

Я ждал тебя, не как влюбленный
Подругу ждет — придет ли, нет...
Я ждал тебя, как сад бессонный
Ждет на заре, чтоб хлынул свет.

Я шел к тебе, нетерпеливый,
И под собой не чуял ног.
Навстречу полыхали нивы
И месяц заносил клинок.

Мне заступали путь руины
И горе разрывало грудь...
Я шел к тебе, и путь был длинный,
Но не хотел я отдохнуть.

Пришла, как в небо голубое
Приходит солнышко весной, —
И смолк далекий грохот боя,
Запели птицы надо мной.

Мне столько слов сказать хотелось!
Но слезы хлынули из глаз,
Впервые изменила смелость,
И робок был я в этот час.

И столько чувств во мне боролось!..
Я слышал в имени твоём
И детский смех, и женский голос,
И радостных салютов гром.

1945

Перевод С. Мар

НИНА БЯЛОСИНСКАЯ

А лето
в подмосковном дыме
в июль торопится —
в зенит.
Бушует гроздьями густыми,
дождями пышными звенит.

Девчата из зенитной части,
когда смолкает звук сирен,
выскивают капли счастья —
пятиконечную сирень.

1959

ИВАН ВАВИЛИН

(С коми)

Помню: в тайге, у опушки,
Девочка в чащу кричала:
«Сколько до свадьбы, кукушка?» —
И кукованье считала.

«Если, кукушка, права ты,
Восемь годков отмелькают,—
А по весне, на девятый,
Свадьбу в деревне сыграют...»

Не на таежной опушке,
Зверя стреляя пушного,
Голос вещуньи-кукушки
Нынче услышал я снова.

Голос, укрытый листвою
Венских лесов, издалече
Я услышал после боя
Как-то однажды под вечер.

Я, словно девочка в парме¹,
Ждал от кукушки ответа:
Скоро ли вражеских армий
Песенка будет допета?

¹ Парма — тайга.

Раз лишь «ку-ку» прозвучало
В зарослях Венского леса.
Запад пылал, но молчала
Листьев зеленых завеса.

Перевод И. Сидоренко

ВИКТОРАС ВАЛАЙТИС

(С литовского)

Товарищам

Товарищи, коль в вихре боя
Подкосит жизнь мою свинец,
Не омрачайте глаз тоскою
И боль гоните из сердец.

Вперед, по вражескому следу,
Вперед идите все быстрее.
Добыв родной стране победу,
Вы отомстите за друзей.

Когда опять родные сосны
Над вами звонко зашумят,
Скажите им, что в битве грозной
Погиб я честно, как солдат,

За то, чтоб не было на свете
Ни войн, ни крови, ни цепей;
Чтоб приносил весенний ветер
Напевы радости с полей.

Пусть, угнетения не зная,
Цветет в труде родимый край.
Пусть пахарь, землю засевая,
Пожнет для счастья урожай.

Пускай растут свободно люди,
И любят родину свою,
И защищают правду грудью,
Как защищали мы в бою!

1943

Перевод П. Железнова

Викторас Валайтис погиб на фронте в 1944 году.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года...
Мой друг мне крикнул: — Есть махорка? —
А я ему: — Иди сюда!..

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва...

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не мог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

1952

Под взглядом многих скорбных глаз,
Усталый, ветром опаленный,
Я шел как будто напоказ
По деревушке отдаленной.

Я на плечах своих волок
Противогаз, винтовку, скатку.
При каждом шаге котелок
Надсадно бился о лопатку.

Я шел у мира на виду —
Мир ждал в молчанье напряженном:
Куда сверну? К кому зайду?
Что сообщу солдатским женам?

Пусть на рассвете я продрог,
Ночуя где-нибудь в кювете,
Что из того! Я был пророк,
Который может все на свете.

Я знал доподлинно почти,
Кто цел еще, а с кем иное.
И незнакомые в пути
Уже здоровались со мною.

А возле крайнего плетня,
Где полевых дорог начало,
Там тоже, глядя на меня,
В тревоге женщина стояла.

К ней обратился на ходу
По-деловому, торопливо:
— Так на Егоркино пройду?
— Пройдете,— вздрогнула.— Счастливо.

Поспешно поблагодарил,
Пустился — сроки торопили...
— Ну что? Ну что он говорил? —
Ее сейчас же обступили.

1956

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Поле русской славы

Медленно и бережно ступая,
мы идем под небом голубым,
в полевых ромашках утопая,
вежливо дорогу уступая
синим колокольчикам степным.
Любо здесь увидеть стаи птичьи
и не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своем величье,
поле нашей славы боевой.
Вот оно простерлось перед нами.
Встань к нему, родимому, лицом,
полюбуйся пышными цветами,
политыми кровью и свинцом.
Все, что было выжжено и смято,
заново оделось в зелена.
Но хранит земля

торжественно и свято
страшный стон железа и огня.
Кажется, пригнись к земле холодной,
чутким ухом ближе припади —
и услышишь звук трубы походной
у пригорка тихого в груди.
Это здесь, под хмурым небом бранным,
шел туляк на смертный бой с врагом,
пробивая путь четырехгранным
кованым карающим штыком.
Это здесь в неистовом разгоне
на роскошных седлах расписных
в бой несли каурой масти кони

забубенных всадников донских.
Это здесь, на голубом просторе,
на виду у меркнувшей зари
разливали огненное море
яростные наши пушкари.
Это здесь, на этом самом месте,
не ходивший к страху на поклон,
испытав всю жгучесть нашей мести,
содрогнулся сам Наполеон.
Поле брани! Поле русской славы!
Это здесь, черней горелых пней,
полегли фашистские оравы
под огнем советских батарей.
Русский воин!

Разве ты в неволе
можешь быть, пока ты сердцем жив?
Разве ты минуешь это поле,
гордой головы не обнажив?
Разве вдохновенно и сурово
слово клятвы вслух не повторишь?
Разве боевое это слово
в славные дела не воплотишь?
Где б ты ни был, честный русский воин,
помни: о тебе гремит молва.
Будь всегда носить в крови достоин
гневный жар великого родства.
Бейся в схватках равных и неравных
до конца! Плати врагу сполна!
Помни, что ты правнук и праправнук
доблестных солдат Бородина.

1942

Землякам-сибирянам

Я вас славлю за геройство,
за умение воевать,
за решительное свойство
никогда не унывать;
за обычай рвать с размаха

вьюги огненной кольцо
и всегда глядеть без страха
смерти бешеной в лицо;
за любовь к своей винтовке,
за привычку к зимовью,
за хватку, за сноровку,
за находчивость в бою;
за искусство видеть зверя
в глубине лесных берлог,
за умение твердо верить
в свой охотничий зарок;
за упрямый норв ловчий,
перешедший в мастерство,
за особый говор певчий
с ударением на «о».

Я вас славлю за единство,
за пленительный, простой,
братский дух гостеприимства,
за характер золотой;
за выносливость, которой
нет преград и нет застав,
за могучий рост матерый,
за крутой гвардейский нрав;
за испытанный, таежный,
с детства выверенный слух,
за хозяйственный, надежный
ум, который лучше двух.

Славя вас и воспевая,
я горжусь, что у меня
есть такая боевая
знаменитая родня!

АНАТОЛИЙ ВЕЛЮГИН

(С белорусского)

Смоленск

Сосновый малахит,
Заря, как жар костра.
Славян могучий щит
На берегу Днепра.

Он слышал ратный звон,
Не раз встречал врагов.
Бежал Наполеон
Прочь от его снегов.

Он — страж родной земли.
Века стоять стене,
За башнями, вдали,
Шуметь Березине.

1943 *Перевод Я. Хелемского*

Партизанская пушна

В суровой тишине музея
Натертый блещет, словно лед, паркет.
Иссеченный осколками, ржавеет
Засохшей кровью темною лафет.

То пушка партизан Козлова.
Замок добыли на озерном дне.
На пушке имя рядового,
Что пал под Брестом первым на войне.

Собрали пушку землеробы,
И в январе ударили грома.
Решили Копыль и Старобин:
На выручку пришла Москва сама!

И снится ей теперь, в музее,
Пожар лесной, Козлова санный рейд.
...Но небо от ракет светлеет,
Гремит салют армейских батарей.

И, гильзы подбирая, дети
На улицах щебечут, как стрижи.
Средь зала пушка на паркете
В огне ракет от зависти дрожит.

Разбитую стальной грудью
Вновь, кажется, она вздохнет,
И гром
друзей ее разбудит,
Что спят среди полей, озер, лесов, болот.

1945

Перевод Е. Винокурова

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

(С литовского)

На Волге

Слышно в каюте, как дышит огромная Волга,
Звезды погасли над нами — одна за другой.
Ветер притих на рассвете, усталый и волглый.
Слышится: ранняя птица кричит за рекой.

Гость из далеких краев на реке этой светлой,
Долго смотрю я на волжской волны синеву.
Как стосковался по родине я и по ветру!
Хочется мне, чтоб летел этот ветер в Литву...

Снова я слышу загубленных братьев стенанья,
Хоть далеки до родимой Литвы расстоянья...
В голосе чайки мне слышится отзвук мольбы.

Всюду туманов развешаны сизые сети.
Волга! Ты морем широким встаешь на рассвете —
Песня народа и образ народной борьбы.

1942

Перевод Л. Озерова

АРОН ВЕРГЕЛИО

(С еврейского)

Оседлать дорогу

Мой ординарец не поймет, что значит оседлать
дорогу.
Алтайский пахарь, он седлал колхозного коня.
— Да под какое же седло?.. — бормочет он
с упреком.
А ветераны говорят: — Да под седло огня!

Угрюмо смотрит мой солдат в хохочущие лица.
Задумывается. Глядит с обидой на меня.
— Ну, как дорогу оседлать? Она не кобылица.
И как дороге на бока навесить стремена?

Я улыбаюсь, я хочу утешить ординарца.
(Что ж, этот парень молодой мне ближе, чем
родня...)
— Еще минута,— говорю,— и сможешь
разобраться,
Что означает оседлать, накрыть седлом огня!

К дороге скрытно подползем и бросимся в атаку,
И зануздаем мы ее, и шпорами в бока
Ударим, чтобы не ввалась и не тряслась со
страху,—
И вот на этом рубеже удержим мы врага.

1942

Перевод В. Корнилова

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА

Дети

Все это называется — блокада.
И детский плач в разломанном гнезде...
Детей не надо в городе, не надо,
Ведь родина согреет их везде.
Детей не надо в городе военном,
Боец не должен сберегать паек,
Нести домой. Не смеет неизменно
Его преследовать ребячий голосок.
И в свисте пуль, и в завыванье бомбы
Нельзя нам слышать детских ножек бег.
Бомбоубежищ катакомбы
Не детям бы запоминать навек.
Они вернутся в дом.

Их страх не нужен.
Мы защитим, мы сбережем их дом.
Мать будет матерью.

И муж вернется мужем.
И дети будут здесь.
Но не сейчас. Потом.

1942
Ленинград

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

Баллада о хлебе

Я помню: мы вышли из боя
в разгар невеселой поры,
когда переспевшие, стоя,
ломались хлеба от жары.

Ни облака в небе, ни тучи...
Не чая попасть на гумно,
слезой из-под брови колючей
стекало на землю зерно.

Солома сгибала колени,
как странник, уставший в пути...
В Ивановке — местном селенье —
Иванов — шаром покати!

Авдотьи кругом да Орины,
короче — солдатки одни.
И видим: еще половины
хлебов не убрали они.

Уставшие —
шли не с парада, —
не спавшие целую ночь,
мы все же решили, что надо
хоть чуточку бабам помочь.

И тут же, по форме солдаты,
душой же все те ж мужики,
мы сбросили пыльные скатки,
составили в козла штыки.

Но было забыть невозможно.
Платки приспустивши до глаз,
тоскливо, печально, тревожно
глядели солдатики на нас.

Им виделась жатва пная...
Они из-под пыльных платков
глядели на нас, вспоминая,
конечно, своих мужиков.

Глядели, участью не рады,
глядели, на речи скупы...
И мы ощущали их взгляды,
таская в охапках снопы.

Ломили упрямо работу,
носились, не чувствуя ног,
седьмым умывались потом,
быть может, в остатний разок.

И слепли от этого пота...
И очень боялись — вот-вот
раздастся суровое:
«Рота-а!» —
и все, словно сон, оборвет...

ЛЕОНИД ВИЛКОМИР

Мы победим. Мои — слова,
Моя — над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

Пусть на дыбы встанет земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю — мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все могу!

1941

19 июля 1942 года в районе Новочеркасска был сбит самолет, на котором Л. Вилкомир выполнял обязанности стрелка-радиста.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

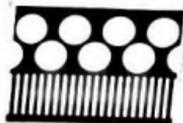
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино,
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный.
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

(С украинского)

Из Неметчины в Чернетчину

Поэма

I

Через поле мчатся танки
Напрямки.
Поднялися спозаранку
В путь стрелки.
Видят: девочка шагает
От села.
Командир глядит, вздыхает:
«Ой, мала!..
Откуда ты?»
«С Неметчины».
«Куда идешь?»
«В Чернетчину».
«А как зовут?»
«Катрусюю».
«А мамка где?»
«С бабусяю
В Чернетчине,
В Ахтырщине.
Далече мне
Идти еще?»
«Да нет,
Верст, может,
С тысячу.
Пройдешь

Луку Борысячью,
А там граница
С Польшею
За хутором
Богольшею,
А там идет
Волынщина...»
«И там моя
Ахтырщина?
Ахтырщина,
Чернетчина.
Я с Волчьего,
Омельчина».
«Не торопись ты,
Катенька».
«А вы не знали,
Батенька,
Омельку Черногорого?»
«Которого?»
«Которого?
Высокого,
Чубатого».
«А он не тот,
Из пятого?
Спросите,
Не с Чернетчины?
Тут дочь идет
С Неметчины».
«С Чернетчины —
Ахтырской я...
Ой, Катенька!
Да ты ль, моя?!»
«Я!.. Я жива,
Живехонька.
Иду домой прямехонько.
Иду — и все,
Кто встретится,
Улыбкою
Мне светятся.
Ведь я иду
В Чернетчину.
А ты куда?»
«В Неметчину.

В Неметчину
Фашистскую,
Далекую,
Неблизкую.
Как сгинет,
Пулей встреченный,
Подбитый враг
В Неметчине,
В Неметчине
Да в Пруссии,
Тогда домой
Вернуся я*.

2

Едут в поле трактористы,
Плугари,
Едут с песнями, присвистом
В час зари.
Им навстречу пятитонка
Мчит вперед.
Стоя в кузове, девчонка
Косы вьет.
«Откуда ты?»
«С Неметчины»,
«Куда спешешь?»
«В Чернетчину.
В Чернетчину,
В Ахтырщину,
За мост
На Монастырщину,
На Ворсклу я
С обновою,
С косынкою
Шелковою».
«А батька где?»
«В Неметчине».
«А мамка есть?»
«В Чернетчине,
За рощею,
Где пасека.
А вы не знали

Братика?
Чубарика,
Бесштанника —
Степаника*.
«Степана
Черногорого?
Бесштанника?
Которого?
Бригадного
Десятника?
Он даст тебе
«Бесштанника»!
Эй, кликните
От Савича
Степана
Омельяныча!»
«Откуда ты,
Пропавшая?»
«С Неметчины,
Из панцины.
Иду я к вам
Из голода,
Лечу домой
Из холода.
А мама где?»
«С бригадою,
Идем скорей,
Порадую».

3

Синим бором,
Вдоль полянки,
По буграм,
Выбегает полонянка
К хуторам.
Мать седая увидала,
Обняла
И от счастья зарыдала:
«Ой, пришла!..
И долго шла?»
«Два месяца».

«А где спала?»
«Где светится».
«А ела что?»
«Что встретится,
Что встретится,
Что станется,
Что у кого
Останется.
Ох, и скупа ж
Неметчина!
Батрачь
С утра до вечера,
А в Польше
Люди милые,
Гордятся
Русской силою.
От них иду
С обновкою,
С косынкою
Шелковою,
Иду и всех
Приветствую,
А спросит кто,
Ответствую:
«Откуда ты?»
«С Неметчины».
«Куда идешь?»
«В Чернетчину».
«А как зовут?»
«Катрусею».
«А мама где?»
«С бабусею
В Чернетчине,
В Ахтырщине».
С дороги, мамка,
Щей бы мне!»

4

Побежала Катя к школе
Вдоль села.
Лишь обугленные колья

Да зола.
Дальше хата изувечена
Была.
«И такая мне Чернетчина
Мила!
Моя ж она —
Чернетчина.
Я с Волчьего,
Омельчина.
Я тут росла,
Училась,
Ее красой
Гордилася.
Я видела
Германию —
Ту землю
Чужедальную,
Безжалостную,
Сытую,
Чужим добром
Забитую.
Где все
Пронумеровано,
Закрыто,
Замуровано.
Летела я
С Неметчины
До милой мне
Чернетчины.
О ней, родной,
Мечтала я,
Всем сердцем
Отвечала я
Прохожему
Да встречному:
«Куда идешь?»
«В Чернетчину,
В Чернетчину,
В Ахтырщину,
За мост
На Монастырщину,
Где Ворскла
Разливается,

Где соловьи
Слетаются
В малину
Да смородину,
Что я иду
На родину!•

1945 *Перевод С. Васильева*

САМЕД ВУРГУН

(С азербайджанского)

Встреча с Москвой

Восемь месяцев я не видал тебя.
Смертоносный к тебе приближался шквал.
Он подкатывал к сердцу — гремя, слепя...
Я тебя никогда не позабывал.

С ночью звездной твоей, с ясным днем твоим
В годы юные был неразлучен я.
Светлолицая, взор твой неомрачим,
Улыбающаяся мечта моя!

Вот и свиделись, и отошла тоска,
И томящего одиночества нет.
Как манил мое сердце издалека
Твой единственный, вечный, счастливый свет.

И любимые улицы вижу вновь.
Как ты юн, древний город, и как хорош,
Наша мысль и душа, наша плоть и кровь.
Вдохновенный, как ты горячо живешь!

Я встречаю моих дорогих друзей,
Обнимаемся крепко и руки ждем,
Лица наши суровой, слова скупей,
Но сердца зажжены боевым огнем.

Зданья, гордо касающиеся туч,
Величавы, как грозное торжество,
Под ударами молний стоял могуч
Вечный город, бесстрашны люди его.

Вижу Красную площадь и свет земли —
Древний Кремль: он — как сказочный великан!
Здесь пройдут поколения, как прежде шли,—
К сердцу солнца стремящийся караван.

Здесь великого Ленина Мавзолей,
Здесь бессмертная сила затаена.
И в лучах ее солнечных все светлей
Человечества радостная весна.

Но сейчас выслал в битву снега и мрак
Верный русский мороз — наш надежный друг.
Как лютует он нынче! И знает враг —
Нет спасенья ему от штыков и вьюг.

Вижу девушку... Облик знакомый! В нем
Я Татьяну Ларину вновь узнаю.
Как она изменилась! Каким огнем
Эти дни озаряли ее в бою!

Свет высокой души неизменен в ней,
Но мечтается ей человек иной,
Человек наших ясных и грозных дней —
Он в шинели, с винтовкою за спиной.

Грозен бронзовый Пушкин в метельной мгле.
Он спокоен, под вьюгами поседев.
Вольнокрылый орел на крутой скале —
Чутко слушает он буревой напев.

И внимает поэту его страна.
Неразрывных созвучий вольный полет
Достигает до звезд, до морского дна,
Движет горы и сердце людское жжет.

Затихает вдали громовой раскат.
И как радостно людям поверить вновь,
Что в борьбе с темной злобою победят
Разум, истина, мужество и любовь!

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Вступаем в немецкое село

Плющом от света отгорожены,
стоят дома старинной моды:
они из карт как будто сложены —
из красных карт одной колоды.

Я на село смотрю и думаю:
здесь, может, тот фашист родился,
с которым я в бою под Уманью
за смерть ребенка расплатился...

Ко мне рука за хлебом тянется,
и женщина с голодным взглядом
не устаёт шептать и кланяться...
Я не могу ее — прикладом!

Пускай борьба до бесконечности
мне злом испытывает душу —
нигде закона человечности
в борьбе за правду не нарушу.

Детей не брошу ради мщения
в дыру колодезя сырую...
Не потому ль в конце сражения
я здесь победу торжествую?!

1945

Судеты

САМУИЛ ГАЛКИН

(С еврейского)

Зима 1942 года

Она войдет навеки в каждый камень,
Оставит след беды и стужи злой.
Изгнать ее не сможет даже пламень
Дневного солнца, раскаленный зной.

Она сквозь шторы черные, глухие
Ворвется в затемненные дома,
Проникнет в кровь и плоть, в сердца
людские —
Неистовая, лютая зима.

Окончится скитаний горьких время,
И с малыми детьми большие семьи
В свои дома вернуться. Но порой
Былое промелькнет почти незримо
В случайном слове иль в глазах любимой,
И вдруг пахнёт военною зимой.

Счастливец: из грядущих поколений
Не будут помнить стужи и лишений,
Но, оглянувшись через много лет,
Увидят стену с трещиной на камне,
Рубец глубокий, знак страданий давних,
Зимы далекой неизбывный след.

1942

Перевод Я. Хелемского

ЦЭДЭН ГАЛСАНОВ

(С бурятского)

Могила героя

В украинской земле, за широким Днепром,
Где песок серебрится, как жемчуг,
Поднимается берег высоким бугром,—
Там могила солдатская есть.

В этой скромной могиле с почетом зарыт
Пехотинец, гвардейский солдат.
В украинской земле беспробудно он спит,
Мой земляк, селенгинец-бурят.

Он прорвался на западный берег Днепра,
На дорогу великих побед,
И упал у песчаной вершины бугра,
Оборвав окровавленный след.

А товарищ его подобрал автомат
И в Берлин с ним, и в Дальний входил:
Русский друг, фронтовой сослуживец-солдат
О товарище память хранил.

В запорожских степях спит теперь мой земляк,
Верный сын забайкальских степей.
На могиле его пламенеющий мак
Жжет огни для его сыновей.

Днепрогэс близ могилы солдата встает,
Словно памятник славы страны,
У которой защитник — бессмертный народ,
У которой бессмертны сыны.

1946

Перевод А. Ольхона

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

(С аварского)

Говорят, что посмертно
Тела наши станут землею.
Я поверить готов
В немудреную эту молву.
Пусть я стану частицей
Земли, отвоеванной с бою,
Той земли, на которой
Сейчас я всем сердцем живу.

1943

Перевод Я. Козловского

Тезке моего брата

*Герою Советского Союза
Магомеду Гамзатову*

Дорогой мой товарищ, земляк и герой,
Я не знаю тебя,
Но приветствовать рад.
Вот прошел уже год и проходит второй,
Как погиб на войне мой единственный брат.

Мне обидно,
Что мало он видел дорог,
Что еще не успел орденов заслужить:
Грудь героя,
Где им полагается быть,
В самом первом сражении осколок прожег.

Брат был молод и весел, как горный ручей.
Где ж теперь он лежит, неподвижен и нем?
Нет, не высушить слез материнских очей
И отца моего не утешить ничем.

Но сегодня про подвиг твой
Слух к нам пришел,
И тогда, в первый раз за нерадостный срок,
Мать сменила свой черный печальный платок,
И отец будто заново сына нашел.

Магомед,
Не встречались мы, но все равно
Я тебя словно брата люблю своего,
Не за то, что у вас
С братом имя одно,
А за то,
Что убил ты убийцу его.

1945

Перевод Н. Гребнева

АШОТ ГАРНАКЕРЬЯН

Россия

И в радостный день и в печальный
С тобою я связан судьбой.
Тебе я не родственник дальний,
Россия, а сын твой родной.
Не только цветы на поляне,
Но даже степной полынок
Мне снился в полночном тумане
Среди чужедальних дорог.
Любви этой знойная сила
И мне, армянину, дана,
Она меня в бурю носила,
Лишала покоя и сна.
Пусть нет во мне крови славянской,
От русского чем отличим?
Лишь взгляд моих глаз азиатских
Загадочным блеском томим,
Лишь смуглая матовость кожи
Напомнит моим друзьям,
Что я не родился в Поволжье,
Не бегал по тульским полям.
Не слушал в Диканьке я сказки
О ведьмах при свете луны,
Что предки мои у Аракса,
В предгорьях, пасли табуны.
Но северный снег, и метели,
И Пушкина гордый язык

С младенческих лет, с колыбели,
Считать я родными привык.
И, голосу совести внемля,
Солдатской дорогой идя,
Сражался за русскую землю,
По-русски себя не щадя.

АЛЕКСАНДР ГАТОВ

Партизан — перелетная птица

Песня

Партизан — перелетная птица.
Отдохни у ночного костра.
Полечи мою рану, сестрица,
Собираться еще не пора.

Бей, бей, гранаты не жалей!
Враг идет кровавый.
Кончим бой — придем домой
С партизанской славой.

Исцарапанный вьюгой, усталый,
Подожди, партизан, дотемна.
Эх, сулит нам хорошего мало
Золотая большая луна!

Мы — борцы за народное счастье,
Мы — народный над Гитлером суд.
Красной Армии братские части
Нам на помощь идут и придут.

Бей, бей, гранаты не жалей!
Враг идет кровавый.
Кончим бой — придем домой
С партизанской славой.

1942

РАЖДЕН ГВЕТАДЗЕ

(С грузинского)

Павшему смертью храбрых Шаламберидзе

Я не видел тебя — и втрое,
Втрое горше потом это выстрадал.
Но возможность узнать героя
Мне твой громкий, предсмертный выстрел дал.

Будто сердца заветное слово
Произнес ты, львенок воинственный.
Вспоминаю тебя, как родного,
Словно сын мой ты был единственный.

Ведь и сын мой — на фронте тоже,
Ты мог быть его однопольчанином,
Боевым его другом... Быть может,
За тобой он ухаживал, раненным.

И когда ты пал в том сраженье,
Может быть, как песнь материнская,
Прозвучало тебе в утешенье
Наше сладкое слово грузинское.

И хотел ты опять наше знамя
В бой нести, словно факел огненный,
И увидеть своими глазами,
Что враги разбиты, отогнаны.

Беззаветно своей отчизне
Отдал кровь ты полною мерою,
До последнего выдоха жизни
В нашу силу победную веруя.

И покуда, как говорится,
Все живое солнцу дано блюсти,
Будет в Грузии Шаламберидзе
Вечным символом воинской доблести.

1942

Перевод Л. Пеньковского

Клятва

Картли милая! В смятенном
Мире, грозном и бессонном,
Алым знаменем священным
И девятиглазым солнцем
Я клянусь. И этим статным
Древом, на костях стоящим.
И спасительным остатком
Спирта в котелке бренчащем.
Я клянусь землей, где гряды
Гор над облачной грядою,
Ржавым сердцем Шавнабады,
Этой строчкой молодою
Я клянусь. Не быть мне сваном,
Никогда не петь мне «Лиле»,
Если силой иль обманом
Браг хотя бы горстку пыли
На земле моей присвоит.
За нее вступая в сечу,
Я, клянусь, как древний воин,
Встречу смерть — улыбкой встречу.
Пасть — так пасть не на колени
И подняться на закате, —
Так не первый, не последний
Тост за родину, за Картли!

1943

Перевод Ю. Ряшенцева

КОСТЬ ГЕРАСИМЕНКО

(С украинского)

Из фронтового блокнота

Ідїть, думи, на Україну.

Т. Шевченко

Батареи всю ночь грохотали,
А когда занялась заря,
Мы раскрыли и перечитали
Милый сердцу том «Кобзаря».
Фронтовые будни суровы.
Нежность... Некогда думать о ней,
Но Тарасово светлое слово
Ощущаешь сквозь бурю дней.
Прочитаешь — и вот приснится:
Жито, поле, над полем зной...
Иль весеннее марево, птицы
Возвращаются в край родной...
О земля моя, не пристало
Нам о тихих тропах мечтать,
Но меня ты заколдовала,
И теперь не могу я спать.
Только б встретить тебя, как друга,
Вновь к тебе, дорогая, прийти, —
Там, где свищут буран и вьюга,
Вечный след Кобзаря найти.
Только знать бы, что здесь, у тына,
Молодая вишня цвела,

Кость Герасименко с начала войны в армии. Он сотрудничает в газетах Южного фронта «Знамя Родины» и «Звезда Советов». В сентябре 1942 года под Туапсе был тяжело ранен и вскоре скончался.

Что Шевченкова Катерина
Здесь когда-то молча брела.
Тополь стройный обнять бы в поле
И сказать, что каждый из нас
Не изменит священной воле,
Для которой страдал Тарас.
Край родимый, хоть ветром синим
Из далекой земли повеи:
Ты под немцем не сгорбил спину,
Ты встаешь всей силой своей!
И Холодный Яр оживает,
На врага ополчась, как встарь,
Из концлагеря убегает
Непокорный слепой кобзарь.
Он заходит в каждую хату,
Он приносит привет от нас:
«Подымайтесь, близка расплата!
Бейте недруга, в добрый час!»
И о землю гремят оковы,
И сквозь пламя, за рядом ряд,
Партизаны выходят снова —
Это факелы их горят.
Батареи гремят, негодую...
Край родимый, с прижатым к груди
«Кобзарем» вновь к тебе иду я,
С гордым словом родимым. Жди!..

ЛЮДАС ГИРА

(С литовского)

Дуют ветры от Урала

Клонятся седые ивы
В шорохе листвы,
Песня плачет сиротливо
О сынах Литвы,
В зелени весенней снова
Ивам зацвести,
Ни один боец суровый
Не свернет с пути.

Дуют ветры от Урала
И снега метут,
Мицения пора настала,—
Мстители идут!

Громче песни зазвучали,
К западу идем,—
Там любимые в печали,
Там отцовский дом.
В ожиданье проглядела
Матушка глаза.
Там творится злое дело,
Буйствует гроза.

В городах ли, в поле чистом,
Всюду, где найдем,
Рассчитаемся с фашистом
За родимый дом,
За отважного героя —
Павшего бойца.

Перебьем фашистов втрое,
Закалив сердца!

Мимо — села и местечки,
Пашен полоса,
Зазвенят, запляшут речки,
Зашумят леса.
Хоть еще огонь бушует,
Будут рады нам:
Радость мы несем большую
Близким и друзьям.

У смоленских белых башен
С первого холма
Словно ветром нам помашет
Родина сама.
Мимо Минска, мимо, мимо
Выжженных полей!
Мы уловим запах дыма
Родины своей.

Мы фашистскую крапиву
Скосим в добрый час.
Воли ждут нетерпеливо
На Литве у нас!
Вражьи силы ослабели,
Дрогнули кругом.
Недалеко нам до цели,
Справимся с врагом!

Не откажемся от мести
Палачам своим,
Это дело нашей чести,
Грозный суд свершим!
И предателям-иудам
Не уйти от нас.
Беспощадны с ними будем
В справедливый час!

Справившись с врагом постылым
На земле отцов,
Воздадим мы честь могилам
Павших храбрецов,

А живых скорей обнимем
И к сердцам прижмем,
Волю вольную любимым
Братьям принесем.

Дуют ветры от Урала
И снега метут.
Мщениа пора настала,
Мстители идут!

1941

Перевод С. Мар

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

Строитель дороги

Он шел по болоту, не глядя назад,
Он бога не звал на подмогу,
Он просто работал как русский солдат
И выстроил эту дорогу.

На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото.
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.

Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу!

Все вытерпи ради родимой земли,
Все сделай, чтоб вовремя, ровно,
Одно к одному по болоту легли
Настила тяжелые бревна.

...На западе розовый тлеет закат,
Поет одинокая птица.
Стоит у дороги и смотрит солдат
На запад, где солнце садится.

Он курит и смотрит далеко вперед,
Задумавший точно и строго,
Что только на запад бойцов поведет
Его фронтальная дорога.

1942

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ

Мы, вымокшие, злые, ждем сигнала.
Но что нам дождь?
Через минуту бой.
Высокий бруствер над моей судьбой
набит кусками рваного металла.

В ракетнице уже привстал курок.
Не будет ни осечки, ни промашки.
Комбат сдирает ногтем грязь с фуражки
и молча мне кивает:
вышел срок.

Я поднимаюсь.
Медленно.
Вполроста.
Я делаю свой первый трудный шаг.
Но оторваться от земли не просто:
последний страх занял в моих ушах.

Но вслед за мною —
двое,
трое,
десять...
За ними —
рота огневой дугой.
Бежим, как будто ничего не весим,
травинка не пригнется под ногой.

И втоптан в землю сапогом пехоты
страх, прижимавший нас к земле собой.
Земля моя,
ты выиграешь бой:
в атаке в рост поднявшиеся роты —
высокий бруствер над твоей судьбой!

ПЕТРО ГЛЕБКА

(С белорусского)

Лес

Ломая вражеские доты,
Не дав опомниться врагу,
Мы вышли к Сожу всею ротой —
В дубовый лес на берегу.

Стоял он, черный весь от дыма,
Шумел, и многие дубы,
Как те бойцы, за край родимый
Навек легли в огне борьбы.

Но даже в горе был он светел,
И хоть не стих жестокий бой, —
Его баюкал свежий ветер,
И выплыл месяц золотой.

И он под месяцем, как в сказке,
Листвой осенней заиграл,
Как будто все цвета и краски
Он в этот час в себя вобрал.

Он с высоты прозрачно-синей
Нам сыпал под ноги листву —
На темный дол, где первый иней
Покрывл измятую траву.

Остановились мы в раздумье,
А лес шумел, шумел, шумел,
Как будто в том тревожном шуме
Сказать он каждому хотел,

Что не с мороза побелела
Земля родимая вокруг, —
Она от горя поседела,
Иссохла вся от тяжких мук.

И нам она навстречу рвется,
Солдата за сердце берет.
И учащенной сердце бьется, —
Она зовет, она ведет —

Туда, где в каждом, каждом доме
Нас ждут родные и друзья...
Вперед, ребята! Близко Гомель —
Мой город, родина моя.

1943 Перевод М. Исаковского

Райком

Я помню в Минске строгий дом...
(О, дней прекрасных повесть!)
Там был когда-то наш райком —
И честь моя, и совесть.

Бывало, радость, или грусть,
Иль в чем-то неполадки, —
В райком тотчас же соберусь,
Шагаю без оглядки.

И с чем бы ты ни шел туда —
Любовно будешь встречен,
Поговорят с тобой всегда
С вниманием сердечным.

А впрочем, помнится, зимой
Под этим самым кровом
Раз вынесли за промах мой
Мне выговор суровый.

Разрушил недруг светлый дом
(Времен суровых повесть!),
Но все ж работал наш райком —
И честь моя, и совесть.

Он был в лесу — слегка свернуть
Налево от полянки:
Простые люди знали путь
К заветной той землянке.

Ока, как тот давнишний дом,
В морозы и метели
Их грела ласковым теплом,
Вела к единой цели.

Я ж на Большой земле грустил,
Мечтая на работе:
Пробраться бы во вражий тыл
Тайком, на самолете!

Сумел бы там и без дорог
В родной райком попасть я, —
Я пять бы выговоров смог
Стерпеть за это счастье.

1943 *Перевод В. Звягинцевой*

МИХАИЛ ГОДЕНКО

На стенке

Поблескивая краской свежей,
На стенке катера стоят.
Их вешним светом солнце нежит,
Над ними облака парят.

Как им наскучили кильблоки,
Как надоели холода!
И грезится простор широкий,
Освобожденный ото льда.

У катеров вразвалку ходит,
Нахмурен и нетерпелив,
Усатый мичман.

Он сегодня
Весь день косится на залив.

Когда же волны солью брызнут?
Когда ж начнется ледолом?
Весь смысл его суровой жизни
Там, вдалеке, за маяком.

1944

САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ

(С украинского)

Почтальон

Всю ночь напролет через голову били орудья.
Снаряды, как сверла, винтили разорванный воздух.
Разрывы гремели. На рев откликалось безлюдье
Земли изрешеченной. Меркли далекие звезды.

В окопе сыром я лежал и не спал до рассвета
И с ночью сливался при каждом ударе снаряда.
А мысли неслись далеко. И бессонница эта
Любой передышке, любой тишине была рада.

Когда же заря, обогрелая кровью, вставала,
Я, словно какой-то неясною болью пронзенный,
Пополз по низине и в сад притащился усталый,
К намету, служившему почтою дивизионной.

В разбитом намете лежал почтальон наш. А рядом
В крови его теплой все вымокло: письма, пакеты
И пачки вчерашних газет, обожженных снарядом,
Горячие речи, далекие чьи-то приветы...

Так вот оно, наше солдатское горькое горе!
А мы еще ждали, что к нам он дойдет по низине,
Тот русский парнишка, и явится на косогоре,
Из сумки возьмет треугольник зеленый иль синий.

Я знаю, что завтра другой нам товарищ послужит,
И в наши окопы дойти ему завтра удастся,
И в сумке его еще кто-то из нас обнаружит
Надежду на наше большое и светлое счастье.

И снова мы будем гадать, как гадали когда-то:
От сына письмо иль от матери весть прилетела?
К конверту потянутся жесткие руки солдата.
На миг оторвется бессонный зрачок от прицела.

1949

Перевод П. Антокольского

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

Два Железняк

В степи под Херсоном
В одной из атак
Пал смертью героя
Матрос Железняк.
На мирном привале,
В походе ночном
Мы песню с тобой
Запевали о нем.
Мы пели про бой,
Про удар штыковой,
Матрос Железняк
Проходил, как живой.
Врагов не щадил
Легендарный матрос
И к нам свою славу
Сквозь время донес.
Былая пора,
Словно буря, прошла,—
Иные герои,
Иные дела.
У зńskiej реки
Лейтенант Железняк
Штыками встречает
Удары атак.
Шел трижды в атаку
Его батальон.
(Героя матроса
Припомнил ли он?)
Семь раз отбивался

Штыком Железняк,
Семь трупов оставил
Разгромленный враг.
Так, значит, то правда —
Герой не умрет,
Он, смерть попирая,
В народе живет.
Живые за павших
В атаку идут,
И мертвые к славе
Живого зовут!

1941

Над убитым ребенком

В траве некошеной — замученный ребенок.
Смерть не дала ему больших ресниц смежить.
И светлые глаза глядят как бы спросонок
На этот мир в цвету, где я остался жить.

А солнце высоко; не зная преступления,
Щебечут птицы, сердце полонив.
И, словно в пьяном сне, над жертвою глумленья
Рой синих мух жужжит среди цветущих нив!

И, вспомнив вдруг о том, что за поселком где-то
Мать жаркую слезу смахнет с лица тайком,
Не жду я от друзей ни вздоха, ни ответа, —
Хочу я одного — врага найти штыком!

1943

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

Когда тебя бессонной ночью
Снарядный визг в окоп швырнет,
И ты поймешь, что жизнь короче,
Чем южной звездочки полет...

Пусть, слава жизнь, и ночь, и осень,
Отбой горнисты протрубят...
Глотая кровь, ты сам попросишь
Своих друзей добить тебя.

Но не добьют...
Внесут в палату,
Дадут железных капель пить,
Наложат гипс, и в белых латах,
Как памятник, ты станешь жить.

И выходят!
Как из пеленок,
Ты в жизнь шагнешь из простыней,
Нетерпеливый, как ребенок,
Спешащий к матери своей.

1945

Меняются цифры, стираются даты,
Но в памяти вечно шагают солдаты.
Стучат и стучат в голове батальоны
И сон выбивают из глаз воспаленных.
И снова и снова — разъезды, заставы,
Составы, и рельсы, и стрелок суставы.
Зудят провода, провожая депеши,
Леса, да болота, да топи, да леший —
На ветке закрученный домик улитки
Да ветер осенний, продрогший до нитки.
Там липкое небо стекает за ворот,
Там город рукою ракеты распорот.
Там корчатся в судорогах танки и люди.
И кажется, нет им конца и не будет...
Разрывы то сбоку, то дальше, то ближе!
Там рухнул отец мой в дорожную жижу.
Дома догорают, и плаваются крыши...
Там младший братишка упал и не дышит!

Дым, дым, дым...
На этой земле, где сгинул брат,
Где кости сложил отец, —
Меня на испуг не возьмет снаряд,
Ни бомба и ни свинец!

1946

ЮРИЙ ГОРДИЕНКО

Упряжки

Рысцою размеренно-строгой,
Под танковый грохот и гуд
К переднему краю дорогой
Собаčky упряжки бегут.

С дарами пехотной каптерки
К солдатам с тридцатой версты
Спешат ездовые шестерки,
Неся калачами хвосты.

По зарослям дикой крушины,
Где минные дремлют поля
И где не проскочишь машиной,
Бегут целиною, пыля;

Косматыми ловят ушами
Орудий чужих голоса.
С горячими свежими щами
В тележках стоят термоса.

Дубовая клепка бочонка
Под серым брезентом видна.
И шутят в траншеях, что четко
Работает их старшина.

Вином не забыл поделиться,
Спасибо ему — тороват!
Светлеют небритые лица
Худых и усталых солдат.

И, как бы тут ни было тяжко,
Добреет любая душа,
Когда подбегает упряжка,
Отрывисто, жадно дыша.

Бойцы вспоминают о доме,
Ссыпая в кисеты табак.
И мягко большие ладони
Ласкают загривки собак.

Но снова затянуты пряжки
Добротных постромок.

В тылы

Уходят рысцою упряжки
Под скрежет немецкой «пилы»¹.

И если их пули не тронут,
Всю ночь, налегая в ремни,
То хлеб и табак, то патроны,
То раненых возят они.

Над ними с передней кромки
Гремит оружейная ночь.
И хочется впрячься в постромки
И верной упряжке помочь.

1944

¹ Так на фронте солдаты называли немецкие реактивные установки за характерный во время залпа звук, напоминавший звук далекой пилы.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Русскому народу

Не раз ты в горестные годы
Стоял пред недругом своим,
Терпел смертельные невзгоды,
Но был всегда непобедим.

Свой лук натягивая туго,
Москва, и Тула, и Рязань
С гостями запада и юга
Всегда выдерживали брань.

Не раз в столетьях быстрокрылых
В лицо врагам бросал Урал
Неисчерпаемые силы
Своих могучих гор и скал.

Не раз ты гордую Европу
Спасал от дерзких дикарей
И взнуздывал их грозный топот
Рукой своих богатырей.

И вновь тебе достался жребий:
Создав возлюбленных сынов,
На суше, в море и на небе
Бить человечества врагов.

Они хотят всё уничтожить,
Чем жизнь прекрасна и добра,
Всю радость мира подытожить
Бандитским взмахом топора.

Они ораву воспитали
Убийц, смакующих погром,
И много стран четвертовали
Кровавой свастики крюком.

И бросился в ваш край коварно
Поправший совесть лиходей,—
Туда, где в доле лучезарной
Уж воплотились сны людей,

Где уж лелеяли народы
Свой быт, свой гений, свой язык,
Где каждый азбуку свободы
С ребячьих лет читать привык.

Но встал грозой неотвратимой
На озверелый дикий сброд
Ты, нашей родиной любимой
Взращенный доблестный народ.

Все, что построил, все, что добыл
В суровых битвах и трудах,
Ты бросил в бой последний, чтобы
Был до конца разгромлен враг.

Народ родной, народ мой русский,
Рассеет мрак твоя звезда!
Безумье войн и крови сгустки
С земли ты смоешь навсегда.

Несокрушимою отвагой
В огне неслыханных боев
Ты завоеешь жизни благо
Для всех народов и веков.

1941

АШОТ ГРАШИ

(С армянского)

Ночная баллада

Приснилось мне, что ночью постучались
Ко мне друзья, погибшие в бою,
В полях войны по другу стосковались
И вот явились в комнату мою.

Я отпер дверь. Они вошли и сели,
К груди оружие бережно прижав.
Устало разместились на постели,
Пригнувшись, как, бывало, в блиндажах.

Они заговорили, как живые,
Про битвы, про победы торжество,
Про трудные дороги боевые,
Про подвиг поколенья моего.

По-прежнему, как в годы дружбы тесной,
Прочсть стихи просили в тишине.
И я прочел им траурную песню
О них самих, о павших на войне.

Но горячо меня прервали гости:
«Не пой о смерти, не печалься, друг.
Пускай в земле истлели наши кости,
Пускай трава растет из наших рук,—

Ты жизнь воспой. Она, как дуб зеленый,
Шумит листвою, стремится в высоту.
Мы были веткой, войнами спаленной,
Испепеленной в битве за весну».

Так говорили в комнате поэта
Товарищи мои с душой моей,
Пока не пали лепестки рассвета
На склоны гор и на ковры полей.

Тогда, прижав немые автоматы,
Ушли они, товарищи, солдаты...

1945

Перевод Д. Самойлова

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

Иду!

Взметая пыль и жаром обдавая,
Опять с утра ворчит передовая,
Проламывает блиндажи и доты,
Где чернозем с железом пополам.
Два года здесь я, офицер пехоты,
И как я жив — не понимаю сам.

Мой путь лежал над прорезью прицела,
В моей шинели смерть навылет пела.
И думаю я на исходе дня:
Чья нежность душу навсегда согрела
И чья любовь хранит в бою меня?

Не женщины. Я не поладил с ними,
Вадохнув тайком, завидую другим.
С упрямством и причудами моими
Недолго был я женщиной любим.

И та одна, что в горький час разлуки
На шею нежно положила руки,
Остыла, видно, пишет в месяц раз
По дюжине скучных и скучных фраз.

Не поняла она, что в годы бед,
Когда весь мир качает канонада,
И тяжело, и рядом друга нет,—
Сильней любить, сильнее верить надо,

Что там, где, стоны, смерть и ярость сея,
Осколки осыпаются дождем,
Мы нашу нежность бережем сильнее,
Чем пулю в окруженьи бережем,

Что, как молитву, шепчем это имя
Губами воспаленными своими
В часы, когда окоп накроет мгла.
Не поняла она... Не поняла!

Забыла все, ушла с другим, быть может,
И росы в травах размывают след.
Зачем ее мне письмами тревожить
И звать назад, когда в том смысла нет?

Зачем кричать в немыслимые дали?
Мой голос до нее дойдет едва ли,
И лишь с предутренней передовой
Ему ответит пулеметный вой.

Я здесь один с невысказанной болью —
И я молчу. А над моей любовью
Растет бугор окопного холма.
Не получать письма мне перед боем
И после боя не писать письма,

Не ощутить во сне прикосновенья
Ее заботливых и теплых рук.
Любовь моя, теперь ты — только звук,
Почти лишенный смысла и значенья...

Еще на сердце каждого из нас
Есть облик женщины. И в трудный час
Он нам напоминает дом и детство,
Веселых братьев за столом соседство
И ласку добрых и усталых глаз.

То — мать. Всесильно слово матерей,
В туман высот, в глубины всех морей
Оно за нами следует по свету.
Но мать осталась там... И может, нету
На свете старой матери моей.

Все в гости нас она к себе ждала,
Все в дом родной, в село к себе звала,
Настойки в старом погребе хранила,
Война фронтами нас разъединила,
Судьба нам попроситься не дала.

Но есть еще одна святая сила,
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не женщина, не смертная —
Россия,
Великое отечество мое.

Куда б ни шел — она мне путь укажет,
Где б ни был я — она всегда со мной,
На поле боя раны перевязет
И жажду утолит в палящий зной;

Она ко мне в часы моей печали,
Метет ли снег, ложится ли роса,
Все песни, что над юностью звучали,
И всех друзей доносит голоса.

И если за какой-то переправой
Уже мне не подняться, не вздохнуть, —
Она своею выстраданной славой
Среди других и мой отметит путь.

К ее любви, широкой, доброй, вечной,
Всей жизнью мы своей обращены,
И не найти мне на полях войны
Ни теплоты щедрей и человечней,
Ни преданнее друга и жены.

И я, покамест смерть не погасила
В моих глазах последнюю звезду, —
Я твой солдат, твоих приказов жду.
Веди меня, Советская Россия,
На труд,
на смерть,
на подвиг —
я иду!

1943

Прага

В сады Градчан, за Карлов мост
Несет фонарь луна,
В реке меж поплавками звезд
Не протолкнуть челна.

На Старой площади Ян Гус,
Окончив давний спор,
Твердит Писанья наизусть
И всходит на костер.

И, кайзера к чертям послав,—
Уже терпеть невмочь! —
Со Швейком Гашек Ярослав
Беседует всю ночь,

И свежий ратуши пролом,
И каждой арки свод
Напоминает о былом
И чеха в бой зовет...

А он вчера окончен — бой,
И мимо древних стен
Завоеватели толпой
Прошли понуро в плен,

И в улицах цветет каштан —
Не счесть его свечей! —
И слышен смех то тут, то там
И говор москвичей,

И кажется, что здесь при всех,
Родства исполнив власть,
Вацлавская во весь разбег
С Садовою слилась!

1945

АРВИД ГРИГУЛИС

(С латышского)

Риге

Сраженья нас к тебе все ближе подводили,
Напиток огневой мы пили из ковша...
Так нежно имя мы твое произносили,
Что осыпанье роз в нем слышала душа.

По топям ледяным нам был поход не страшен.
Въедалась стужа в грудь, и жег насквозь огонь.
Но в сердце ты жила виденьем древних башен,
Из Даугавы могла воды черпнуть ладонь.

За каждый шаг борясь, прошли мы путь
тернистый,
Родное море вновь легло у наших ног.
Дороже золота нам этот бархатистый,
Сквозь пальцы с шорохом стекающий песок!

С тебя, отчизна, мы сорвали рабства цепи,
Вновь Латвия в семью свободную войдет,
И озарит ее весны великолепье...
Гори, звезда побед! Латышский жив народ!

1944

Перевод Вс. Рождественского

СЕМЕН ГУДЗЕННО

Перед атакой

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим

можно плакать.

Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.

Разрыв —

и умирает друг.

И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед.

За мной одним

идет охота.

Будь проклят

сорок первый год —

ты, вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,

что я притягиваю мины.

Разрыв —

и лейтенант хрипит.

И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже

не в силах ждать.

И нас ведет через траншеи

окоченевшая вражда,

штыком дырявящая шею.

Бой был короткий.

А потом
глушили водку ледяную
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

1942

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1946

ДМИТРИЙ ГУЛИА

(С абхазского)

Песня о герое из героев

Воин отважный, герой и храбрец,
Верный товарищ, бесстрашный боец —
Сын твой любимый, Абхазия,
Смелый Владимир Харазиа.

Танки фашистские ночью и днем
В прах обращал беспощадным огнем.
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Стал для врагов он смертельной чумой...
Только назад не вернется домой
Сын твой любимый, Абхазия,
Доблестный витязь Харазиа.

В сече с врагами, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Имя героя запомнит страна,
Песни о доблести сложит она,
И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазиа.

1949

Перевод Я. Сашина

К морю

Стоял на берегу в глубоком я молчанье.
Спокойно было ты, о море, и бело.
Подобно облаку, шло от тебя дыханье,
Струящее, как пар, молочный пар, тепло.

Мы были вместе. Глаз друг с друга не спускали.
Казалось, веки ты открыло лишь сейчас.
Всю ночь я бодрствовал, и ты всю ночь не
спало,—

Победа эта радовала нас!

Да, мы не спали оба этой ночью...
Как два немых, с тобою мы глядим.
Шевелишься слегка, сказать ты что-то хочешь...
К чему слова, когда восторг в груди?!

На зелень берега роса с небес ложится.
Понятно все без слов. Уж близится рассвет.
С тобою мы друзья: ты — море без границы,
Я — море радости, границ которой нет!

9 мая 1946 г.

Перевод В. Серебрякова

ГАФУР ГУЛЯМ

(С узбекского)

Воинам

Вы — гордость народа, источник даров,
Ядро поколенья, земное цветенье,
Виновники свадебных светлых пиров,
Опора отчизны, ее вдохновенье.

Вы — сила, и края нет силе такой,
Вы — крепость, вы мира хребет горделивый,
Вы — старых родителей сладкий покой,
Вы — смеха девического переливы!

Я всю свою жизнь променять бы готов
На вашу весну, на расцвет плодоносный!
Вы — чаянье близких и дальних годов,
О вас уже грезят грядущие весны!

Герой покидает родимый очаг
И ранит разлукою седоволосых.
Вы — шум тополей в благовонных ночах,
И стан ваш — народа испытанный посох.

Вы — воины чести: из нашей страны
В позорное бегство вы смерть обратили.
Вы — чистое сердце священной войны,
И, жизнь отдавая, вы жизнь утвердили.

Своей целомудренной кровью святой
Вы недругов смыли с покрова земного,
Вы гибель попрала железной пятой,
Вы — нового, ясного мира основа.

Кипучей энергией ваших сердец
Исполнена сила державы нетленной.
Вы — счастье, вы — слава, вы — мира венец.
Вы — стража отчизны, вы — судьбы вселенной.

1945

Перевод С. Лилкина

ТАТУЛ ГУРЯН

(С армянского)

Снова застит завеса дыма
Крымских высей седую даль,
Стоит биться за горы Крыма,
Погибать ради них не жаль.

Как в декабрьской эпопее,
Здесь до смерти — подать рукой,
Враг беснуется, свирепеет,
Кровь сраженных течет рекой.

Враг безжалостен, нагл, бездушен,
Жизнь мраком своим накрыв,
Отовсюду — с воздуха, с суши —
Надвигается он на Крым.

Пламя мчится, преград не зная,
Мины в каждом таятся рву,
Ширь небесная и земная —
Раскаленный ад наяву.

Черноморцы грозны, как вихрь,
И неистовы в жаркой схватке,
Чужеземцы при виде их
Разбегаются без оглядки.

Татул Гурян погиб 22 июня 1942 года в дни обороны Севастополя.

Не страшит нас орудий вой,
Смерть не ставит нас на колени,
Рядом с павшим встает живой,
Чтобы ринуться в наступленье.

Обессиленная вконец,
Смерть уж пятится шаг за шагом;
Наше мужество и отвага
Возлагают на нас венец.

Снова застит завеса дыма
Крымских высей седую даль,
Стоит биться за горы Крыма,
Погибать ради них не жаль.

1942

Перевод В. Баласана

ВИКТОР ГУСЕВ

Есть на севере хороший городок

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег.
Русская метелица там кружит, поет,
Там моя подруженька, душенька живет.

Письмоносец, ей в окошко постучи,
Письмецо мое заветное вручи!
Принимайте весточку с дальней стороны,
С поля битвы жаркого, с мировой войны!

Слышишь, милая, далекая моя,
Защищаем мы родимые края!
В ношеньки морозные, в ясные деньки
В бой выходят грозные красные полки.

Мы захватчиков-фашистов разобьем,
С красным знаменем по родине пройдем.
А война окончится, и настанет срок —
Ворочусь я в северный милый городок.

Я по небу, небу синему промчусь,
Прямо к милому окошку опущусь,
Постучусь в окошечко, и душа замрет...
Выходи, красавица, друг любезный ждет!

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег.
Русская метелица там кружит, поет,
Там моя подруженька, душенька живет.

1942

Казак уходил на войну

На вольном, на синем, на тихом Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил на большую войну,
Невеста его провожала.

— Мне счастья, родная, в пути пожелай,
Вернусь ли домой — неизвестно, —
Казак говорил, говорил ей: — Прощай!
— Прощай! — отвечала невеста.

Над степью зажегся печальный рассвет,
Донская волна засверкала.
— Дарю я тебе на прощанье кисет,
Сама я его вышивала.

Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою,
За русскую землю сражайся.
И помни про Дон, про невесту свою,
С победою к ним возвращайся.

1942—1943

ТОБИАС ГУТТАРИ

(С финского)

Весной 1942 года

Летят на север птицы косяком,
И воды рек спешат в седое море.
У нас свой путь, и мы его пройдем,
Хоть он исполнен трудностей и горя.

Как перелетным птицам прилетать,
Как пенистым потокам к морю рваться,—
Так нам врагов вовеки побеждать
И в край родной с победой возвращаться.

По тем путям, где отступали мы,
По этим сердцу памятным дорогам,
Пойдем вперед, сметем остатки тьмы —
Нам до рассвета ждать уже немного.

Как неизменен птиц прилет весной,
Как верно то, что реки рвутся в море,—
Победы солнце встанет над страной,
Мир засияет на ее просторе.

1942

Перевод Л. Хаустова

ПЕТРЯ ДАРИЕНКО

(С молдавского)

Днестр

Слышу, слышу сквозь огонь и взрывы
Плач далекий, голос твой тоскливый,
О мой Днестр любимый!

Горький ветер из родного края
Рвется в грудь, к отмщенью призывая,
О мой Днестр любимый!

Не пестрят луга каймою свежей
Вдоль твоих печальных побережий,
О мой Днестр любимый!

Не мелькают праздничные лодки,
Не смеются поутру молодки,
О мой Днестр любимый!

Кровь детей, казненных палачами,
Льется в серебро твое ручьями,
О мой Днестр любимый!

И, тоскуя, в берег бьется пена,
Где чернеют взорванные стены,
О мой Днестр любимый!

Но послушай дальние раскаты —
Это в битве бьется сердце брата,
О мой Днестр любимый!

Грозное оружие сжимая,
Мы идем, сметая волчью стаю,
О мой Днестр любимый!

Верю твердо: все равно фашистам
Не владеть твоим раздольем чистым.
О мой Днестр любимый!

И красу твою, твои потоки
Иссушить не в силах враг жестокий.
О мой Днестр любимый!

День придет счастливый, долгожданный,
Солнце прочь сорвет с тебя туманы.
О мой Днестр любимый!

И вдоль нашей солнечной Молдовы
Ясной песней ты польешься снова,
О мой Днестр любимый!

1943

Перевод С. Северцева

МУСА ДЖАЛИЛЬ

(С татарского)

Прости, родина!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!»
Молил медлительную: «Скорей!..»

Муса Джалиль, будучи тяжело раненным, попал в плен. В концлагере вел активную подпольную работу. Был брошен фашистами в тюрьму Моабит и в 1944 году казнен. Друзья сохранили стихи, написанные им в застенке. Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся,— писал,— жена,
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
 мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был орлом я,—
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?
 Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть одна у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву,
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942 г.

Перевод И. Френкеля

Не верь!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал». —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал». —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом?!

20 ноября 1943 г.

Перевод И. Френкеля

Последний стих

Сияет прелесть мира,
Ликует вдалеке,—
В тюрьме темно и сыро,
И двери на замке.

Птенец летит, теряясь
В веселых облаках,—
Я на полу валяюсь
В тяжелых кандалах.

Цветок растет на воле,
Обрызганный росой,—
А я увял от боли,
Задушенный тюрьмой.

Я в жизнь влюблен, я знаю
Кипенье чувств живых,—
И вот я умираю,
Мой стих — последний стих.

1943

Перевод С. Липкина

ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ

(С казахского)

Ленинградцы, дети мои!¹

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невосковой струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну,—
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш остря...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут

¹ Печатается с сокращениями.

Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их сослали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинградцу Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет,
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,—
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!

Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он врагов отразить готов!
Не расколут его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозово-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впадет
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне.
Наших лучших коней приплод.
Груды яблок, сладких, как мед, —
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь 1941 г. Перевод М. Тарловского

АХМЕД ДЖАМИЛЬ

(С азербайджанского)

Бахтияр

Обняв руками голову, порою,
Часами погружаясь в море дум,
Тебя я вспоминаю... Валит снег,
В окно стучится сумасшедший ветер...
И где-то с гордой прежнею осанкой
Ты по снегу глубокому идешь
В шинели серой, за плечом винтовка...
И, улыбаясь, напеваешь песню:
«Был саблей я, да не вошел в ножны...»
Вот ты ко мне подходишь крупным шагом,
Жмешь руку мне, то дружески браня,
То успокаивая, говоришь:
— Да, знаю, друг, меня ты вспоминаешь...
Ах, если б человек не вспоминал,
Наверно, стало б легче бремя горя!..
Но сердце хочет песен... Друг, покурим! —
Мы долго скручиваем папиросы.
Как прежде, шутим, весело смеемся,
Но, взгляд задумчивый поднявши, снова
Ты говоришь мне: — Сердце хочет песен!

Я достаю заветную тетрадь,
Что на груди своей пронес по фронту.
Читаю, — в строках эхо канонад,
Места боев недавних, даль, окопы...
Стихи бегут, как снежный шлах в степи.
В них дышит буйный черноморский вечер,
Ночная мгла над морем и землей,
Скрипит арба с какою-то поклажей...

Не видно возчика, устали кони,
В их поступи, в их головах понурых
Большое горе... От арбы поодаль
Видна окровавленных трупов гряда,
А подле них, раскинув руки, словно
Крылья орел, и в смерти горделивый,
Одиннадцать волков один сразивший,
Лежит нгит... И это — Бахтияр,
Друг сердца, гордость моего народа.

И, голову поднявши на мгновенье,
Я вглядываюсь в сумерки... Один я —
И нет тебя... Нет в доме никого.
Лишь ветер хлещет по оконным ставням
Да издалика, в памяти ль, в ушах ли,
Звенит твой голос:

«Сердце хочет песен...»

6 февраля 1942 г.
Керчь

Перевод В. Державина

ДАНИИЛ ДОЛИНСКИЙ

Полет

Мое крещение огнем!
Мой первый вылет боевой!..
Приказ:

и мы в полет идем
над огневой
передовой.
Я — необлетанный пленец,
неопытная птица.
И я — лечу.

Гремит свинец,
ко мне в броню стучится.

На мне, наверно, нет лица...
А сердце

чаще, чаще:
«Держись, — стучит мне, — до конца,
прорвем разрывов чащу».

А вспышки шапками висят:
с боков, вверху — завеса,
как будто шапками хотят
нас забросать из леса.

Я оглянуться не успел —
разрывы поредели.
Кричит ведущий:

— Слева цель! —

Пике —
и нету цели.
В тот день мне довелось понять,
что так всегда бывает:
кто даже не рожден летать,
приказано — летает!

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

Песня о Днепре

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

1941

Моя любимая

Я уходил тогда в поход,
В далекие края.
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый взвод —
Теперь моя семья.
Поклон-привет тебе он шлет,
Моя любимая.

Чтоб дни мои быстрее неслись
В походах и боях,
Издаю мне улыбнись,
Моя любимая.

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя —
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая.

1941

Пеленг

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А дальше — как птица, легко.

Был город в тугие объятия
Тревожного сна погружен...
Была она в бархатном платье,
И слушал ее микрофон.

А где-то в небесном молчанье,
Стараясь держаться прямой,
С далекого бомбометанья
Пошли самолеты домой.

Несли они много пробоин,
Скрываясь в ночных облаках.
Сидел за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.
Катодная лампа горела
На аспидно-черной доске.

А в Гамбурге яростный «зуммер»
В неистовой злобе урчал.
Но голос певички не умер, —
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сел
Пилот утомленный машину
По песне, как лебеда, вел.

Пришли самолеты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

НИКОЛАЙ ДОМОВИТОВ

Песня о песне

Как-то утром ранним
На седых Карпатах
Песня посетила
Русского солдата.
Ласковое слово
Сердцу прошептала,
И просторно в сердце,
Словно в поле, стало.
В нем зашелестела
Липа вековая,
Рожь заколосилась
Без конца, без края,
Зашумела тихо
Тонкая береза,
Словно на поляне
Тульского колхоза.
Встали пред солдатом,
Встали, как живые,
Родины любимой
Дали заревые.
Зацвели фиалки,
Зашептала мята...
И просилась песня
Из души солдата.
Зазвенела в сердце,
Как созревший колос.
И запел гвардеец
Песню во весь голос.
Были в этой песне
Нежность, гнев и сила...
Песню об отчизне

Рота подхватила.
По крутым дорогам
И по горным склонам
Песня шла по ротам,
Шла по батальонам...
Но однажды утром
На седых Карпатах
Пуля разлучила
С песнею солдата.
Он упал на камень
В чахлом мелколесье.
Но парила песня
В синем поднебесье.
И летела песня
Через все границы —
Не слабели крылья
Русской песни-птицы.
Улетала в Вену,
В золотую Прагу,
И ходила песня
С нами по рейхстагу.
И в колхозе тульском,
Автора не зная,
Часто песню сына
Мать поет седая.
Видно, старой маме
Сердце подсказало,
Что в той песне сердце
Сына трепетало.
Нет, не умер сын твой,
Не пропал без вести —
Он вернулся песней
Под окно к невесте.
По полям колхозным
На заре багряной
Он идет с бригадой
Песней безымянной.
И не все у сына
Было смертью взято:
Бьется в песне сердце
Русского солдата.

НИКОЛАЙ ДОРИЗО

Бинокль

Мы,
 стиснув зубы, шаг за шагом
Шли на восток,
 шли на восток.
Остался там,
 за буераком,
Наш городок.
А боль разлуки все сильнее,
А в дальней дымке все синее
Кварталы.
 А потом —
От городка
Лишь два кружка
В бинокле полевом.
Дома —
 глядеть не наглядеться.
Река, сады,
 картины детства
В двух маленьких кружках!
Мы городок к глазам прижали,
Мы, как судьбу, бинокль держали
В своих руках.
И тополя под ветром дрогли.
И покачнулись вдруг в бинокле
Сады и зданья все,
И только пыль
 да пыль густая.
А городок
 исчез,
 растаял

В одной скупой
слезе.

Бинокль.

Ты был
В походе с нами,
Ты шел победными путями
От волжского села.
На рощу,
на зигзаг окопа,
На пыльный тракт

глядел ты в оба,
В два дальнзоркие стекла.
И расшифровывались дымки,
Срывались шапки-невидимки,
В степи кивал ковыль,
И под твоим бессонным взглядом
Вдруг
Рыжим «фрицем» с автоматом
Оказывалась пыль...
Бинокль, бинокль,

какие дали
Тебя в те годы наполняли,
Какие скалы,
реки,
горы,

Дворцов готических узоры...
И сколько дальних стран легло
На круглое твое стекло,
Пока тебя я в руки взял
Здесь, у донских дорог,
Пока опять к глазам прижал
Мой городок!

1944

ЮЛИЯ ДРУНИНА

Зинна

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

С каждым днем становилось горше.
 Шли без митингов и знамен.
 В окруженье попал под Оршей
 Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
 Мы пробились по черной ржи,
 По воронкам и буеракам
 Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,—
 Мы хотели со славой жить.
 Почему же в бинтах кровавых
 Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
 Укрывала я, зубы сжав.
 Белорусские ветры пели
 О рязанских глухих садах.

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
 Но сегодня она — не в счет.
 Дома, в яблочном захолустье,
 Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
 У нее ты была одна.
 Пахнет в хате квашней и дымом,
 За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
 У иконы свечу зажгла.
 Я не знаю, как написать ей,
 Чтоб тебя она не ждала?!

БОРИС ДУБРОВИН

Восемнадцатилетний

Мне хотелось вобрать
Всю листву, все увалы,
Мне хотелось запомнить
Всех трав имена.
Мне впервые
Природа такой представала,
И глаза на нее
Мне раскрыла война.

Восемнадцатилетний,
Как будто впервые
Бидел я и пригорки, и росчерки птиц.
И опять растекались пути полевые
Мимо полуистлевших, замшелых криниц.

Где-то сбоку
Мутнели белесые хаты,
Наплывали на нас горьковатым дымком.
Шли березы,
Как будто из плена, в заплатках.
Головою к корням
Мы валялись ничком.
Мы щетиною грязной до глаз зарастали,
Нам давали под сорок —
Бывавшим в бою,
Нам давали и больше...
И люди не знали,
Что мы юность тогда начинали свою.

1945—1956

МИХАИЛ ДУДИН

Соловьи

О мертвецах поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет на листьях не дрожал
И для остратки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал,
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал,

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настежь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь, рядом с нами, возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звонят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядам.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так! Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

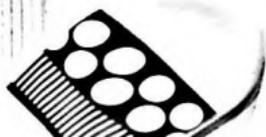
Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает,—
Этот голос, и жест, и на запад простерта рука,
Непрерывно вперед, непрерывно вперед призывает!

Он приходит — победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал.

И, прищурившись, смотрит на нас.
Мелкий лес да болото.

Бессмертный шалаш из гранита.

1942

АЛЕКСАНДР ЕЛЬКИН

На Курской дуге

Немецкие изорванные карты
Валяются в разбитых блиндажах.
Фашисты, что в разбойничьем азарте
Пришли сюда, убитые лежат.

Еще клубится дым над полем боя,
Над тысячами брошенных машин.
Но как прекрасно небо голубое,
Как травы луговые хороши!

Здесь судьбы мира взвешивались строго.
Здесь наши танки шли, как корабли.
Победные широкие дороги
Среди цветов на запад пролегли.

Мы бились от заката до заката,
И были мы такими в том бою,
Каких вы не видали на плакатах
И не встречали в праздничном строю.

...Немецкие изорванные карты
Валяются в разбитых блиндажах.
Фашисты, что в разбойничьем азарте
Пришли сюда, убитые лежат.

1943

ТАТАРИ ЕПХИЕВ

(С осетинского)

Песня воина-кавалериста

Когда скакал я на коне
В одежде боевой,
Все говорили обо мне:
— Смотрите, вот герой!

Закутан в бурку, будто в бронь,
Скакал во весь опор.
Подкован сталью верный конь,
Стальной клинок остер.

И все, что армия дала,
Имел я при себе:
Мой автомат и у седла
Две сумки в серебре.

Скакал, и топоту коня
Стучало сердце в лад.
Народ приветствовал меня:
— Будь нашим гостем, брат!

Но отвечал я на бегу:
— Прошу простить, друзья.
Ни на минуту не могу —
На фронте нужен я...

И старики, меня любя,
Давали мне наказ:
— Отчизна проклянет тебя,
Коль опозоришь нас!

Пришпорив верного Серка,
Я мчусь на смертный бой,
И знамя конного полка
Пылает надо мной.

1942 *Перевод И. Френкеля*

АХМЕД ЕРИКЕЕВ

(С татарского)

Что б ни говорили про нее,
А война войною остается,
И не странно, если оборвется
В жаркий день дыхание мое,

Если щедро брызнет, в блеске алом,
Кровь моя, как ягоды в саду,
Если я в сражение упаду
Молнией спаленным красноталом,

Ты не плачь в жестокой тишине,
Пусть глаза не знают слез-жемчужин.
Пусть друзья придут к тебе на ужин,
Как тогда, в былые дни, при мне.

Дочь вбежит, дитя мое родное,
Милою забавой занята.
И никто не вспомнит: «Сирота»,
Только тихо скажут: «Дочь героя».

Пусть не я, а ты нальешь вина
И услышишь тост замысловатый,—
Но внезапно привкус горьковатый
Только ты почувствуешь одна.

1944

Перевод С. Липкина

ВЕНИАМИН ЖАН

После бомбежки

Катился с неба вой фугасок,
Зенитки били, разъярясь,
И стены,
 потолки,
 каркасы
Валились наземь — в кровь и в грязь.

Рассвет. Отбой. А на земле
Еще дымит кирпич горячий...
И дети роются в золе,
Давно охрипшие от плача.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Моряки-москвичи

Присмирело море Баренца,
Ночь над берегом тиха.
За скалой в сторонке варится
Краснофлотская уха.

Вымыт пол водою пресною.
Придан кубрику уют...
Моряки землянку тесную
Тоже кубриком зовут.

До московских улиц близко ли
От арктической воды?
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды...

К огоньку придвинув столики,
Вспоминать друзья пошли —
Кто Полянку, кто Сокольники,
Кто Таганку, кто Фили.

Вспомнил все москвич в волнении,
Только дома не назвал,
Где он сердце на хранение,
Расставаясь, оставлял.

Разглашать не полагается
Тут секрет сердечный свой.
Если в бой идешь — сливается
Этот дом со всей Москвой.

Море Баренца волнуется,
Словно думает о том:
Где родная эта улица,
Где любимый этот дом?

Не спеши его отыскивать,
Замела война следы...
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды...

1942

Заветный камень

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море,
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал...

В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —

Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью нести его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.

Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит, —
Он русской кровью омыт.

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто родине новую славу принес.

И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943—1945

ТАИР ЖАРОКОВ

(С казахского)

Послание друзьям

После ручки с пером впервые
Здесь винтовку держит рука.
Вам, друзья мои тыловые,
Поручаю стихи пока.

Здесь бумагой мне — поле битвы,
Здесь не перья, а блеск штыков.
Здесь куются новые ритмы,
Не чернила льются, а кровь.

Я вам был по перу собратом —
Свято долг я выполняю свой.
Посвящайте стихи солдатам —
Вот вам мой наказ боевой.

К вам, Аскар и Сабит с Габитом,
Обращаю слова письма:
Вы для тех, кто вернется с битвы,
Приготовьте стихов тома.

Не сердитесь на это слово, —
Торопитесь, время не ждет!
Бой окончится, и суровый
Вам солдаты предъявят счет.

После ручки с пером впервые
Здесь винтовку держит рука.
О борьбе стихи боевые
Напишу острием штыка!

1942

Перевод П. Железнова

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

На подступах и Москве

Держась,
как за личное счастье,
за каждую пядь земли,—
мы под Москвой
встали насмерть,
в грунт промерзлый
вросли.
Земля от взрывов дрожала.
Трещала танков броня...
Солнце в огне пожара
чадило, как головня...
Не только на этом взгорье,
где наш окопался взвод,—
на Балтике
и в Черноморье
Москву защищал народ.
Но лишь в подмосковной зоне
встряхнуть мое сердце
мог,
как часы на ладони,
знакомый с детства гудок...
Когда с орудийным раскатом
мы подымались в бой,—
поэт становился солдатом,
поэтом —
солдат любой!

1941

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

День и ночь над землянкой штабной —
только дождь проливной.
Только стук
рассыпает, урча, пулемет —
то ль от скуки, а то ль на испуг
пулеметчик кого-то берет, —
вот и бьет
то по фронту, то вкось,
прошивая лощину насквозь.

А потом и ему надоест —
оборвет.
Ловит шорохи лес,
жаркий шепот поспешный: «Свои», —
в тьме крошечной
среди тихой хвои.

И опять над землянкой штабной —
только ветер
да дождь проливной,
да нет-нет за стеной
часовой
на приступок опустит приклад.
Иль шальной недотепа-снаряд
прошуршит
и влетит в перегной.
Хорошо, если не по своим!
А по ним, по нему...

Не пойму,
хоть солдат,
почему
этот дым в дождь всегда сладковат?

На войне
в тесный створ блиндажа
что я видел?
Болотная ржа
всколыхнется,
ударит огнем —
и пошла вся земля ходуном.

Справа,
так мне сказал командир,
ель — мой первый ориентир,
слева взлобок, приметный едва, —
ориентир номер два...

Я постиг и душой и умом
то,
что в секторе было моем
с первых дней
до последнего дня.
Вот о том и спросите меня.

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ

Впереди леса еловые,
темно-синие, лиловые,
Нара-река,
Протва-река,
свинцовые облака.

Хлопьями падает снег
в полосе
Варшавского шоссе,
и низенькие ельнички
оделись в шубки беличьи.

В снежном окопе
лежит солдат.
Две гранаты и автомат.
Впереди —
дом, разбитый войной,
и Москва за спиной...

1941

Глядит на бронзовые нивы
Он из-под бронзовых бровей.
Все так же, спутник
жизни нашей,
Он входит в дни,
в мои года —
Прямой, бесстрашный,
В битве павший,
Не умиравший никогда!

1948

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

На высоте «Н»

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Владислав Занадворов погиб в ноябрьских боях 1942 года под Сталинградом.

НАИРИ ЗАРЬЯН

(С армянского)

Ваче

Поэма

Плечистый, ясноглазый, молодой,
Ваче в округе первый комбайнер.
Как по морю, по ниве золотой
Он проплывает у подножья гор,
Пересекая утренний туман.
Ваче трудом гордится дорогим.
Все девушки исподтишка за ним
Следят: «Хорош, хорош Ваче Вобян!»
По вечерам он часто ходит в клуб.
Он может все: играть на сцене, петь
И пляшет, как другому не суметь.
Приветливый со всеми, всем он люб,
Хоть на язык нет никого острей.
Ваче влечет живой души огнем,
И помнят, помнят матери о нем,
На праздник наряжая дочерей!
Какими девушками он любим,
В их сердце пробуждая первый жар!
И дружелюбно-равнодушен к ним,
Любя одну, одну лишь Цовинар.

Он с нею вместе вырос — ведь они
Соседи были. Для нее Ваче
Ловил рыбешек в озере. Все дни
Был с нею: иль катая на плече,
Иль за стогами прячась от нее.
Найти его — ей лучше счастья нет.

Но кончилось беспечное житье,
Ваче уже сравнялось двадцать лет.
Однажды, с поля возвратясь домой,
Он во дворе увидел Цовинар.
И это было как внезапный дар,
Свет на мгновение сменился тьмой.
Впервые будто он, Ваче Вобян,
Увидел этот гибкий, тонкий стан
И губы, радостные, как весна.
А девушка, пленительно скромна,
Пушистые ресницы опустив,
Ему чуть улыбнулась и тотчас
Исчезла, но души его порыв
Горел в сердцах обоих и не гас.
Он разгорался, сокровенный жар,
Тот, что живет и в солнечном луче.
И вот скрываться стала Цовинар,
Напрасно ждал, напрасно звал Ваче.

Уходит в горы он, в прохладу, в тень,
Ложится на живой цветной ковер,
Мечтает. Нестерпимо яркий день.
Прозрачный ветерок струится с гор.
Ваче мечтает: «Цовинар моя,
Севаном синим стала б ты, а я —
Средь милых волн я островом бы стал.
Я островом бы стал, чтобы меня
Прохладными руками обняла
И целовала бы тогда день изо дня.
Но нет, не островом, — он слишком мал,
Ты им залюбоваться б не могла;
Ты — озером, я — берегом твоим,
Чтобы навеки мне обнять тебя,
Чтоб лишь ко мне стремилась ты, любя,
Чтоб на тебя не зариться другим!
Но берег — это камень, мертвый он,
Ему горячий трепет незнаком.
Мне — полем стать, тебе бы — ветерком,
Пускай меня томил бы знойный сон, —
Твой легкий вздох, летучий поцелуй
Коснулся бы меня и разбудил.
Но ты ведь улетишь, а я ревнуй,
Лежи, покинутый, лишенный сил!

Нет, лучше снова прячься от меня,
И буду я тебя искать, искать...
Как лань из чащи, выглянешь, маня,
Исчезнешь вновь и явишься опять.
И вот друг другу мы вручим сердца,
Мы созовем на нашу свадьбу всех.
Пусть будут песни, шутки, пляски, смех,
И счастье, счастье, счастье без конца...»
Так он мечтал. К родной земле приник,
Ясна, тиха над ним родная высь.
И вдруг: «Ваче!» — внизу пронесся крик,
И птицею Ваче рванулся вниз.

В воскресный день на площади села
Радиорупор передал слова,
Которыми еще тесней была
С людьми родными сближена Москва:
«Предательски напал сегодня враг
На мирную Советскую страну...»
От вести этой пал на солнце мрак,
И камнем светлый смех пошел ко дну...

Всю ночь, до света, музыка гремит,
Гул по селу летит во все концы.
Прощальный стол на площади накрыт.
С вином стаканы подняли отцы
В честь сыновей, идущих на войну.
На площади колхозного села
Ночь небывалым шумом ожила,
Но шум преобразился в тишину:
Ашуг Зарех встает, беря зурну,
Ашуг Зарех поет о славе так:

«На подвиг вас ведет победный стяг,
Пусть каждый полон гневом ярим будет!
Да ужаснется ненавистный враг,
Ваш гнев его страшить недаром будет!

Держите накрепко молнию-меч,
Седлайте Джалили для грозных сеч,
Пусть у врагов башки слетают с плеч,
Удар ваш громовым ударом будет!

Да прогремит о вас благая весть,
Да будет грозной праведная месть,
Отстаивайте родину и честь,
И воля вам бесценным даром будет!

Да будет с вами свет родной страны
И смех детей, и храмы старины!
Армении отважные сыны,
Пусть жажда жизни бранным жаром будет!

Да будет каждый храбрецом в бою,
Чтоб враг возненавидел жизнь свою.
Здесь я, Зарех, победы песнь пою,
Пусть рядом смерть со мною, старым, будет!..*

Когда замолк взволнованный ашуг,
Зурна запела на веселый лад.
Для пляски опростав просторный круг,
Теснятся как попало стар и млад.
«Где, где Ваче?» — волнуется народ.
Как ветром подгоняемый огонь,
Ваче рванулся из толпы вперед,
Ладонью ударяя о ладонь.
То вихрем вьется буйно, горячо,
Как будто ноги жжет ему земля.
То, глядя на толпу через плечо,
Плывет, ни мускулом не шевеля,
То мечется, как вспененный Севан,
То реет, как рассветный ветерок.
Все в лад в ладоши бьют. Никто б не смог
Плясать, как молодой Ваче Вобян!
Ваче кружит, не видя никого,
Но, отыскав глазами Цовинар,
Пред нею встал. Влюбленных глаз его
Настойчивый, неукротимый жар
Ответным взором страстно отражен.
«Цовик, пляши!» — кричат со всех сторон.
И Цовинар метнулась, как стрела
Из лука затаенности своей.
Как вспугнутая лань, быстрее, быстрее
Она скользит, стыдлива и смела.

Мгновенно остановится и вновь
Почти летит, описывая круг.
То усмехнется, то нахмурит бровь,
Зовет и отстраняет взлетом рук.
И вот Ваче, ликуя и скорбя,
В глазах ее прочел: «Люблю тебя!»

Ваче с рассветом собирался в путь.
Скрывая боль, сказал ему отец:
«Лети, сынок, как сокол из гнезда.
Тебя, мой милый, страху не согнуть,
Нам за тебя не ведывать стыда.
У нас ведь вон какой ты молодец!..»
Цветным платком глаза отер старик
И, отвернувшись, головой поник.
С тоскою сына обнимает мать:
«Все отдаю, что сердце может дать,
И ждать я буду, не смыкая глаз,—
Ведь ты один, один ведь ты у нас...»
И вот Ваче подходит к Цовинар.
Два неба встретились во взоре их,
Два мира самых сокровенных тайн.
«Цовик, ты примешь мой прощальный дар,
Меня заменишь на полях родных.
Тебе я оставляю мой комбайн,
Работай за обоих, за двоих,
Я лишь тебе, Цовик, его отдам,
Чтоб верилось мне, будто здесь я сам!»
«Как ты, работать буду, жизнь моя!
Тебя я буду ждать, а ты воюй
Бесстрашно. В дальние твои края
Умчусь душой. О, как ты сердцу мил!..»
И первый и прощальный поцелуй
Их губы горячо соединил.

Стремится поезд, тяжело дыша,
Армения осталась позади.
И тянется к родным краям душа,
И сердцу точно места нет в груди.
Но мчится степь, раздольем веселя,
Мелькают гребни гор и волны рек,
Кавказский великан — седой Казбек,

Украинские щедрые поля,
России торжествующий простор...
Но путь окончен, поднят семафор...
Глазам Ваче открылся Ленинград.

Непокоримый город! В дни утрат
Он крепче и прекраснее стократ!
Два года раньше здесь Ваче провел,
Готовился артиллеристом стать.
Быть может, нынче встретит здесь опять
Друзей из русских городов и сел,
Голубоглазых, русых, молодых,
Приветливых товарищей своих!
В душе Ваче — необозримый путь
От солнечных севанских берегов.
Как чувством гордым распрямилась грудь!
Каким предстал огромным отчий кров!
В словах привычных смысл и звук иной:
Отечество, отчизна, край родной...

Промчались месяцы. Ваче узнал
Все, что так кратко названо: «война».
Он видел, как бушует дымный шквал
И как земля до недр потрясена,
Он видел, как пылают небеса,
Как падают столетние леса,
И видел кровь, и слышал стоны он,
И знал, что смерть глядит со всех сторон.
Но не смятенье, не гнетущий страх
Он возмущенным сердцем ощутил,
А ненависть, и в ней — источник сил,
Желанье растоптать врагов во прах.
Ваче их бил наводкою прямой.
И каждый выстрел нес им смертный мрак.
Теперь Ваче горел и жил борьбой —
То яростною радостью атак,
То отступлений горечью немой.

Июльские отпламенели дни,
Седлает осень рыжего коня,
Враги теснятся к городу. Они
И злее и наглей день от дня.
Ваче, с друзьями в роже притаясь,

Фашистов бил стремительным огнем,
Но прерывается с отрядом связь,
Фашисты в озлоблении слепом
По русской батарее бьют и бьют,
И русские шлют гибельный ответ.
Но вот врагам уже препятствий нет,
Стремительно они вперед идут,
И вот уже смыкаются кольцом,
И остаются наши пред лицом
Последних, напряженнейших минут.
Бойцы геройски встретили конец.
Один Ваче случайно уцелел,
Он не сдается, доблестный боец,

Бороться будет он, покуда цел...
Кончаются снаряды, а враги
Все ближе, все теснее, и ни зги
В дыму не видно, лес огнем объят.
Ваче хватается за автомат,
Но кончено — боезапаса нет.
Мелькнули пред Ваче, как яркий свет,
Родимые армянские поля,
Ущелья, горы, голубой Севан,
Взгляд матери, и поцелуй отца,
И, сердце жгучей нежностью паля,
Незаглушимые слова Цовик:
«Воюй бесстрашно!..» Вот конец конца!
Ваче услышал разъяренный крик:
«Сдавайся, русский!» — В этот крайний миг
Ваче крылами руки распахнул,
Взглянул на немцев, глубоко вздохнул
И начал пляску, будто он не здесь, —
В родимый край свой перенесся весь;
То вихрем вьется, буйно, горячо,
Как будто ноги жжет ему земля,
То, глядя на толпу через плечо,
Плывет, ни мускулом не шевеля.
Глядели потрясенные враги,
Как пляшет он, забыв предсмертный страх,
Как замыкает мерные круги
У гибели у самой на глазах.
Урод ефрейтор гаркнул: «Пристрелить!
С ума сошел от страха!» — «Не стрелять! —

Рванулся лейтенант.— Он должен быть
Живым доставлен в штаб!» Опять, опять
Ваче кружится вихрем, а в лесу
Сраженье грозной музыкой гремит,
Ваче кружится, точно на весу,
И сердцем вдохновенным говорит:
«Цвети, родимый край, во всей красе!
Прощай, отчизна, день победы встрети!
Прощайте, милые, прощайте все —
Отец и мать, невеста и друзья!
Как в пляске, проходил по жизни я
И нынче в пляске должен умереть!..»
Взглянув на ошалевших палачей,
Стремительным движением Ваче
Гранату из кармана достает
И с криком иступленным: «Это — вам!» —
В врагов швыряет. Взрыв и вихрь, и вот
Лишь отгул пролетает по лесам...

Когда же наши части подошли,
Лежал Ваче Вобян в крови, в пыли.
Кружившийся у смерти на краю,
В бессмертье превратил он жизнь свою.
Средь вражьих трупов он в крови лежит,
И будто весь он маками укрыт,
И будто чувствует он, как живой,—
Родимая земля под головой.

МИКОЛА ЗАСИМ

(С белорусского)

Поэту

Писать, и только, — это мало.
Цена таким писаньям — грош.
А чтоб одна рука держала
Перо, другая — острый нож.

Фашисту нож всади под ребра
И сам воспой его конец.
Тогда, по правде, будешь добрый
Для наших грозных дней певец.

1942 *Перевод А. Твардовского*

Сестре

Сестренка милая моя,
Ты где теперь — не знаю.
Одно, о чем прослышал я, —
Схватили полицаи

И увели на Белосток
В Германию рабою.
И хлеба увязать в платок
Ты не могла с собою.

В слезах, поникнув головой,
Ты шла с другими рядом.
На сельских улицах конвой
Толкал тебя прикладом,

Чтоб нашим людям в души страх
Вселить, не дать потачки...
А я лежал в сырых кустах,
Больной, в бреду, в горячке.

Не мог тогда поспеть к тебе,
Спасти сестру родную.
Но нынче снова я к борьбе
Вернулся, вновь воюю.

Сестренка милая моя,
Не знаю, где ты ныне.
В одно лишь твердо верю я:
Найду тебя в Берлине.

1942

Перевод А. Твардовского

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

Мост

Он над водой упругим телом зверя
Раскинулся в стремительном прыжке.
Я подошел к нему, еще не веря,
Что смерть его сжимаю в кулаке.
Мы двадцать лет учились созидать,
По кирпичу, по капле счастье множить,
Чтобы сегодня все это опять
Прикосновеньем спички уничтожить!
В нем сто ночей моих недосыпаний,
В нем весь напор, таившийся в крови,
И улицы невыстроенных зданий,
И время, отнятое у любви.
Да, я любил его...

Вот так подходишь к сыну,
Которого ты создал и взрастил...
Я сам последнюю поставил мину
И шнур последней спичкой запалил.
И видел я, как над водой взлетело
Огнем исполосованное тело.
Там, за рекой, лежал любимый город,
И молодость, и материнский дом.
И я клянусь:

— Мы возвратимся скоро!
Мы вновь как победители придем!
Мы все вернем, оставленное нами,
Заставим петь любимые места...
И над водой раскинется, как знамя,
Литая тень висячего моста!..

Октябрь 1941 г.

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

Наша муза

Нет, не печальницей кроткой,—
Муза приходит в твой дом
Краткой военной сводкой
И вдохновенным трудом,

Музыкой шума земного,
Виденьем доблестных дней,—
И зарождается слово
Песни правдивой твоей.

Это давнишние узы:
Делит с поэтом судьбу
Наша военная муза
С гневною складкой на лбу.

1944

АНАТОЛИЙ ЗЕМЛЯНСКИЙ

Партвзноо

Всю жизнь передо мной
Страничка партбилета
И кровью надпись строчкою неровной:
«Умрем, но не отступим.
Наша песнь не спета.
Мы победим фаш...»
И листок оборван.

С тех пор я не свободен от вопроса
И навсегда в его останусь власти:
Какие,
Кто
Сдавал партийной кассе
Ценней и клятвеннее взносы?!

ВАДИМ ЗЕМНОЙ

На марше

Слепящий дым, и пыль густая,
И зной, нависший тяжело,
Над нами плыли, нарастая,
Бойцам измученным назло.

Горело все — цветы и клены,
Былинки не было живой.
Вокруг кустарник запыленный
Шуршал обугленной листвою.

Направо глянешь — догорая,
Пшеница гибнет на корню,
Налево — нет конца и края
Просторам, отданным огню.

Земля, казалось, до предела
Была в огне накалена
И, вся иссохшая, гудела:
«Да будет проклята война!..»

Но мы одни имеем право
Владеть землей. Враги падут,
И сразу всё: цветы и травы,
И даже камни расцветут.

И снова ласковым и пряным
Подует ветром на пути...
Под нашим знаменем багряным
Земля не может не цвести!

1941

ЗУЛЬФИЯ

(С узбекского)

Сюзане

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза,
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор:
И роза, и райхон, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охалки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане —
Иголки острие мне уколело руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
«Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой!» —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзане,
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине,
Во весь размах руки разматываю нитку.

И словно сквозь узор глядят глаза твои,
И на шелку стежки, как строчки на бумаге.
И это сюзане — письмо моей любви,
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзане мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг,
Он ярк, словно сад во время листопада, —
Замысловатое искусство женских рук,
Забава для тебя, а для меня — отрада.

АНАТОЛЬ ИМЕРМАНИС

(С латышского)

Вокзал, и поезд без огней пыхтит,
Траншею роют, и стучит кирка.
Как близко смерти! Свет Млечного Пути
Так нежно льется к нам издалека.

Ракеты в небо медленный полет,
И взрыва отдаленного удар!
Среди трясин застывших и болот —
Везде опасность, как ночной кошмар.

В шинели длинной ходит часовой.
Мерцает острый штык, к ружью примкнут.
Дождь падает, — он как узор живой,
И капли мелкие его плетут.

Сигнал мигнет нам, дальний путь открыв,
И часовой нам станет вслед глядеть.
Когда вернемся, будет ли он жив
Иль будет в плащ-палатке костенеть?

И не услышит он, как поезд, мчась, пыхтит,
Как топь трепещет, стонет в глубине:
Над мертвым лбом свет Млечного Пути
И воздух стынет в грозной тишине.

Перевод Е. Полонской

ВЕРА ИНБЕР

Пулновский меридиан

Поэма

Глава первая

МЫ — ГУМАНИСТЫ

1

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов
Упала утром бомба, весом в тонну.
Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

2

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет.
Здесь красный крест и белые халаты;
Здесь воздух состраданием согрет.
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

3

Но Гитлер выжег кровью и железом
Все эти нормы. Тишину палат
Он превращает в судорожный ад.

И выздоравливающий с протезом,
Храбрец, блестяще выигравший бой,
Бледнеет, видя смерть перед собой.

4

А вестибюль приемного покоя...
Там сколько жертв! Их привезли сейчас.
Все эти лица, голоса... какое
Перо опишет? Девушка без глаз
(Они полны осколками стекла)
Рыдает, что она не умерла.

5

Фашист! Что для него наш мирный кров,
Где жизнь текла, исполненная смысла,
Где столько пролетало вечеров
За письменным столом? Теперь повисла
Над пустотой развалина стены,
Где полки книг еще сохранены.

6

Что для фашиста мирный русский дол,
Голландский сад, норвежская деревня?
Что для него плодовые деревья,
Речная пристань, океанский мол?
Все это — только авиамишени,
Все это — лишь объекты разрушений.

7

Умение летать!.. Бесценный дар,
Взлелеянная гениальным мозгом
Мечта. Впервые на крылах из воска
Взлетает к солнцу юноша Икар
Затем ли, чтоб на крыльях
«мессершмиттов»
Витала смерть над современным Критом?

8

Затем ли итальянец Леонардо
Проникнуть тцился в механизм крыла,
Чтоб в наши дни, в Берлине, после старта
Фашистская машина курс взяла
На университетские аллеи
Времен еще Декарта и Линнея?

9

Как грозен неба вид! Как необычен!
Как глухо полыхают жерла туч
В часы ночных боев, когда зенитчик
Прожектористу говорит: «Дай луч!»
И бледный луч на поиски врага
Вздывается, как грозная рука.

10

Нашла его. Нашарила за тучей.
К земле его! Чтоб оземь головой,
Чтоб подняли его моторы вой,
Чтобы сгорел он в собственном горючем,
Чтобы зловещий этот нетопырь,
Ломая крылья, пал бы на пустырь.

11

Не вырвется из наших рук, шалишь!..
Он мечется. Движения все резче.
Он падает. И, видя это с крыш,
Пожарные дружины рукоплещут.
И, слыша это снизу, со двора,
Дежурные во тьме кричат «ура»...

12

Есть чувства в человеческой душе,
Которыми она гордиться вправе.
Но не теперь. Теперь они уже
Для нас как лишний груз при переправе.
Влюбленность. Нежность. Страстная любовь...
Когда-нибудь мы к вам вернемся вновь.

13

У нас теперь одно лишь чувство — Мечь.
Но мы иначе понимаем это;
Мы отошли от Ветхого завета,
Где смерть за смерть. Нам даже трудно счесть...
С лица земли их будет сотни стертых
Врагов — за каждого из наших мертвых.

14

Мы отомстим за все: за город наш,
Великое творение Петрово,
За жителей, оставшихся без крова,
За мертвый, как гробница, Эрмитаж,
За виселицы в парке над водой,
Где стал поэтом Пушкин молодой,

15

За гибель петергофского «Самсона»,
За бомбы в Ботаническом саду,
Где тропики дышали полусонно
(Теперь они дрожат на холоду).
За все, что накопил разумный труд,
Что Гитлер превращает в груды груд.

16

Мы отомстим за юных и за старых:
За стариков, согнувшихся дугой,
За детский гробик, махонький такой,
Не более скрипичного футляра.
Под выстрелами, в снеговую мусть,
На саночках он совершал свой путь.

17

Мы — гуманисты, да! Нам дорог свет
Высокой мысли (нами он воспет).
Для нас сиянье светлого поступка
Подобно блеску перстня или кубка,
Что переходит к сыну от отца
Из века в век, все дале, без конца.

18

Но гуманизм не в том, чтобы глядеть
С невыразимо скорбной укоризной,
Как враг глумится над твоей отчизной,
Как лапа мародера лезет в клеть
И с прибежавшего на крик домой
Срывает шапку вместе с головой.

19

Как женщину, чтоб ей уже не встать,
Фашист-ефрейтор сапогами топчет,
И как за окровавленную мать
Цепляется четырехлетний хлопчик,
И как, нарочно по нему пройдя,
Танк давит гусеницами дитя.

20

Сам Лев Толстой, когда бы смерть дала
Ему взглянуть на Ясную Поляну,
Своей рубахи, белой, как зима,
Чтоб не забрызгать кровью окаянной,
Фашиста, осквернителя могил,
Он старческой рукой бы задушил.

21

От русских сел до чешского вокзала,
От крымских гор до Ливии пустынь,
Чтобы паучья лапа не всползала
На мрамор человеческих святынь,
Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

22

А если ты, Германия, страна
Философов, обитель музыкантов,
Своих титанов, гениев, талантов
Предавши поруганью имена,
Продлишь кровавый гитлеровский бред, —
Тогда тебе уже прощенья нет.

23

Запомнится тебе ростовский лед.
Не позабудешь клинскую метель ты,
И синие морозы невской дельты,
И в грозном небе Пулковских высот,
Как ветром раздуваемое пламя,
Победоносно реющее знамя.

Глава вторая

СВЕТ И ТЕПЛО

В ушах все время словно щебет птичий,
Как будто ропот льющейся воды:
От слабости. Ведь голод. Нет еды.
Который час? Не знаю. Жалко спички,
Чтобы взглянуть. Я с вечера легла,
И длится ночь без света и тепла.

2

На мне перчатки, валенки, две шубы
(Одна в ногах). На голове платок;
Я из него устроила щиток,
Укрыла подбородок, нос и губы.
Зарылась в одеяло, как в сугроб.
Тепло, отлично. Только стынет лоб.

3

Лежу и думаю. О чем? О хлебе.
О корочке, обсыпанной мукой.
Вся комната полна им. Даже мебель
Он вытеснил. Он близкий и такой
Далекий, точно край обетованный.
И самый лучший — это пеклеванный.

4

Он с детством сопрягается моим.
Он круглый, как земное полушарье.
Он теплый. В нем благоухает тмин.
Он рядом. Здесь. И, кажется, пошарь я
Рукой, перчатку лишь сниму, —
И ешь сама. И мужа накорми.

5

А там, по Северной, сюда идут,
Идут составы — каждый бесконечен.
Не счесть вагонов. Ни один диспетчер
Не посягает на его маршрут.
Он знает: это посланный страной,
Особо важный. Внеочередной.

6

Там тонны мяса, центнеры муки,
И все это в три яруса грядюю
Лежит в полкилометра высотую.
Но все это не доезжая Мги.
Там овощи. Там витамины «Ц»...
Но к нам им не добраться. Мы в кольце.

7

Да, мы — в кольце. А тут еще мороз
Свирепствует, невиданный дотоле.
Торпедный катер стынет на приколе,
Автобус в ледяную корку врос;
За наименьшем тока нет трамваев.
Все тихо. Город стал неузнаваем.

8

И пешеход, идя по мостовой
От Карповки до улицы Марата,
В молчанье тяжкий путь свершает свой.
И только редкий газогенератор
На краткую минуту лишь одну,
Дохнув теплом, нарушит тишину.

9

Как бы сквозь сон, как в деревянном веке,
Невнятно где-то тюкает топор.
Фанерные щиты, сарай, забор,
Полусгоревшие дома-калеки,
Остатки перекрытий и столбов —
Всё рубят для печурок и гробов.

10

Две женщины (недоля их свела),
В платках до глаз, соприкасаясь лбами,
Пенок какой-то пилят. Но пила,
С искривленными, слабыми зубами,
Как будто бы и у нее цинга,
Не в состоянье одолеть пенька.

11

Ни лая, ни мяуканья, ни писка
Пичужьего. Небось пичуги там,
Где, весело летая по пятам
За лошадьё, как из горячей миски,
Они хватают зернышки овса...
Там раздаются птичьи голоса.

12

Нет радио. И в шесть часов утра
Мы с жадностью «Последние известья»
Уже не ловим. Наши рупора —
Они еще стоят на прежнем месте, —
Но голос... голос им уже не дан:
От раковин отхлынул океан.

13

Вода!.. Бывало, встанешь утром рано,
И кран, с его металла белизной,
Забулькает, как соловей весной,
И долго будет течь вода из крана.
А нынче, ледяным перстом заткнув,
Мороз оледенил блестящий клюв.

14

А нынче пьют из Невки, из Невы
(Метровый лед коли хоть ледоколом).
Стоят, обмерзшие до синевы,
Обмениваясь шуткой невеселой,
Что уж на что, мол, невская вода,
А и за нею очередь. Беда!..

15

А тут еще какой-то испоганил
Всю прорубь керосиновым ведром.
И все, стуча от холода зубами,
Владельца помнят недобром:
Чтоб дом его сгорел, чтоб он ослеп,
Чтоб потерял он карточки на хлеб.

16

Лишилась тока сеть водоснабженья,
Ее подземное хозяйство труб.
Без тока, без энергии движенья
Вода замерзла, превратилась в труп.
Насосы, фильтры — их живая связь
Нарушилась. И вот — оборвалась.

17

(В системе фильтров есть такое сито —
Прозрачная стальная кисея,
Мельчайшее из всех. Вот так и я
Стараюсь удержать песчинки быта,
Чтобы в текучей памяти людской
Они осели, как песок морской.)

18

Зима роскошествует. Нет конца
Ее великолепьям и щедротам.
Паркетами зеркального торца
Сковала землю. В голубые гроты
Преобразила черные дворы.
Алмазы. Блеск... Недобрые дары!

19

И правда, в этом городе, в котором
Больных и мертвых множатся ряды,
К чему эти кристальные просторы,
Хрусталь садов и серебро воды?
Закреть бы их!.. Закреть, как зеркала
В дому, куда недавно смерть вошла.

20

Но чем закрыть? Без теплых испарений
Воздушный свод неизъяснимо чист.
Нетающий на ветках снег — сиренев,
Как дымчатый уральский аметист.
Закат сухумской розой розовеет...
Но лютой нежностью все это веет.

21

А в час, когда рассветная звезда
Над улиц перспективой несравненной
Сияет в бездне утренней, — тогда
Такою стужей тянет из вселенной,
Как будто бы сам космос, не дыша,
Глядит, как холодеет в нас душа.

22

Недаром же на днях, заняв черед
С рассвета, чтоб крупы достать к обеду,
Один парнишка брякнул вдруг соседу:
— Ну, дед, кто эту ночь переживет,
Тот будет жить. — И старый дед ему:
— А я ее, сынок, переживу.

23

Переживет ли? Ох! День от дня
Из наших клеток исчезает кальций.
Слабеем. (Взять хотя бы и меня:
Ничтожная царапина на пальце,
И месяца уже, пожалуй, три
Не заживает, прах ее бери!)

24

Как тягостно и, главное, как скоро
Теперь стареют лица! Их черты
Доведены до птичьей остроты
Как бы рукой зловещего гримера:
Подбавил пепла, подмешал свинца —
И человек похож на мертвеца.

25

Открылись зубы, обтянулся рот,
Лицо из воска. Трупная бородка
(Такую даже бритва не берет).
Почти без центра тяжести походка,
Почти без пульса серая рука.
Начало гибели. Распад белка.

26

У женщины начинается отек,
Они всё зябнут (это не от стужи).
Крест-накрест на груди у них все туже,
Когда-то белый, вязаный платок.
Не веришь: неужели эта грудь
Могла дитя вскормить когда-нибудь?

27

Апатия истаявшей свечи...
Все перечни и признаки сухие
Того, что по-ученому врачи
Зовут «алиментарной дистрофией»
И что не латинист и не филолог
Определяет русским словом «голод».

28

А там, за этим, следует конец.
И в старом одеяле цвета пыли,
Английскими булавками зашпилен,
Бечевкой перевязанный мертвец
Так на салазках ладно снаряжен,
Что, видимо, в семье не первый он.

29

Но встречный — в одеяльце голубом,
Мальчишечка грудной, само здоровье,
Хотя не женским, даже не коровьим,
А соевым он вскормлен молоком.
В движении не просто встреча это:
Здесь жизни передана эстафета...

30

И тут в мое ночное бытие
Вплетается со мною разлученный
Иной ребячий облик — мой внучонок.
Он в валеночках, золотце мое.
Он тепел. Осязаем. Он весом...
Увы! Я сплю. И это только сон.

Глава третья

ОГОНЬ

1

Мороз, мороз!.. Великий русский холод,
Испытанный уже союзник наш.
Врагов он жалит, как железный овод,
Он косит их, прессует, как фураж,
И по телам заснувших мертвым сном
Он катит дальше в танке ледяном.

2

Как из былины, в кожаном шеломе
Глядит из башни (ну и здоровá!)
Румяная седая голова.
А дальше в этой танковой колонне
Идут бураны, снежные вьюны,
Заносы... Не видать еще весны.

3

Треск по лесу! Алмазная броня
То изумрудом вспыхнет, то рубином.
А чуть стемнеет, на излете дня,
Вооружась серебряной дубиной,
Уходит партизанить наш старик,
Как в дни Наполеона он привык.

4

И тут уж враг без памяти бежит,
Чтоб от него укрыться как-то, где-то.
И бледная немецкая ракета
Беззвучно заикается, дрожит.
Все снег да снег, без края и конца,
Вокруг Оломны и Гороховца.

5

Ни шороха, ни звука, ни движенья.
Не покидает свой высокий пост
Луна, чье кольцевое окруженье
Истаивает под напором звезд.
И вдруг раскат. И ожил горизонт...
Товарищи, здесь Ленинградский фронт!

6

Вчерашний день мы провели в лесу,
На наших дальнобойных батареях.

И я его забуду не скорее,
Чем собственное имя. Пронесу
Его в глубинах сердца. Никогда
Туда не проникают холода.

7

Бойцы приказ Наркома обороны
Читали в полдень, и когда закат
Был золотого цвета, как патроны,
В землянке, где над головой накат,
И у костра под елью вековой,
Когда был Млечный Путь над головой.

8

Оружием всех видов и родов
Приказ был соответственно отмечен.
Связист его читал у проводов,
У карты — генштабист. И лишь разведчик,
Кому и лишний вздох не разрешен,
В тылу врага был этого лишен.

9

Один из них рассказывал: — В снегу
И сам иной раз станешь как ледяшка,
Но согревает ненависть к врагу.
Сидишь часами — и оно не тяжко.
Мороз! А в голове горит одно —
Задание, которое дано.

10

Он прав, разведчик. От глухой тропы,
От точки огневой до бури шквальной,
Когда столбы земли, подобно пальмам,
Перерастают сосны и дубы, —
Везде и всюду, явен или скрыт,
Но этот наш огонь всегда горит.

11

Он партизанским полымем-пожаром
Захватчиков сжигает на корню,
Закован в современную броню,
Старинным русским полыхает жаром.
Он страшен недругам, он — бич врагов,
Ему дивятся пять материков.

12

Огонь! В честь нас, людей из Ленинграда,
В честь пятерых,— пять молний, пять громов
Рванули воздух (мы стояли рядом).
По вражьи́м блиндажам пять катастроф.
И в интервалах первым начал счет
Один из нас, сказав: — За наш завод!

13

Второй проговорил: — За наш совхоз,
Во всем районе не было такого!
— За сына, — тихо третий произнес.
Четвертая, инструкторша горкома:
— За дочку! Где ты, доченька моя?
— За внука моего! — сказала я.

14

Я внука потеряла на войне...
О нет! Он не был ни боец, ни воин.
Он был так мал, так в жизни неустроен,
Он должен был начать ходить к весне.
Его зимою, от меня вдали,
На кладбище под мышкой понесли.

15

Его эвакуацией за Волгу
Метнуло. Весь вагон, куда ни глянь,
Все дети. Ехать предстояло долго...

Так в лес детеныша уводит лань,
Все думает спасти его, пока
В ее сосцах хоть капля молока.

16

Он был как тот березовый росток,
Который ожил в теплоте землянки
И вырос на стене, как на полянке,
Но долго просуществовать не мог.
Хирел, мечтал о солнце, как о чуде,
И вздрагивал от грохота орудий...

17

Смертельно ранящая, только тронь,
Воспоминаний взрывчатая зона...
Боюсь ее, боюсь в ночи бессонной.
И все же, невзирая на огонь,
Без жалости к себе, без снисхожденья
Иду по этим минным загражденьям

18

Затем, чтобы перо свое питала
Я кровью сердца. Этот сорт чернил...
Проходит год — они все так же алы,
Проходит жизнь — им цвет не изменил.
Чтобы писать как можно ярче ими,
Воспользуемся ранами своими.

19

Используем все огневые средства
Для ненависти огненной к врагу.
Боль старости, загубленное детство,
Могилка на далеком берегу...
Пусть даже наши горести и беды
Являются источником победы.

Преследуем единственную цель мы,
 Все помыслы и чувства об одном:
 Разить врага прямым, косоприцельным,
 И лобовым, и фланговым огнем,
 Чтобы очаг отчаянья и зла —
 Проклятье гитлеризма — сжечь дотла.

Глава четвертая

год

1

Зеленым листьям наступил конец.
 В предчувствии грядущего мороза
 Уже поникла юная береза,
 Бледна, как необстрелянный боец.
 Зато рябина, с пурпуром в петлицах,
 Не в первый раз мороза не боится.

2

А на Неве ни шороха, ни плеска,
 И город ало-черно-золотой
 В ней отражен с венецианским блеском,¹
 С поистине голландской чистотой.
 Но наяву насколько он живей
 В исконной русской прелести своей!

3

Он все такой же, как и до войны,
 Он очень мало изменился внешне.
 Но, взглядываясь, видишь: он не прежний,
 Не все дома по-прежнему стройны.
 Они в закатный этот час осенний
 Стоят, как люди после потрясений.

4

Один кровоточит кирпичной раной,
Тот известковой бледностью покрыт,
Там вылетели окна из орбит
(Одно из них трепещет, как мембрана).
А там неузнаваема, как маска,
Окисленная порохом окраска.

5

Осколок у подъезда изувечил
Кариатиды мраморную грудь.
Страдания легли на эти плечи
Тяжелым грузом — их не разогнуть.
Но все же, как поддержка и защита,
По-прежнему стоит кариатида...

6

На Ленинград, обхватом с трех сторон,
Шел Гитлер силой сорока дивизий.
Бомбил. Он артиллерию приблизил,
Но не поколебал ни на микрон,
Не приостановил ни на мгновенье
Он сердца ленинградского биенье.

7

И, видя это, разъяренный враг,
Предполагавший город взять с разбега,
Казалось бы, испытанных стратегов
Призвал на помощь он: Мороз и Мрак.
И те пришли, готовые к победам,
А третий, Голод, шел за ними следом.

8

Он шептуном шнырял из дома в дом,
Ныл нытиком у продуктовой кассы.
А в это время рос ледовой трассы
За метром метр. Велась борьба со льдом.
С опасностью, со смертью пополам
Был доставляем хлеба каждый грамм.

9

И Ладога, как птица пеликан,
Самопожертвования эмблема,
Кормящая птенцов самозабвенно,
Великий город, город-великан,
Питала с материнскою любовью
И перья снега смешивала с кровью.

10

Не зря старушка в булочной одной
Поправила стоявших перед нею:
— Хлеб, милые, не черный. Он ржаной,
Он ладожский, он белого белее.
Святой он. — И молитвенно старушка
Поцеловала черную горбушку.

11

Да, хлеб... Бывало, хоть не подходи,
Дотронуться — и то бывало жутко.
Начнешь его — и съешь без промезутка
Весь целиком. А день-то впереди!..
И все же днем ли, вечером, в ночи ли
Работали, учились и учили.

12

Студент... Огонь он только что раздул.
Старательно распиленный на чурки,
Бросает он в него последний стул.
А сам перед игрушечной печуркой,
На корточках (пусть пламя припечет),
Готовит он очередной зачет.

13

Старик профессор... В клетчатом платке
Поверх академической ермолки,
Насквозь промерзший, с муфтой на шнурке,
С кастрюльками в клеенчатой кошелке.
Ему бомбежка путь пересечет,
Но примет у студента он зачет...

14

Тяжелый пласт осенней темноты
Так угнетал порой невыносимо,
Что были двадцать граммов керосина
Желанней, чем в степи глоток воды.
О, только бы коптилка не погасла!..
Едва горит соляровое масло.

15

И все же не погас он у меня,
Сосущий масло марлевый канатик,
Мерцающее семечко огня.
Так светит иногда светляк-фанатик
И чувствует, что он по мере сил
Листок событий все же озарил.

16

Я знаю, что в грозовой этой чаще
Другим удастся осветить крупной
Весь этот год, вплоть до его корней.
Но и светляк был точкою светящей,
И он в бореньях тьмы не изнемог.
Он бодрствовал. Он сделал все, что мог.

17

И Муза, на сияние лампадки
Притянутая нитью лучевой,
Являлась ночью, под сирены вой,
В исхлестанной ветрами плащ-палатке,
С блистанием волос под капюшоном,
С рукой, карандашом вооруженной.

18

Она шептала пишушим: «Дружок,
Не бойся, я с тобой перезимую».
Чтобы согреть симфонию Седьмую,
Дыханьем раздувала очажок.
И головешка с нежностью веселой,
Как флейточка, высвистывала соло.

19

Любитель музыки! Пожалуй, в ней ты
Увидел бы, в игре ее тонов,
И впрямь порханье светлых клапанов
По угольному туловищу флейты,
И то, как, вмиг ее воспламеня,
По ней перебегает трель огня.

20

С электролампой, в световом овале,
Входила Муза в номерной завод
Под сумрачный, оледенелый свод, —
Там Стойкостью ее именовали...
И цех, где было пусто, как в соборе,
Вновь оживал. Все снова были в сборе.

21

Все нити и лучи сходились к ней,
От одиночных маленьких сияньиц
До величавых заводских огней,
Бросавших блики на снарядов глянец,
И каждый отблеск радовал сердца
И производственника и бойца.

22

Бывало, Муза днем, в мороз седой,
Противовесом черной силе вражьей,
Орудовкой, в берете со звездой,
Стояла у Канавки у Лебяжьей
И мановеньем варежки пунцовой
Порядок утверждала образцовый.

23

В апреле Муза скалывала лед.
Ей было трудно. Из-под зимней шапки
Росинками блестит, бывало, пот.
Ей в руки бы подснежников охапки...
Но даже в старом ватнике — она
Была все та же юная Весна.

Стремительна, прекрасна и строга.
 Крылатая!.. И рядом с Музой каждый
 И чувствовал и думал не однажды:
 «Чтобы вернее сокрушить врага,
 Я все отдам, и даже бытие,
 О Ленинград, сокровище мое!»

Всегда, везде, в облиции любом,
 К любому причисляема отряду,
 Она была любовью к Ленинграду
 И верою в победу над врагом,
 Надеждою... Всего не перечесть:
 Такой она была. Была и есть!

Глава пятая

СНОВА ЛЕТО

1

В одиннадцать часов еще светло.
 Еще на западе, не улетаю,
 Лежит заката алое крыло,
 И даже полночь будет золотая.
 Она уже в движенье привела
 Аэростатов легкие тела.

2

Луну, с ее лебяжьим опереньем,
 Зеркально опрокинула в Неву.
 И соловей поет в кистях сирени:
 «Я счастлив, счастлив, я жив-жив, живу!»
 В самозабвении, без тени страха,
 Выводит трели маленькая птаха.

3

Вверху рычат германские моторы:
«Мы фюр-рера покор-рные р-рабы,
Мы превращаем гор-рода в гр-робы.
Мы — смерть. Тебя уже не будет скор-ро».
А соловей свое: «Я тут, я тут,
Я жив, меня отсюда не сметут...»

4

Какой сегодня жаркий, жаркий день!
С какою быстротой созрело лето!
Еще немного — и ночная темь
Начнет от круглосуточного света
Неумолимо отрезать в пути
Сначала ломтики, потом ломти.

5

С восьми утра до часу или двух
Под деревом работаю, пишу там.
Подобием мельчайших парашютов
В саду летает тополиный пух.
Мгновение — и воздух рассекло
Пикирующей ласточки крыло.

6

Ее сынок, а может быть, и дочка,
Топорща крылышки, глядит на мать.
Птенцу и страх как хочется летать —
И страшно оторваться от кусточка.
Он смотрит на верхушки тополей,
А мать ему: «Смелей, дитя, смелей!»

7

Под деревом еще один птенец,
Ручонкою держась за край коляски,
Колелется... Решился наконец.
Он делает шажок, не без опаски,
От мамы ни на шаг не отходя,
А та ему: «Смелей, смелей, дитя!»

3

Как много птиц и маленьких детей
Опять щебечет в гнездах Ленинграда!
О детский мир, цветы и не скудей
В пределах комнат и в аллеях сада
И после двух блокадных наших зим
Чаруй нас возрождением своим!..

Глава шестая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Посвящается И. Д. С.

1

На стенах надпись: «Эта сторона
Опаснее, чем та, в часы обстрела».
Хотя и там вот только что гремело
И там опасность не устранена.
И едкая пороховая мгла
Всю улицу на миг заволокла.

2

Но тут же, по опасной стороне,
Уже спуют строители, прорабы,
Торопят архитектора: — Пора бы
Начать ремонт хотя бы и вчерне. —
Чертят квадраты, конусы и кубы,
Раздобывают доски, гвозди, трубы.

3

Все здание в изъянах и порезах,
Во вмятинах и выбоинах. Но
Ему подбавить извести, железа —
И снова станет на ноги оно.
И обновленно, молодо и крепко
Опять задышит лестничная клетка.

4

За штукатурками придет печник;
А там стекольщик со своим алмазом,
Окошко сантиметром уточнит,
Еще разок проверит просто глазом, —
И вспыхнет ослепительный по силе
Кусок небес взамен фанеры синей.

5

Лежат повсюду бревен штабеля
И ждут, чтоб превратили их в поленья.
И в наших Цельсиях, по их деленьям,
Стремясь уйти все дальше от нуля,
Карабкается ртутный стебелек
По градусам — он раньше так не мог.

6

И вот уж перед всем честным народом
На бревнах — голосистая пила
Опять свои частушки завела.
А дедушка-топор, седобородый,
Степенно, положительно и мерно
Поддакивает: «Верно. Верно. Верно».

7

Как песня, все привольней и плавней
Тепло распространяется по трубам.
Горит береза... Столько жара в ней,
Как будто комсомольцы-лесорубы,
Своей энергией ее согрев,
Повысили в сто раз ее нагрев.

8

И кран, где все, казалось, испытано,
Где не было уже ни капли жизни, —
Оттуда вдруг мелодия как брызнет,
Все выше, выше. И на верхнем «до»
(Как эта нота радостно-свежа!)
До... пятого доходит этажа.

9

Взамен коптилок, плошек и лучинок
Над письменным столом и над плитой
Опять цветет огнем своих тычинок
Электrolампы венчик золотой.
Да здравствует дающая нам ток
Энергия, взрастившая цветок,

10

Бегущая по проводу, по стеблю!..
Растенья в Ботаническом саду
Чернели, точно в Дантовом аду.
Теперь опять, дыханием колеблем,
Уже растет, себя теплу вверяя,
Лист будущего пальмового рая.

11

В бассейне, где иссяк водопровод,
Куда носили воду литр за литром,
Меж розовых кувшинок вновь плывет
Громадный лист, похожий на палитру.
Пиши, художник, кистью вдохновенной
Развертыванье жизни сокровенной.

12

Уже монтажник занят важным делом —
Восстановленьем заводских турбин.
Уже на мраморном щите, на белом,
Горит контрольной лампочки рубин.
Вновь завоюет Ленинград по праву
Свою энергетическую славу.

13

Его великолепные моторы,
Турбины, двигатели, дизеля
Опять начнут, о русская земля,
Питать энергией твои просторы.
И каждая машина, агрегат
Гордиться будут маркой «Ленинград».

14

Войдемте в Летний сад. Он тих и пуст.
Где статуи? Их тоже нет на месте.
Осанка, мрамор плеч, улыбка уст —
Все это скрыто: адрес неизвестен.
Все это в подземельи, где мрак,
Но где зато не угрожает враг.

15

Подобно хору греческих трагедий,
Не умолкают пушек голоса.
Но статуи... при мысли о победе
У них, как у людей, блестят глаза.
Поистине эпоху Возрожденья
Напоминает это пробужденье.

16

И шепчет мраморная Терпсихора,
Склонив над лютней юную главу:
«Я знаю, я предчувствую, что скоро
На сцене вновь волшебюно оживу,
Соединяя в образе едином
Огонь страстей с прохладой лебединой».

17

И с чертежом и циркулем в руках
Архитектура говорит: «Я жажду
Опять трудиться для своих сограждан.
Хочу для них воссоздавать в веках
Не только крепости и бастионы,
А здравницы, дворцы и стадионы».

18

«Я корабли по компасу веду,
Я — Навигация, — раздался голос. —
Я с бурями, туманами боролась.
Мне в якорных цепях невоготу.
Но скоро я, поднявши якоря,
Пойду в послевоенные моря».

19

Уже опять, с Искусством заодно,
Науки начинают вторить музам.
Уже открылось новых десять вузов,
Уже в аудиториях полно,
И видит с удовольствием декан,
Что надо ставить стулья по бокам.

20

Уже ребята по дороге в школу
На Невке видят молодой ледок.
Уже готов уйти плавучий док,
Чтоб уступить дорогу ледоколу.
Картина поздней осени ясна,
А нам все кажется, что нет,— весна.

21

Все признаки. Всё на весну похоже.
И шорох льда, и аромат реки,
И маленькие эти огоньки
По темным улицам в руках прохожих,—
Весь город ими трепетно унизан:
Канун Победы. Светлый праздник близок.

22

Еще артиллерийскими громами
Чревато небо Пулковских высот.
Еще в зловещей этой панораме
Нет места для космических красот.
Еще воронками глубоких ран
Дымится Пулковский меридиан.

23

Но час придет. Не будет ни окопов,
Ни пушечных, ни пулеметных гнезд.
Мы вновь нацелим жерла телескопов
По золотым ориентирам звезд.
Опять прославим солнца торжество,
Лучистую энергию его.

Да здравствует великий русский город
С энергией, невиданной дотолы!
Да здравствует энергия, в которой
Спрессованы десятки тысяч воли!
И навсегда, отныне и вовек,
Да здравствует советский человек!

Октябрь 1941 — ноябрь 1943 г.

Ленинград

ЮРИЙ ИНГЕ

Тральщики

Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое, как всегда,
Высоких звезд холодное мерцанье
Колелет на поверхности вода.

А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.

Но будет день... Живи, к нему готовясь,—
Подыметесь с протраленного дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна.

И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флага бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха,
Зовущегося минным барражом.

Где бы противник мины ни поставил —
Все море мы обыщем и найдем.
Согласно всех обычаев и правил,
Мы действуем смекалкой и огнем.

Юрий Инге погиб на Балтике 28 августа 1941 года на пароходе, торпедированном фашистами.

В морских просторах, зная все дороги,
Уничтожаем мины поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги,
Дроби волну, форштевень корабля.

1941

ЛИДЖИ ИНДЖИЕВ

(С калмыцкого)

На фронт, сыну-воину

В магическом стекле воображенья
Встают передо мной поля сраженья.
Ты, смелый сын мой, бьешься впереди
С винтовкою в руке, с огнем в груди.

Таким тебя я вижу. Ты отважен,
Ты, жизни не щадя, стоишь на страже,
На боевом посту своей страны.
В густом дыму, средь грохота войны.

И знаешь ты, что этими полями,
Где жерла пушек извергают пламя,
Где боевые цепи залегли
Во впадинах израненной земли,

Где гибнет лес прочесанный и редкий,
Когда-то шли походом наши предки;
Здесь, в ореоле славы и побед,—
Тому назад уже немало лет —

Вел полчища Наполеон надменный.
Он сломлен был, Москвы оставил стены:
Весь наш народ, поднявшись для борьбы,
Подрезал крылья баловню судьбы.

А до того отпор был дан суровый
Псам-рыцарям близ озера Чудского,
Смерть встретили старик и молодой
Под стылою озерною водой.

Беличьем прошлой славы окрыляя,
Зовет на подвиг нас страна родная,
Поддерживая стойкий пыл бойцов.
Тебя я вижу, сын мой. Ты суров.

Вот в сумраке удушливом и мгlistом
Шагаешь ты — и смерть несешь фашистам.
Ты гнева полон. Твой удар тяжел.
Ударил ты — могилу враг нашел.

Ты помни каждый час, мой сын любимый,
Что за тобой народ непобедимый,
Не знавший поражений богатырь,
И родины богатство, мощь и ширь.

Покинуты обжитые селенья,
Растут и крепнут силы ополченья,
На линию огня все шлет и шлет
Отряды за отрядами народ.

Мы поднялись решительно и смело
За наше правое, святое дело:
Мы дьяволов сотрем с лица земли,
Что к нам с цепями кабалы пришли!

И над отчизною разгонит тучи
Народ советский — стойкий и могучий.

Перевод В. Лейтина

АВЕТИК ИСААКЯН

(С армянского)

Боевой клич

Ночь. Тучами окутанная ночь.
Как бешеную бурю превозмочь?
Гремучий шквал из вражеской страны
Рокошет на просторах наших нив.
Встают в ответ моря, возмущены,
Исполнен гнева буйных рек разлив.

Э-эй, Масис, заоблачная высь!
Э-эй, земля родимая, держись!
Готовы ль молнии? Готов ли меч,
Чтоб ненавистных гибели обречь?

Все ль вы на страже, родины сыны?
Мы взяться за оружие должны, —
Затихнет ветер, и заснет вода,
Но злобный враг не дремлет никогда.
Вы слышите тяжелый ляг цепей?
Тиран оковы тяжкие несет
В наш край лесов, нагорий и степей.
Он хочет обесчестить наш народ.
Вступайте в перекличку меж собой!
Все ль на ногах, и все ль готовы в бой?
Да опояшет каждый стан броня,
Да опояшет воля гордый дух,
Да опояшет поясом огня

Великий гнев наш дружественный круг!
Шумы, шуми зеленой кроной, дуб!
Гремите бурей, зовы вещей труб!
Срывайся, ржанье, с жарких конских губ!
На бранный подвиг, братья, на борьбу!
Решаем сами мы свою судьбу.
За облака взлетай, победный стяг,
К бессмертью, побеждающему смерти!
Да будет уничтожен дерзкий враг,
Да будет усмирен свирепый смерч!
От наших виноградников и роц
Гоните злоумышленников прочь!
Да будет вечной в солнечном краю
Давилен, житниц мирных тишина.
Свою отчизну отстоим в бою.
Э-эй, к победе, вольная страна!

26 июня 1941 г.
Ессентуки

Перевод В. Звягинцевой

Вечной памяти С. Г. Загияна

С героями-друзьями ты, как пламя,
Как молния, врагов испепелял,
Великой правды нес высоко знамя
И смертью храбрых в жаркой битве пал.

В твоём краю свободном, беспечальном,
Что наделил отвагою бойца,
Склонились все в молчании прощальном,
И горе переполнило сердца.

Твое чело победа увенчала,
И в летописях славы ты живешь.
И тем, кого унынье посещало,
И гордость ты и мужество даешь.

Наш гнев священный вдохновил героя,
И мы гордимся подвигом твоим.
Ты варвара поверг стальной рукою
И, словно щит, стоял непоколебим.

Покойся безмятежно в вечной славе,
Твои герои-братья мчатся в бой,
Армения цветет все величг вей,
И пламенеют розы над тобой.

1942

Перевод А. Ахматовой

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

В прифронтовом лесу

Лиде

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,—
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем:

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

Русской женщине...

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей,
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же все перечтешь?

А в письмах на фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твоё...

1945

Враги сожгли родную хату...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Буданешт.

1945

БОГДАН ИСТРУ

(С молдавского)

Мать

Как пред дубравой, что зимою
Не дрогнет от жестоких вьюг,—
Склоняюсь низко пред тобою,
Мой добрый, непокорный друг.

Ты от беды хранила свято
Родное милое жилье,—
Чужие в дом вошли солдаты,
На сердце наступив твое.

Мы вместе. Прочь ушли печали,
Хоть слезы на лице твоём.
Из-под знакомой старой шали
Виски сверкают серебром.

Бывало, все твой образ снится,
Все не отходишь от окна...
Ведь, говорят, весною птица
Вернуться в гнездышко должна.

Так шепчешь ты и руки гладишь,
Касаешься несмело щек.
Вгляни — и в этой буйной пряди
Блестит нетающий снежок.

Дай на тебя мне наглядеться,
Дай ночью у колен твоих
Уснуть, как в раннем-раннем детстве
Под шум черешен молодых.

Скалой ты в эти годы стала,
А прежде кроткою была :
Ведь все, что на пути встречала,—
Все силой духа превзошла!

1944

Перевод М. Голодного

МИКЛАЙ КАЗАКОВ

(С марийского)

Командир в наступлении рядом с тобой,
А тебе показалось — отец родной.

Он молод, безус, но под огнем
Бесстрашного друга обрел ты в нем.

Когда ты гнал Колчака на Урал,
Тогда он еще погремушкой играл.

Он слишком молод, но веришь ему.
Он рядом идет сквозь снег и тьму.

Вы делите все пополам, как друзья,
Но сыном назвать по уставу нельзя...

Взлетела ракета — настала пора.
Он подал команду: — В атаку! Ура!

Усталости вовсе не чувствуешь ты
В дыму завоеванной высоты.

Взрываются мины, и пули свистят...
Два друга идут — лейтенант и солдат.

1942

Перевод М. Светлова

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Проводы

Казалось, «Радищева» странно
встречали:
На волны, игравшие с гордой кормой,
Все громче катился обвалом печали,
С народом, с повозками, берег крутой.

Но даже слепая, глухая могла бы
Душа заприметить, поймать наугад:
Толпясь сарафанами, камские бабы
Тут правили проводов тяжкий обряд.

То плакали, сбросив объятий
нескладность,
То плакали в мокрых объятьях опять,
Что скорбной войны беспощадная
жадность
Мужей их навеки собралась отнять.

Как будто палимы желаньем горячим,
Чтоб им посочувствовал к пристани путь,
Протяжным, прощальным, рыдающим
плачем
Старались и берег в их горе втянуть.

И берег — высокий, красный,
в суглинке —
Взирал, как толпа сарафанная вся
Бросалась к мужьям и назад,
по старинке
Рвала себе волосы, в даль голося.

Все ширился пропастью ров расставанья,
И, пролитых слез не стирая с лица,
На палубу острое буйство страданья
Врывалось, стучась пассажирам
в сердца.

И в каждом взрывалась страшная
жалость,
Но как ее ни были взрывы страшны,
Она виновато, беспомощно жалась
К сознанию твердого долга страны.

Хоть каждая к сердцу была ей кровинка,
Страна приказала: — Все муки узнай,
Жизни лишись,
Но нет, и суглинка —
Вот эту немудрость —
Врагу не отдай!

1941

ГЕОРГИИ КАЙТУКОВ

(С осетинского)

Осетии

На твоей горе хочу я стоять,
Работать хочу на твоей земле.
Горжусь, советская родина-мать,
Осетия наша — в твоей семье!

В трудное время — сыны с тобой,
В час веселья — с тобой сыны.
Ты их звала на труд и на бой,
Твоим приказам они верны.

Тебя я славлю, моя страна,
Сыновних чувств своих не тая:
Живи, расти и здравствуй, нана,
Да будет светлой участь твоя!

Думаю я о прошлом, — тогда
Перед глазами встает Коста.
Но ушли года, утекла беда,
Путь перед нами — ширь, высота.

Сил не жалеют твои сыны,
Только бы, мать, выростала ты.
На груди сынов твоих зажжены
Звезды невиданной красоты.

Скажи мне, кто тебе силы дал,
Надежду, отвагу, волю к борьбе?
Счастье твое кто отыскал?
Русский брат наш, спасибо тебе!

Ты нас повел по верной стезе,
Ты нас к свету привел из тьмы.
За здравье твое на пиру друзей
Полный рог поднимаем мы...

1943

Перевод Л. Озерова

КАРЛО КАЛАДЗЕ

(С грузинского)

Артиллерийская дуэль

Мы видели смерть.

И запомнили мы:

Глаза у нее — не мышинные норы,
Но вспышками молний разили из тьмы
И мрак рассекали вокруг ее взоры.
В руках ее не было вовсе косы,
Она не сверкала костей белизною,
Но кралась убийцею в эти часы,
Озлобленная, притаясь за скалою,
И кинулась, жадная, на блиндажи,
И глыбы камней рвала и дробила
И словно кричала:

«Вот тут и лежи,

Здесь взрыта моими когтями могила».

Мы видели там: командир молодой
Стоял, со своим разговаривал взводом.

И, не оглянувшись, махнул рукой,
Клубящийся дым отстранил мимоходом.

Потом на скале величаво он встал,
Как будто бы сам он скалы той потомок
И сам из гранитных он вырублен скал,
Сам мощен он, словно утеса обломок.

Орудья умели беседовать с ним,
Орудий слова ему были знакомы,

Его облаками окутывал дым,

На гром он обрушил ответные громы.

Все словно застыло среди темноты,

Все стерто, во мраке ночном потонуло,

И вторили схватке родные хребты

Во сне отголосками дальнего гула,
И вторили горы, и славили бой.
Врагов озверелых неистовый приступ
Отбили в ту ночь неустанной пальбой
Грузинские славные артиллеристы.
Бросалась на горы смерть тысячи раз
И тысячи раз отступала той ночью.
Мы смерть победили.

Свободен Кавказ!

Мы это увидели утром воочью.

1942

Перевод С. Спасского

ХАЗБИ КАЛОЕВ

(С осетинского)

Меч

(Баллада)

Тень мрачная упала на страну,
И уходили юноши-джигиты...
Мать сына провожала на войну:
«Отцовский меч в сраженьях сбереги ты!

Из боя он прислал его тебе —
На нем еще атели крови пятна...
Я верю, будешь стоек ты в борьбе,
С победою вернешься ты обратно».

Как птицы, мчались быстрые года,
И дерево засохло понемногу...
Мать опустила голову, седа,
Она глядела долго на дорогу.

И услышала голос: «Жизнь сберечь
Не смог твой сын — сберег он честь солдата...
Он, падая, мне передал свой меч,
И я его храню в сраженьях свято!»

1941

Перевод С. Ботвинника

Хазби Калоев на фронте был командиром танка. В 1943 году пал смертью храбрых в бою под Белгородом.

Метель деревья рослые сломила,
Сугробы злые под ноги легли...
Великая нужна поэту сила,
Чтоб описать всю боль моей земли!
Я видел: реки крови багровели...
О мертвых братьях память я несу.
Дай, молодец, свирель — на той свирели
Я мир знобящей песней потрясу!
Метель уже стихает, исчезает —
Дождь солнечных лучей ее пронзает.

1948

Перевод С. Ботвинника

МУСТАЙ КАРИМ

(С башкирского)

Дождь

Мальчишка без шапки бежал под дождем,
Смеясь, крутя головой.

«Вырасту», — думал. И дальше бежал
Вровень с плакун-травой.

Он вырос. Летний дождь никогда
Помехой не был в труде, —
С распахнутым воротом он стоял
Без шапки на борозде.

В годы засухи вместе с землей
Он жаждал испить дождя:
Каждое облачко он хотел
Жадно вдохнуть в себя.

Вот и сегодня землю с утра
Небо поит дождем;
Дышат поля, мокнет земля,
Ивы шумят над прудом.

.....
Но нынче воин дождю не рад.
Дьявольская беда!
Насквозь промокла его шинель,
По пояс в окопе вода.

Солдат впервые за много лет
Выругал дождь вслух:
— Заштопать бы чертову в небе дыру! —
Но дождь проливной глух.

Вдруг треснула туча, и молний блеск
Прорезал небо над ним.
Солдату почудилось: свет такой
Он видел над полем родным.

Ему показалось: от струй дождя
На Белой волна дрожит,
А сын Ильгиз, как в детстве отец,
Сквозь дождь босиком бежит.

«Дома побыть бы! — подумал он.
А дождь по брустверу бьет.
Мокрой шинелью накрылся солдат: —
К лучшему! Пусть идет».

1943

Перевод А. Недогонова

Украине

О Украина! Ветви наклоня,
Вся в яблонях, плывет твоя долина.
Сапер отрыл траншею для меня,
Твои цветы засыпав, Украина!

Нет, не тиха украинская ночь!
Она дрожит, она к земле припала.
Я так спешил, чтоб яблоням помочь...
Трясется сад от пушечного шквала.

И чудится, что яблоня ко мне
Метнулась от пылающего тына,
К траншее руки протянув в огне,
Как девушка, чье имя Катерина.

Не блещут звезды. Воздух режет свист.
Прозрачно небо? Нет, оно незряче!
А на лицо мое скатился лист,
Упал слезою девичьей, горячей.

Довольно слез! Меня послал Урал,
Чтоб ты утерла слезы, Катерина.
Я под Уфою землю целовал,
Чтоб ты цвела, как прежде, Украина!

Чтоб яблоки склонялись на цветы,
Над нашей перепаханной траншеей,
И только ты срывала, только ты
Срывала их, от счастья хорошея;

И помнила о братьях, что помочь
Пришли тебе, и снова, в море хлеба,
Была тиха украинская ночь,
Спокойны звезды и прозрачно небо.

1943

Перевод М. Максимова

ФАТЫХ КАРИМ

(С татарского)

Дикие гуси

Голубыми небесными тропами
Из-за моря, где жили зимой,
Снова гуси летят над окопами,
По весне возвращаясь домой.

Здесь озера у нас в изобилии.
Сколько заводей в чаще лесной!
И на них распускаются лилии,
Удивляя своей белизной.

Над лугами и чащею мгlistою
Пролетая в весенние дни,
Мне в подарок стрелу шелковистую,
Дикий гусь, на лету урони.

Я возьму твое перышко серое,
В блеск весенней зари окуну,
Песню звонкую с пламенной верою
Напишу про родную страну.

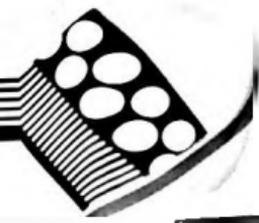
Не впервые на поле сражения,
В грозной схватке, в кровавом бою,
Мой народ, словно солнце весеннее,
Согреваешь ты душу мою.

Фатых Карим ушел на фронт в 1941 году рядовым солдатом-сапером. В армии стал офицером. Пал смертью храбрых в феврале 1945 года на подступах к Кёнигсбергу.

Пусть погибну, но песни останутся,—
В них любовь и надежда моя.
...Снова дикие гуси потянутся
Вереницей в родные края.

1942

Перевод В. Поталовой

ХАНИФ КАРИМ

(С башкирского)

Сердцу милая рена

Перед Волгою-рекою
Крепко бились мы с врагом.
Пот со лба стерев рукою,
Огляделся я кругом.

Я стоял в простой шинели
С автоматом на груди,—
Взгорья, села, сосны, ели
Впереди и позади.

Я стоял, глядел на Волгу,—
Там, вскипая, волны шли;
Слышал я сквозь ветер волглый
Голоса родной земли.

В них звучали женщин стоны,
Плач измученных детей,
Счастье сел освобожденных,
Радость родины моей.

Сколько в этих водах чистых
Материнских горьких слез!
Здесь, как мор, прошли фашисты,
Каждый гнет и гибель нес.

Край приволжский, незнакомый,
До чего ты близок мне!
Так и чудится: я дома,
Там, в башкирской стороне.

Нет, родился я далече,
Жил и рос в другом краю,
И другие слышал речи,
И другую пил струю.

Почему ж сосна любая
Здесь душе моей мила
И, приветно улыбаясь,
Волга в жизнь мою вошла?

Потому ль, что в струях этих
Ак-Идели вижу свет?
Что такой же веял ветер
Над раздольем юных лет?

Что некрасовское слово
И в Башкирию пришло?
Что в семье советской, новой,
С братом русским нам светло?

Что в груди я пламень грозный
Берегу на страх врагу?
Что такие ж ели, сосны,
Как на волжском берегу,

На моем растут Урале,
Над моей родной рекой?
Что мечты башкира стали
Братской песней дорогой?

Волга, ты — святое знамя
Нашей дружбы на века!
За тебя всю кровь отдам я,
Сердцу милая река!

Еще косится автомат
На окон черные провалы,
Еще «цивильные» дрожат
И не выходят из подвалов.

И, тишиною потрясен,
Солдат, открывший миру двери,
Не верит в день, в который он
Четыре долгих года верил.

1945

ЛЕВ КВИТКО

(С еврейского)

Свет в убежище

Я тороплюсь меж черными домами,
Проводником мне служит неба клоч.
Я захожу в убежище... Огнями
Сверкающими залит потолок.

Бывало, эти лампы не боялись
Сиять во все веселые лучи.
Как будто кубки солнца поднимались
В московской ослепительной ночи.

Теперь они запрятаны в подвалы,
Где дети спят под музыку войны...
На улице сраженья... Интервалы
Полны настороженной тишины.

Там смерть на жизнь обрушилась.
Там стоны
Насильем раздираемой земли.
Там истребительные батальоны
Бесстрашь на знаменах пронесли.

1941

Перевод Е. Благиной

Накануне

Мы много зданий возвели,
Взрастили множество стеблей,
Вспахали целину своей,
Могучи юностью своей.

Мы побеждали скорбь и зло,
Мы изучали бег планет,
И наших сыновей влекло
Постичь искусств и знаний свет.

Но бедствия ужасный ток
Возник у нас средь бела дня,
Детей объяла ночи тьма,—
То хищно смерть гналась сама
Тогда за нами на восток.

1943

Перевод А. Ахматовой

ЛЕВАРСА КВИЦИННА

(С абхазского)

Ты хлопотливо бродишь по двору
Или грустишь, лишаась покоя, мама?
Ты в полдень, перед сном и поутру
Все сына ждешь с тоскою, мама?

Счастливым, я обрел бы крепкий сон,
Когда бы знал, что ты здорова, мама,
И, если б весть принес мне почтальон,
Я ожил бы душою снова, мама.

О, знать бы, что сейчас, когда цветет
Весь мир, проходишь ты по саду, мама,
Или спокойно полешь огород,
Как сердце сына было б радо, мама!

Вот на струнах лежит твоя рука —
Под пальмой в жаркую погоду, мама,
Поешь ты... И видны издалека
Дымок и трубы парохода, мама.

Леварса Квицинна погиб в самом начале Великой Отечественной войны, сражаясь на границе, в районе Белостока, в составе пограничного отряда.

Целя ли витина посреди двора,
Где мы сидели каждый вечер, мама?
А китарис близ дома? Все ль с утра
С ним спорит говорливый ветер, мама?

Безмяни — с портрета в комнате моей
Твоей сын по-прежнему смеется, мама...
Ты не горюй о нем и слез не лей —
С победой он к тебе вернется, мама!

1941

Перевод Б. Лейтли

ИБРАГИМ КЕБИРЛИ

(С азербайджанского)

Старый оноп

Над Тереком, в ущельях, день за днем,
За шагом шаг, среди щербатых скал,
Сгибаясь, как разведчик под огнем,
Тебя глазами жадными искал.

И по-солдатски стал мой шаг тяжел,
Когда, почти что выбившись из сил,
Тебя, травой поросшего, нашел,
Твой полустертый профиль различил.

Руками эту землю я вскопал,
Тебя отрыл перед восходом дня,
И для накатов не нашлось ни шпал,
Ни даже ветхих бревен у меня.

По брустверу исхлестанный свинцом,
Объятый орудийной немотой,
В тот ранний час ты мог бы стать концом
Моей дороги краткой и простой.

Избыть воспоминанья не могу, —
Так пусть же не смутят они собой
Колосья в поле, травы на лугу
И облака на глади голубой.

Ты помнишь ли, как в праведном бою
Со всех сторон вставала смерть стеной
И опирался я на грудь твою —
На грудь отчизны милой и родной!

И если годы начисто сотрут,
Изгладит время твой последний след,—
Ты в сердце у меня найдешь приют
До дней кончины, до скончанья лет.

1944

Перевод А. Межирова

ДМИТРИЙ КЕДРИН

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непчатых,
И эта хлеб-соль среди стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глаза,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни: все это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

БРОНИСЛАВ КЕЖУН

Васильки

Под огнем на берегу реки
Залегли усталые стрелки.
Золотая рожь сверкала рядом,
А во ржи синели васильки.

И бойцы, уже не слыша гуда
И не ощущая духоты,
Словно на невиданное чудо,
Радостно смотрели на цветы.

Синевой небесной, нестерпимой,
Полыхая, словно огоньки,
Как глаза детей, глаза любимых,
На бойцов глядели васильки.

Через миг, усталость пересилив,
Вновь пошла в атаку цепь стрелков.
Им казалось: то глядит Россия
Синими глазами васильков.

1944

В парламенте

Был город взят. С гвардейцами-орлами,
Вверх по ступенькам, через вестибюль,
Как победитель он вошел в парламент,
Где на колоннах — оспины от пуль.

Вошел — и перед ним, казалось, замер
Необозримый депутатский зал...
Пустые кресла обежав глазами,
Он ничего сначала не сказал,

А только автомат поправил быстро,
Поднялся на трибуну, прост и прям,
Как будто он, гвардеец, стал министром,—
И обратился в зал, к своим друзьям:

«Товарищи!..» И были в слове этом —
Тысячеверстный путь, зарницы битв,
И дымные февральские рассветы,
И очи матерей в слезах молитв,

И этот холод в ледяных окопах,
И кровь друзей, и ураган свинца...
Он говорил — и слушала Европа,
Мир слушал голос нашего бойца.

1948

МИРДЗА КЕМПЕ

(С латышского)

В то утро

Всю ночь метались по небу зарницы.
Не умолкал суровый грохот боя.
В то утро на военной колеснице —
На русской пушке я вернулась в Ригу.

Еще огнем охвачена была ты,
И с плеч твоих спускался дым сраженья.
Но пот успели отереть солдаты,
Кровь, за тебя пролитою, о Рига!

Я тронула орудья ствол прохладный:
Сталь честная — врагов она громила
Под Ленинградом с силой беспощадной
И гром свободы разнесла над Ригой.

Взглянули на меня артиллеристы —
Тот русский капитан с лицом бесстрашным,
Ефрейтор — украинец плечистый
И армянин, воскликнувший: «Джан! Рига!»

Они сказали: — Вот ваш дом, товарищ! —
И счастье переполнило мне сердце.
На русской пушке стоя, в мгле пожарищ
Тебя узнала я, родная Рига!

Я видела — по улицам предместий
Идут стрелков латышских батальоны.
Герои павшие, с живыми вместе,
Идут воздвигнуть будущую Ригу.

1949

Перевод Вл. Невского

АЛИМ КЕШОКОВ

(С кабардинского)

Очаг

Пожитки люди притащили:
Захватчик изгнан из села.
Домой вернуться поспешили,
Но сожжены дома дотла.

Блуждает дым по пепелищу,
Лишь очагов не виден дым...
Когда-то здесь варили пищу
И пахло здесь теплом живым.

У старика сгорела хата,
Загреб золу, потом в очаг
Горячий уголь, как когда-то,
Он положил и молвил так:

— Да, все сгорело, отпылало,
Нет крыши в этот горький час,
Но, чтобы жизнь начать сначала,
Есть пламя в очаге у нас.

1944

Перевод С. Липкина

Незавершенный портрет

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал,—
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил:
— Нарисуй меня, но, честь по чести,
Безбородым, как до фронта был.

И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.

Ранят иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

День настал — погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных...
Нет бойца, а вот рисунок цел.

Он хранится в небольшой тетради.
Это память друга моего...
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

1945

Перевод М. Петровых

СЕМЕН КИРСАНОВ

Долг

Война не вмещается в оду,
и многое в ней не для книг.
Я верю, что нужен народу
души откровенный дневник.

Но это дается не сразу, —
душа ли еще не строга? —
и часто в газетную фразу
уходит живая строка.

Куда ты уходишь? Куда ты?
Тебя я с дороги верну.
Строка отвечает: — В солдаты. —
Душа говорит: — На войну.

И эти ответы простые
меня отрезвляют вполне.
Сейчас не нужны холостые
патроны бойцу на войне.

Писать — или с полной дрожью,
какую ты вытерпел сам,
когда ковылял бездорожьем
по белорусским лесам!

Писать о потерянном? Или —
писать, чтоб, как огненный штык,
бойцы твою строчку всадили
в бою под фашистский кадык.

В дыму обожженного мира
я честно смотрю в облака.
Со мной и походная лира,
и твердая рифма штыка.

Пускай эту личную лиру
я сам оброну на пути.
Я буду к далекому миру
с солдатской винтовкой ползти.

1942

Тани «Маяковский»

Танки,
 танки,
 танки...
Здравствуй,
 наша сталь!
Под шатром знамен
 по мостовой московской
грохотал,
 и шел,
 и прогибал асфальт
грузом многих тонн
 «Владимир Маяковский».

Баса
 грозный тон
под броневую грудью.
Чувствую,
 что он,—
по взгляду,
 по орудью.
Рев
 сложился в речь:
«Товарищи!
 Я с вами!
Жив
 и горд —
 Советской родины поэт,

что, неся
на башне
боевое знамя,
двигаюсь,
как танк,
по улицам побед.
Гвардия стихов
теперь
в гвардейской части,
в ста боях прошла
тяжелая броня.
Мой читатель
броневые части
отливал в Магнитогорске
для меня.
Рифмами
детали
мне выковывая,
по эстрадам
месяц напролет
мой читатель
собирал
целковые
мне
на сталетвердый переплет...
Тыща километров.
Фронтovým зарницам
ни конца, ни края.
Орудийный гром.
Здесь я ездил прежде.
Знаю за границу.
Приходилось
глазом
мериться с врагом.
Разве мне в новинку?
Не встречался разве
с воём их газет,
со звоном прусских шпор?..
Значит,
буду бить
по гитлеровской мрази,

поднимавшие
в атаки
нас:
«Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только путаницу волос...»
Здравствуй,
танк,
советской мощи образ.
В день победы
и в другие дни
наша гордость —
это наша бодрость
и непробиваемая
твердость
выкованной
родиной
брони!

1945

АНДРЕЙ КЛЕНОВ

Берлин горит

Берлин горит...
Мне снится отчий дом...
Кружится белый пух и серый пепел...
— Открой мне, мама...—
Я давно там не был.
Стоит наш дом
На горке, за мостом...
Кто говорит, что он сгорел?
Он цел!
Он цел, он цел,
Знакомый, тот же самый...
— Не надо, мама.
Успокойся, мама...—
Кто говорит, что я осиротел?
Жива! Жива!
За домом у калин
Струится Неман вровень с небесами.
Я тот же мальчик с чистыми глазами,
И ты все та...
К чему же тут Берлин?
Берлина нет!
В ложбинке за кустом
Ночует славка,
Я принес ей крошек...
— Сядь рядом, мама.
Я тебя не брошу,
Я навсегда вернусь в отчий дом...—
Пожар в окне все шире,
Как рассвет.

На гулких плитах
Цокают копыта...
Мне хочется домой,
А дома нет.
Мне хочется к тебе —
А ты убита.

1945

ПЕТР КОБРАКОВ

Вяз

Он, как рукой,
Корявой веткой
Остановил:
«Не узнаешь?»
Я, вспомнив,
Вздрогнул,—
Здесь в разведку
Спешил с друзьями
Через рожь.
В овраге
Выстрел грянул сухо.
И я,
За вязом притаясь,
Почувствовал,
Как пуля глухо
В его коре разорвалась.
Сейчас
В стволе шершавом мета,
А вяз
Стоит, листвою звеня.
Спасибо, друг!
Ведь пуля эта
Предназначалась
Для меня.

1945

ДМИТРИЙ НОВАЛЕВ

Камень

Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,
Ты на откосе, в стороне, заметь:
Там камень есть,
Он на орла похож,
Готового куда-то улететь.
Быть может, он —
Потухший метеор,
Упавший там,
Где нету никого.
И только синим холодом озер
Скупая тундра смотрит на него.
И, не успев еще позеленеть,
Валяется в торфянике сыром
Задымленная гильзовая медь.
И слышится еще недалёкий гром.
Моряк безвестный
В боевом пути,
Который год не видя милых глаз,
На этом камне «Маша» начертил,
Когда пошел в сраженье в первый раз.
Кто скажет нам:
Он жив или убит?
Известно только:
Там, где, одинокий,
Заветный камень над водой стоит,
Враг ни на шаг продвинуться не смог.
Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,

Пускай откос напомнит о былом :
Высокий камень
На орла похож
С могучим
Чуть приподнятым крылом.

1943

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

Олень

Приснился мне олень,
В гранит копытом бьющий,
Как облачная тень,
Стремительно бегущий,
Летящий сквозь снега
Над черными горами
В зеленые луга
За синими морями.

Карелия моя —
Камней шары и кубы,
Озерные края,
Рябиновые губы!

Бежит олень, летит
С бубенчиком на шее,
Следы его копыт —
Воронки и траншеи
На просеках лесных,
В трупцобах непролазных,
В болотах торфяных,
На мхах лилово-красных.

Там солнце на луну,
На камбалу похоже;
Там снится валуну
Давно одно и то же:
Прибрежных скал свинец,
Багульник да морошка.

Обрыв. Всему конец.
Последняя дорожка...

Ни кровли, ни куста
У пристани дощатой...
Знакомые места,
Я здесь бывал когда-то.
Еще следы видны,
И волны их не смыли.
Здесь в первый день войны
Оленя застрелили.

Холодный север мой —
Янтарь зрачков совиных;
Над сказочной землей
Свист крыльев лебединых.

1945

Снегирь

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый Снегирь?

Г. Р. Державин. «Снегирь»

Клубы дыма, танки, самолеты,
Сломанные надвое мосты,
Конские хвосты, штыки пехоты,
Взрывов желто-красные кусты,
Людоед бежит во все лопатки,
Снайпер с елки целится в него,
Войско чужестранцев в беспорядке.
Солнце видит наше торжество...
Вот что нарисовано в тетрадке
У мальчишки — сына моего.

Говорю: — Рисунок сделан смело,
Только что ж бумагу тратить зря?
Кончен бой, сраженье отгремело,
Ты изобразил бы снегиря.

Или, скажем, лодку, рыболова,
Разные деревья и цветы...
Мало ли хорошего, такого,
Что видал и что запомнил ты!

Но художник явно не согласен —
Смотрит вбок, вздыхает тяжело:
— Что там рисовать скворца иль ясець,
То ли дело — сабля наголо.

Лодку, — говорит, — я нарисую.
С парусом, чтоб плыть в далекий край.
С пушками зенитными, такую,
На которой спасся бы Чапай.

— Я пойду гулять...
— Ну что ж, ступай...—
Наперед известно по программе,
Что наследник явится домой
Весь в песке, с известкой под ногтями,
С круглою медалью жестяной.

Тут пойдет обычная беседа:
— Кто пустил стрелу в окно соседа?
— Кем и чем губа рассечена?
— Почему опять была война?

Вымоют мальчишку, спать уложат,
Скажут, улыбаясь: — Вот беда,
Каждый вечер все одно и то же,
С девочкой спокойнее куда...

И возникнет дальней песни эхо —
«Нас не трогай», и приснится ширь.
Где сидит на придорожной вехе
Заревой суворовский снегирь.

ПАВЕЛ КОГАН

Из недописанной главы

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как влопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,

Павел Коган, возглавлявший поиск разведчиков, был убит под Новороссийском 23 сентября 1942 года.

Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!

.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,—
Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю...

1940—1941

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.

.
И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.

Апрель 1941 г.

Женат полковник и, наверное,
Не знает он, лихой в бою,
Что хороню я нынче первую
Любовь мою.

1943

ЯКУБ КОЛАС

(С белорусского)

На разоренной земле

Земля моих предков — в тумане густом,
Он черной повис пеленою:
То раны дымятся на теле родном,
Истерзанном дикой ордою.

В развалинах, в прахе лежат города,
А села — одни пепелища,
Где ветер гуляет и стонет беда
В разрушенных, скорбных жилищах.

Смерть бродит по краю. В полях и лесах
Могилы все гуще и гуще...
Вот всхлипнули реки, как вдовы в слезах,
Заря потускнела над пущей.

...Здесь все так знакомо: реки поворот
И голые сучья березы...
Кто горе измерит, кто слезы сочтет,
Сиротские, горькие слезы!

Земля моих предков! В неволе глухой
Ты смертную муку узнала.
Проклятье бандитам, всей нечисти той,
Что славу разбоем снискала.

Земля, расступись, отомсти, покарай
За раны свои и мученья,
Сынов своих верных зови, поднимай
На правое дело отмщенья.

Пускай сатанеет и рвется вперед
Фашистская, черная сила, —
Я верю, я знаю, конец ее ждет
В земле моих предков — могила.

1942

Перевод Е. Мозолькова

Лесам Белоруссии

Мне смолоду любви леса —
Таинственный шорох в зеленых хоромах,
Косматые дебри, а в них буреломы,
Где вихри кружились и рушились громы,
Где ливнем хлестала гроза.

Учил меня лес понимать
Великие песни и думы природы,
Весенних пернатых пиры, хороводы,
Криниц потаенных прозрачные воды,
Рожденных, чтоб край умыть.

Ой, лес, белорусский наш лес!
Я песен сложил о красе твоей много,
И в мир сквозь тебя мне лежала дорога,
Ты нянчил меня, но и в старости строгой
Даруешь не меньше чудес.

Тебя я от сердца пою.
Прими же спасибо за добрые встречи,
За тихие думы, за ясные речи,
Что ты напевал мне, прекрасен и вечен, —
Спасибо за ласку твою!

Хвалу тебе все воздают:
И в мирные годы, и в годы лихие
Кормили, хранили нас чащи лесные,
Давали нам щедро стволы смоляные,
И мед вересковый, и трут.

Гляжу на отеческий край:
Промчались здесь смерчи, кровавые грозы,
Ломая дубы, как иссохшие лозы,
Пошли под топор и ольха и береза,
Что сникло в огне,— не пытай.

Изранена тяжко земля,
Война, как косарь, намахалась косою,
Омыла дороги смертельной росой,
На нивах раскинулась тенью ночью,
Леса потрясла до комля.

Родимые пущи мои!
Как вы поредели от битвы тяжелой.
Ах, сколько полян обожженных и голых,
Где свищет лишь ветер — бродяга веселый —
Шальные напевы свои!..

Пора уж и вам отдохнуть,
Покрыться одеждой сияющей, свежей,—
Пусть гром топоров пробуждает вас реже
И пилы стальные напрасно не режут,
Чтоб вновь вы расправили груди!

Я грежу теперь об одном:
Немало сокровищ землю хранится,—
Даст глины она на кирпич, черепицы,
Из камня мы выстроим школы, больницы,
Из камня дома возведем.

А вас, наши друзья — леса,
Мы будем отныне беречь неустанно,
Засадим овраги, пески и поляны,
Заботливо вылечим все ваши раны,
Где смерти гуляла коса.

Пускай осенит вас покой,
Чтоб вновь вы простерли зеленые крылья.
Могучей и гордой набрались силы
И снова над нашим отечеством милым
Блестали бессмертной красой.

ОСИП КОЛЫЧЕВ

Соловьи

Два соловья поют в лесу,
Зарю малиновую встретив.
По капле солнце пьет росу,
И песню начинает третий.
За оборотом оборот...

Замаскированные в листья,
Сегодня не пройдут вперед
Фашистские мотоциклисты.
Они сегодня лягут в топь,
В лесную ржавчину и сырость.

Гремит стремительная дробь,
Под небом Украины ширясь.
Так звонок голос одного
Над потаенною тропинкой,
Как будто в горле у него
Серебряная есть дробинка.
Другие вторят вперекат
На всем просторе поднебесья...

В тылу фашистов, в чернолесье,
Три партизана говорят.

1941

МИХАИЛ КОЛЬЧУГИН

Тула — родина моя

(На поэмы)

В мае русские солдаты
Взяли с боем перевал
И на склонах гор, в Карпатах
Свой устроили привал.

Может, место здесь такое,
Может, не растаял дым.
Все внизу, как на приколе
И облито голубым.

И туляк, на речи ловкий,
Поглядел на перевал:
— С нашей тульской винтовкой
Здесь Суворов воевал.

Тулой родина гордится,
Сила Тулы не мала.
Ведь недаром же столица
Нас в помощники взяла.

Немцы шли с боями к Туле,
Но сломить ли город тот,
Где в самих названьях улиц
Дух оружия живет?

В старину еще на Дробной
Дробь катали старики,
Ружья пробовать на Пробной
Собирались у реки...

Дула делали на Дульной,
На Штыковой — крепкий штык.
Я в своей рабочей Туле
К каждой улице привык.

Дочка с мужем — на Курковой,
С Арсенальной взял жену,
Друг-приятель — на Ложевой,
На Замочной — сам живу.

...Впереди, как бы заснула,
В синей дымке, чуть видна,
Будто в море затонула
Незнакомая страна.

— Да, — вздохнул туляк, — не скрою,
Заскучал по дому я.
Это так. Но все ж со мною
Тула — родина моя.

К Туле мне теперь дорога
Подходящая, с руки.
До Берлина — ходу много,
От Берлина — пустяки!

В Туле после всех сражений
Веет мирный ветерок,
Он овеял цех ружейный,
К нам вошел через порог.

Там в Упу опять упали
Молодые облака... —
И солдаты понимали
Все волнение туляка.

Вот как будто в час урочный
Он с войны идет домой.
Тополя по всей Замочной
Аплодируют листвою.

ПЕТР КОМАРОВ

Аэроград

Сосну на диком пустыре
Да три палатки на увале
Мы не напрасно в сентябре
Аэроградом называли.

Обозначая первый шаг
И первый час Аэрограда,
К сосне прибила красный флаг
Рабочих первая бригада.

Он был началом всех начал,
Напоминал о нашей славе,
Недосыпали по ночам,
Как на передовой заставе.

А если кто вздремнет, пока
Не подоспел бригадный ужин,—
За неимением гудка
Он будет птицами разбужен.

Сама земля за нас была,
Сама тайга с ее величием
Нас подгоняла, и звала,
И торопила криком птичьим.

Нам было мешкать не резон,
Пока враги в краю родимом,
Пока зеленый горизонт
Еще объят огнем и дымом.

За полотняным городком
Мы воздвигали кровли цеха,
И скоро утренним гудком
Встречало нас лесное эхо.

Деревья рушились, и вот —
Ни пустыря, ни сосен старых.
Стоят, готовые в полет,
Бомбардировщики в ангарах.

Уже сегодня над тобой
Они прошли в строю орлином.
Аэроград выходит в бой
С надменным городом Берлином!..

Нет, не напрасно в сентябре
Аэроградом называли
Мы три палатки на увале,
Сосну на диком пустыре...

1942

Сунгарийские болота

Ты вниз поглядел из окна самолета —
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.

Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота,—
А как же пехота все это прошла?..

1945

МАРИЯ КОМИССАРОВА

Полыхает, полыхает
Над просторами война.
Провожает, провожает
Мужа в армию жена.

Сшила теплую фуфайку,
Сшила варежки ему,
Обернула ноги в байку
Дорогому своему.

И кисет с тоской сердечной
Подала ему в слезах,
Донесла мешок заплечный
До состава на путях.

Эшелон пошел на запад,
А жена пошла домой,
Дома — дети, надо стряпать
И везде успеть одной.

Крепче стойте, бабьи ноги,
Не ломись от горя, грудь,—
И забот и дела много,
После можно отдохнуть.

Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко!
И жена, вздохнув от боли
Тяжело и глубоко,

Вытрет слезы и шагает.
Вот пришла домой — одна...
Дни и ночи полыхает
Над просторами война!

1942

Взор ее синий разгорячен.
Но, полон восторженного аскетизма,
Прогулок
я ей не прощал ни по чем!
И в голосе —
«не отлучаться ночами!» —
Гремела командирская медь.
В ответ —
презрительное молчанье.
Ведь ей все едино —
лететь.
Отчитывал.
И у машины ребята,
Простое веселье свое гася,
Смолкали смущенно и виновато
И в сторону отводили глаза...
Когда мы прыгнули,
когда нас предали,
Когда — не выскользнешь из кольца,
Она, одна, во тьме неведомой,
Она
отстреливалась до конца.
Когда закричали,
когда застрочили,
Уже в лицо ей картаво сипя,
Она, как в спецшколе ее учили,
Пулю —
В рацию,
Пулю —
В себя!..
Плывут облака, исчезая в безбрежность
Плывут и года, уже далеки.
И спать не дает мне
горькая нежность.
И где-то живут ее старики.
И, всю дисциплину сейчас отвергая,
Мне хочется крикнуть, года перевозмочь:
— В обнимку пойдя, поброди,
дорогая!
Ступай,
догуляй свою первую ночь!

ГРИГОРИЙ КОРИН

Новороссийский вокзал, 1943 г.

Сорок пульманов с пломбами
На вокзале ночном.
Сорок пульманов с бомбами
Заметает дождем.

Мы лежим под вагонами —
Караул из двоих.
Под молчащими тоннами
Ждем диверсий ночных.

Сорок пульманов с пломбами,
И собачья пора...
Сорок пульманов с бомбами
В ночь взорвали вчера.

Автоматы заряжены.
Он — устал,
Я — устал.
Чуть отстанешь — и кажется,
Шевельнулся состав.

Папиросы потушены
Подвагонным дождем.
Мы по шпалам разрушенным
Друг за другом ползем.

БОРИС КОСТРОВ

После боя

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит, стоя, старшина.

Шепчу: — Товарищ, ты бы лег
И отдохнул, солдат!
Ты накормил, как только мог,
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метет метель. И не найдешь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цены.
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад.

1943

Борис Костров 11 марта 1945 года смертельно ранен в Восточной Пруссии, похоронен в г. Крейцбурге, на центральной площади.

БОРИС КОТОВ

В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остается рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.

Войны слева, и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит,
Я завидую ныне Шурке,
Что в Донбассе ведет бои.

28 августа 1943 г.

Борис Котов погиб 29 сентября 1943 года в бою на днепровском плацдарме. Сержанту Борису Александровичу Котову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ПЕТРЯ КРУЧЕНЮК

(С молдавского)

Каждого, как мать, расцеловала
Ты в тот день нас, встретив за селом,
Молоком и хлебом угощала,
Плача все о чем-то о своем...

— Где-то сын мой, где-то мой Костак —
Весточки четвертый год не шлет!
— Мать, не плачь... Бывает в жизни всяко...
Может, он Берлин сейчас берет, —

Я сказал. Она не удивилась.
Руку сжав сильней в своей руке...
И не знаю, чья слеза скатилась
Вдоль по шраму на моей щеке.

1945

Перевод В. Бугаевского

ДАВИД НУГУЛЬТИНОВ

(С калмыцкого)

Высота

Николаю Санджиеву

Взять высоту был дан приказ:
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пулей в легком наземь пал.
Под Сарпами то было с нами.

Сознание на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: «Вероятно,
Обрызган кровью, здесь, в бою
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь втолкнуть обратно!»

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух, —
Они на кровь мою садились...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лилась, и я не знал, куда
Тянуться помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,
Облизывал я корку губ;
И вдруг, в стеблях, со мною рядом

В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

1945

Перевод В. Луговского

САЙФИ НУДАШ

(С башкирского)

Опички

Бойцы курили. Пели. Вспоминали громко
Сегодняшний горячий и победный бой.
Один из них сидел, задумавшись, в сторонке,
Коробку спичек он держал перед собой.

Привет из солнечной Башкирии!.. Коробка
С обычной наклейкой, надпись в уголке...
Боец, от нас украдкой, пламенно и робко
Поднес ее к губам и крепко сжал в руке.

Родные спички!.. Все, что дорого в разлуке,
Бойцу-башкирину напомнили они:
И материнские заботливые руки,
И очага родного теплые огни.

По рытвинам дорог, через снега и воды,
В слепящую метель и в пламенный мороз,
В честь родины своей, в честь своего народа
В походе доблестном он спички те пронес.

Он их достал вчера. И тратит их недаром:
В украинском селе, преследуя врага,
Он чьей-то матери, больной, иззябшей, старой,
Вернул тепло ее родного очага.

1942

Перевод Е. Шумской

АНАТОЛИЙ КУДРЕЙКО

Запасный полк

Расквартированный на лето,
где ели сшиблись в тесноте,
полк поднимался до рассвета,
а спать ложился в темноте.

Свое он помнил назначенье —
фронт управлял его судьбой.
Поход, на местности ученье
чередовал он со стрельбой...

Но это — дела половина!
Нужны траншеи в полный рост, —
берешь кирку: земля не глина,
а камень, брат, не так-то прост!

Скалистый пласт искрит под ломом,
рубашка сохнет на траве,
удар наносишь по изломам —
он отдается в голове...

Но это — дела половина!
На лесопилке склад пустой,
берешь пилу, а лес — машина,
кондовый спелый древостой!

Такое дерево повалишь,
что обнимаешь ствол вдвоем,
но ты ругаешь, а не хвалишь
его в усердии своем...

Но это — дела половина!
Хлеб осыпается в полях, —
берешь косу, покос — лавина
и на тебя идет впотьмах!

Росой униженный шиповник
шумит у леса под луной, —
не отличил бы и полковник
овса от пыли водяной...

Косить все горше без рубахи —
свет блещет резко, как стекло...
А хлеб такой, что только взмахи
видны идущему в село.

На горизонте гаснут скалы,
стекает с них последний блеск,
и косы на плечах усталых
уносит полк в еловый лес.

И та дорожка полевая,
которой в сумерки брести,
стремится в сердце, как живая,
навек место обрести.

Ты самой долгою любовью
преисполняешься к земле,
где камень ставишь в изголовье
и спишь под елями в тепле.

Не высыхает пот соленый
в той академии наук,
куда под твой шатер зеленый
не залетает с фронта звук...

Но это — дела половина!
Другая в тыщи раз трудней —
дойти до самого Берлина
с пехотной выкладкой своей!

ВАСИЛИЙ КУЛЕМИН

Родина

Все, что изведано, пройдено
С горечью в сердце иль с песнею, —
Все это родина, родина,
Родина наша чудесная.

Как не любить эти пажити,
Как не любить это поле нам!
Их красотой, мне кажется,
Русское сердце наполнено.

Сосны с березами клонятся,
Ягодный запах мне чудится —
Все это долго мне помнится
И никогда не забудется.

Детство, прогулки далекие.
Где-то гармошка напевная,
Игры... и та синеокая, —
Милая, нежная, первая.

Тропки лесистые, узкие,
Вскрики испуганной горлинки...
Как не гордиться, что русский я,
Русскою матерью вскормленный.

В пепле дорога тернистая,
Даль неприглядная, тусклая.
Трудно держаться, но выстою!
Почва поможет мне русская.

Вихри свинцовые кружатся,
Но на врага иду смело я.
Родина! Ты — мое мужество,
Жизнь и судьба неизменная.

Сентябрь 1943 г.

Остаться одни не желают,
Шепчут горестно книжки:
— Нас немцы в костер побросают.
Конь искусной работы —
Гнедой, на колесах отличных —
Мне сказал: — На кого ты
Покидаешь нас, горемычных?
Забери ты меня, пожалей,
А не то мне кончина...
Разве я от окна до дверей,
От дверей до окна не возил тебе сына?
Как война началась,
Ты, хозяин, в селе находился
И лишь только сегодня
Оттуда к семье возвратился.
А хозяйка вчера
Малышей собрала
И уехала вскоре.
А меня она с горя
С собой на вокзал не взяла.
Не хотел оставлять меня сын,
Дом родной покидая,
Не желал он, чтоб жил я один,
Ни за что пропадая.
«Мы поедем с тобою в район,
Купим снова коня гнедого», —
Так хозяйка сказала, и он
Согласился.
Со мной распростился.
Для чего ему новый?
Не надо, хозяин, не надо!
К сыну вместе пойдем мы
Одною дорогою, рядом.
А устанешь в ходьбе —
Подвезу, потружусь, не оставлю.
Верно сыну служил и тебе
Послужу, не слукавлю...

Кукла так мне сказала:
— И я на вокзал не попала...
Сто ночей, может быть,
Я покоя не знала,
Глаз не смея закрыть,

Сон дочурки твоей охраняла.—
Разве этого мало?
Дай же руку, хозяин, не жди,
Не раздумывай на пороге
И меня проводи,
Словно дочку свою, по дороге.
Тяжко детям идти,
Утомляет дорога большая,
Я ж пойду, куда хочешь, с тобою,—
Ведь я не живая.
Просят малые есть либо пить,
Пыль сухая им рот забивает,
Я ж не буду просить,—
Я ведь кукла, ведь я не живая.
Самолеты с чужой стороны
Налетают, детей убивая.
Мне ж они не страшны,
Не опасны, — ведь я не живая...
Отдохнуть пожелаешь, прилечь,
Ляжешь в тень под сосною,—
Сон твой зорко я буду стеречь,
На мгновение глаз не закрою...

Все кругом осмотрев понемногу
В опустевшем жилище,
Захватил я лишь ложку в дорогу,
Заткнув ее за голенище.
Ни того, ни другого, ни третьего
Для похода не надобно было...

Чем меня моя улица встретила,
Что на улице происходило?

С ней мы жили в согласье,
Мы были почти что друзьями,
Я не раз ширину и длину ее
Мерил шагами.
Шаг мой слыша,
Она отвечала мне эхом знакомым,
Приглашая в девятый подъезд
Коммунального дома.
Я глядел, как в окне
Огонечек приветливый светит

И как там, в тишине,
Собираются спать мои дети...
А теперь она стала
Длиннее и уже намного,
Как в минуты обвала
Средь горных ущелий дорога.
Не в домах огоньки,
Как бывало, мелькают, играют,
А пожаров сплошных языки
Сладкий липовый лист пожирают.
И узнать я не мог
Этой улицы лип и каштанов:
Эхo тысячи ног
Оглушило мне уши нежданно;
Подхватило меня мое горе,
Желанья, тревоги,
По стеклу по разбитому, в поле
Понесло мои ноги.

Как листок, что оторван
Грозою от ветки родимой,
Город свой покидал я,
Свинцом и пожаром гонимый.
И, к походам меня приучая —
Их будет немало, —
Долго улина, долго родная,
Мой путь в темноте озаряла.
И на белом листке,
В свете зарев, с печалью на сердце,
Я записываю в дневнике
День и час — страшный час ее смерти.
Свой дневник до последней строки
Посвящаю я тем, безымянным,
Что лежат без ноги, без руки,
Без дыханья лежат под каштаном.
А тебе я скажу,
Нашей улице Ново-Московской,
Что с друзьями на фронт ухожу,
Где сражается красное войско.
Стерли всю тебя немцы,
Но память стереть невозможно.
И стучится, стучится мне в сердце
Твой пепел тревожный.

Я тебе обещаю,
Родным пепелищем клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь.
Я вернусь. Я вернусь.

2

Что меня полевые дороги
Ведут — я не верю,
Что по ним мои быстрые ноги
Идут — я не верю.
Я не верю ногам и дорогам,
Бесконечным, далеким,
Что ведут нас то полем, то логом
Под солнцем высоким.
Я не верю, что это минчане,
Что это минчанам
Молоко предлагают крестьяне
И поят их чаем...
Не свожу с самолетов я глаз
И не верю — ужель самолеты?
Неужели же снова сейчас
Застрочат пулеметы?
Разве можно поверить, когда
Сердце рвется на части?
Разве дети, что вышли сюда,—
Регулярные части?
Что меня от разбойничьих пуль
Старый дуб заслоняет,—
Я не верю...

.

Военный патруль
Документы мои проверяет.

Тихо вышел патрульный из жита.
— Минский будешь? — спросил деловито.
— Да, из Минска, признайся.
— Призываться идешь?
— Призываться.
— Почему ты, приятель,
В минском военкомате

Не призывался?
— Его разбомбили...—

Меня пропустили.
Здесь повсюду окопы видны.
Блиндажи — по четыре наката.
Тороплюсь я...

А вот и они —
Местечковые хаты.
Тишина по дворам,
Настежь окна.
Крест-накрест заклеены стекла.
Смотрят жители: дескать, и нам
Не пора ли
В далекие дали?..
И людей, что идут по дороге,
Провожают глазами в тревоге.

Хата. Хата.
Еще одна хата.
Вот и вывеска военкомата...
— Как фамилия?
— Рыбка.
— А звать как?
— Алесем.
— Год рождения? — шибко
Записывал писарь.
— Профессия?..

Стал я сразу степенным,
Иным от подошв до пилотки —
Человеком военным, —
Былой не узнаешь походки.
А из штатских пожитков своих
Взял я самую малость:
Взял, во-первых, часы, сапоги, во-вторых,
Ну, и ложка со мною осталась.
Ложка будет нужна на войне
Для борща и для каши,
Сапоги ж пригодятся вдвойне —
И в бою, и на марше.
А часы? Про часы говорят,
Что счастливыцы о них забывают,

Что они на часы не глядят,
Что и так хорошо им бывает.
Я ж затем их забрал,
Что другое мне встретится, знаю,—
Я счастливец таким не бывал,
Да и быть не желаю.
Не желаю я доли такой
В эти дни, когда горе
Разлилося кровавой рекой,
Разлилося от моря до моря.
Я с часами отправлюсь в поход
Через топи и гати,
И отмечу я — время придет!
Час победы на их циферблате!

Где-то слышится грохот орудий.
Где-то начался бой,
Мы идем.
Вызывает Зарудный —
Комиссар полковой.
В этот день комиссар поручил
Мне бригадное знамя,
Чтобы с честью его я хранил,
В битвах страха не зная.

3

Нам к востоку закрыты дороги,
И нету подмоги,
Путь на юг и на север отрезан
Огнем и железом.
Мы на месте на прежнем стоим,
И одно есть решенье:
Иль с боями пробиться к своим,
Или с честью погибнуть в сраженье.
Мы решили шоссе оседлать
И засели в местечке.
Я хотел бы, но как описать
Бой за взгорок, за речку?
Не опишешь, как, сталью изрыта,
Земля грохотала;
Как по семь «мессершмиттов»
На каждую ель налетало:

Не призывался?
— Его разбомбили...—

Меня пропустили.
Здесь повсюду окопы видны.
Блиндажи — по четыре наката.
Тороплюсь я...

А вот и они —
Местечковые хаты.
Тишина по дворам,
Настежь окна.
Крест-накрест заклеены стекла.
Смотрят жители: дескать, и нам
Не пора ли
В далекие дали?..
И людей, что идут по дороге,
Провожают глазами в тревоге.

Хата. Хата.
Еще одна хата.
Вот и вывеска военкомата...
— Как фамилия?
— Рыбка.
— А звать как?
— Алесем.
— Год рождения? — шибко
Записывал писарь.
— Профессия?..

Стал я сразу степенным,
Иным от подошв до пилотки —
Человеком военным, —
Былой не узнаешь походки.
А из штатских пожитков своих
Взял я самую малость:
Взял, во-первых, часы, сапоги, во-вторых,
Ну, и ложка со мною осталась.
Ложка будет нужна на войне
Для борща и для каши,
Сапоги ж пригодятся вдвойне —
И в бою, и на марше.
А часы? Про часы говорят,
Что счастливыцы о них забывают,

Что они на часы не глядят,
Что и так хорошо им бывает.
Я ж затем их забрал,
Что другое мне встретится, знаю, —
Я счастливец таким не бывал,
Да и быть не желаю.
Не желаю я доли такой
В эти дни, когда горе
Разлилося кровавой рекой,
Разлилося от моря до моря.
Я с часами отправлюсь в поход
Через топи и гати,
И отмечу я — время придет!
Час победы на их циферблате!

Где-то слышится грохот орудий.
Где-то начался бой,
Мы идем.
Вызывает Зарудный —
Комиссар полковой.
В этот день комиссар поручил
Мне бригадное знамя,
Чтобы с честью его я хранил,
В битвах страха не зная.

3

Нам к востоку закрыты дороги,
И нету подмоги,
Путь на юг и на север отрезан
Огнем и железом.
Мы на месте на прежнем стоим,
И одно есть решенье:
Иль с боями пробиться к своим,
Или с честью погибнуть в сраженье.
Мы решили шоссе оседлать
И засели в местечке.
Я хотел бы, но как описать
Бой за взгорок, за речку?
Не опищешь, как, сталью изрыта,
Земля грохотала;
Как по семь «мессершмиттов»
На каждую ель налетало:

Как редели ряды —
Наши роты, полки и отряды,
Как не стало начштаба,
Потом командира бригады;
Как склонили мы знамя
Над ними в тот час многотрудный
И как принял команду над нами
Товарищ Зарудный.

.
Не опишешь, не выскажешь — слов
Мне для этого мало, —
Как патронов у наших бойцов,
Как снарядов не стало.
Может быть, бесполезно писать
Мне в такое мгновенье?
Срок настал...

Надо знамя спасать,
Не оставляю его на глумленье!

С древка знамя срываю,
На улицу выбегаю.
Тихо стало на улице,
Тихо.
Что за лихо?
Пулеметчик убитый лежит
За своим пулеметом,
Словно смотрит и слушает: кто там,
Гремя сапогами, бежит?
Я к нему подбегаю, —
Он честно стоял до конца.
Пулеметная лента — пустая,
Другой не нашлось у бойца.
— Знамя вынес?.. Храни... —
Мне глаза его говорили. —
Честь погибших не урони,
Мы в боях ее заслужили... —
Я бегу. Вот и пушка за садом —
Искорежена вражьем снарядом,
А рядом
Танк немецкий — пылает машина!
Как видно,
Был меткий удар.

Возле пушки лежит недвижимо
Полковой комиссар.
Я хватаю его за плечи,
Тормошу я его рукою...
От него недалеко
Наводчик засыпан землею.
Я к тому. Окликаю.
Наводчик встает запыленный
И, глаза протирая:
— Ты кто? — говорит удивленно.
— Свой, не видишь?.. —
Вдвоем
Легче будет идти и верней.

Мы идем,
Комиссара несем
На шинели моей.
Мы идем, в конопле незаметны,
Бежит за минутой минута...
Мне навеки запомнится это
Суровое утро
И холодная стежка моя.
Останавливаемся у ручья,
Он течет через поле в густом лозняке,
По краям его встали березы.
Что нам делать? Гляжу я в тоске
На дороги, войска и обозы:
Немцы всюду, везде,
Нет нам выхода боле,
Поле вряд ли поможет в беде,
Потому что запахано поле...
Что ж, ручей, выручай,
Уведи нас далёко-далёко
И кустами плотней закрывай
От немецкого ока!
Мы несем комиссара, и ты
Сделай так, чтоб он выжил,
Чтобы чаще стояли кусты,
Чтоб росли они гуще и выше.
Помоги нам его донести,
Поспособствуй, где можно;
Встретишь вражеский пост на пути —
Обогни осторожно.

Знамя нашей бригады с собой
Я несу. Знамя чести и славы.
Доведи ж нас до леса, укрой
От беды, от расправы.

.

Точит камешки, роет пески
Неумолчно ручей беззаботный.
Тихо хлопают сапоги
По воде по холодной.

Безыменный ручей нас привел
В глушь, в лесное затишье.

Из густого тумана на холм
Мы взбираемся выше и выше.
Комиссар наш в сознание пришел.

•Выжил, — думаю, —

Выжил...•

Из травы мы постель ему стлали,
Рану бережно перевязали,
И больного водою холодной
Напоил я из фляги походной.
Тут гадать мы не будем —
Рад ли он, что мы были с ним рядом,
Понял, нет ли, что мы — это люди
Из его же бригады.

Я в глазах не увидел ответа, —
Он тотчас же закрыл их от света,
И, быть может, закрыл потому,
Что забыться хотелось ему.

Тихо сосны и ели
Над землею шумели;
Не свистели немецкие пули...
Мы с ним рядом уснули.

4

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой,
Возле озера, в чаще глубокой,
От селений далеко.
К тем селеньям знакомым

От жилья лесникова
Шли, конечно, дороги лесные,
Дороги глухие.
Заросли они серыми мхами,
Кустами, грибами,
Заросли, потому что лесник
Колесить по кустам не привык:
Он лишь ради базарного дня
Запрягал порою коня,
Чаще ж он по делам неотложным,
По служебным делам всевозможным
Отправлялся дорогой иною —
На лодке водою.

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой.
Тут-то мы комиссара больного
Положили у хаты сосновой.
Нам воды было нужно,
А фляга — пустая,
И хозяйка сказала радушно,
Березовый сок подавая:
— Пейте, милые, сколько хотите,
А товарища в хату несите...

Острых кос восемь штук
Лесниково скрывало застрешье.
Разве ж он для своих только рук
Столько их понавешал?
Мы с хозяином косим,
Но об этом не спросим...
Пять сынов или восемь
У хозяина было? Не знаем
И допытываться не желаем.
Мы об этом не спросим его,
Потому что не видим ни одного,
Потому что, придут ли с войны
Лесниковы сыны,
Мы не знаем
И тревожить его не желаем.
Видит наши мозоли лесник,
Лица в каплях обильного пота,
И уж знает старик:

Мы от сельской отвыкли работы.
Молча день мы проводим в труде,
Свищут косы стальные.
Как мы жили и где
И посты занимали какие?
Он об этих не спросит делах,
Ждать не станет ответа, —
Знает так, что на прежних местах
Нас теперь уже нету.

Окликающая озерные дали,
Кукушки с утра куковали,
Будто клены, березы считали,
Комиссару здоровья желали.
Комиссар понимал, улыбался,
Слушал их,
Поправлялся.

С комиссаром у нас
Молчаливый, нерадостный сговор:
Заведем мы беседу подчас —
О бригаде ж ни слова.
Так семья замолкает порою
Об умершем сыне или брате, —
Долго имя его дорогое
Не произносится в хате.
Да и незачем боль растравлять:
Похоронен родной и не встанет,
Раны не к чему посыпать
Горькой солью воспоминаний.
Прочь мы гоним воспоминанья,
Прочь незваный, непрошенный гоним,
Потому что у нас не один,
Не один человек похоронен.
Кто об этом сказал?
Мы не верим в рассказы такие,
И лишь только закроем глаза —
Вновь стоят, как живые,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные
Молодцы,
Побратимы,
Бойцы.

Нет, забыться от горьких тревог
Было нам не под силу.
Удержаться Зарудный не мог,
И про знамя спросил он:
— Цело знамя иль нет?
— Цело... С нами оно... — говорю я.
— Покажи... —
Что придумать в ответ?
Показал и себя же корю я.
Развернули мы стяг боевой —
Яркий, гордый и в горе.
Посмотрел он, потрогал рукой
Это знамя, нам всем дорогое.
Еле-еле слезу удержал,
Слабый, хворый, привстал на постели.
— Выноси! — мне чуть слышно сказал. —
Без меня... —
Мы, потупясь, сидели.
И, смущение наше заметив,
Он отрезал сурово:
— Не привык я на ветер
Бросать свое слово.
Собирайтесь! Сегодня ж
Пойдете в поход... —
Всех он на ноги поднял.
К сундукам нас хозяйка ведет,
Достает нам дорожные вещи,
Словно мать, сыновей собирает.
Вижу, куртку мой друг примеряет
На широкие плечи.
Может статья, сыновний рабочий
Костюм лесничиха дарила.
А куда мы идем среди ночи,
Она не спросила.
Чье же все это? Чье?
Не сказала Прасковья.
Кто носил — не спросил у нее.
Не спросил про сынов я.

Документы прежние спрятаны
За подкладкой, под ватую,
Там же знамя зашито... Пора

Уходить со двора.
Слышны стоны больного —
В бреду комиссар.
«Разве можно оставить такого? —
Печально звенит самовар. —
Ваша спешка его доконала.
Смотрите,
Что сделалось с ним...»
Утром хуже Зарудному стало.
Мы сидим и молчим.

Дни прошли, миновали,
Кукушки откуковали.
Мы в просторные лодки входили,
И плыли, и плыли.
В даях синих и розовых
Тучки сходятся стайками.
Был закат. Через озеро
Проводил нас хозяин с хозяйкою.
Тихий лес подымался стеной
Над извилистыми берегами.
Комиссар полковой
Был теперь между нами.
Мы его подождали,
И этому рад он душою.
Вот и лодки пристали,
На берег выходим гурьбою.
Всех подряд обняла нас Прасковья,
И губы ее задрожали.
— Как родимых сынов, я,
Товарищи, вас провожаю...
— Брось ты плакать, старуха, —
Лесник уговаривал глухо, —
Брось, не надо... — А сам
Он проводит рукой по глазам.
Распрощались с нами.
Пошли. Сели в лодки пустые...

По просторам земли
Стежки нас повели
Полевые.

Месяц стежку в дубняк
 Серебристой осыпал метелью.
 Не могу я никак
 Со своею освоиться тенью.
 Только — верь иль не верь —
 Я бреду в этой куртке короткой.
 Отвыкать мне придется теперь
 От военной походки.
 Шаг свой полем и лесом
 Печатаю под псевдонимом:
 Был я Рыбкой Алесем,
 Стал Полыном Никодимом.
 Да, теперь я — Полын,
 А товарищ мой — Ворчик Никита,
 А Зарудный — Смирнов: не один
 Я иду возле жита.

Ой, скосили его пулеметы,
 Под корень скосили!
 Сапогами немецкой работы
 Его молотили.

Танки, сталью покрытые,
 Жито мололи,
 Вражьи кони копытами
 Хлеб замесили на поле.

Тесто кровью враги поливали,
 В самом пекле пекли-выпекали.
 И лежит, словно камень,
 Хлеб немецких пекарен.

На дороге лежит каравай,
 Как на белой холстине,
 Дармовой — только рот разевай!
 С горя, может, разинешь.

Полем трое нас шло
 По тропе незнакомой.
 Мы решились, мы входим в село,
 Слышим крики и гомон:

Окна свет заливает,
Скрипач плясовую играет.
Кто нас может в селе задержать?
Справки с нами, в кармане лежат.
Есть и подпись на них и печать,—
Дескать, выпущены из острога.
А задумают арестовать —
Мы не маленькие, слава богу.
У крыльца рассказала крестьянка,
Что за пир, за гулянка:
Это свадьбу справляет Медведский,
Подлиза немецкий.
Он три года назад
Ферму сжег и судился,
Свет прошел, говорят,
И домой
Перед самой войной
Воротился.
С ним идет под венец
Под угрозой дивчина:
Не пойдешь, мол, так мать и отец
Головою ответят за сына;
Донесу, мол, что он большевик,
Что теперь он у красных. И точка!..
Перепуганный насмерть старик
Выдает за него свою дочку.
Согласилась и старая мать
На семейной беседе.
Гармонист отказался играть,
Отвернулись от свадьбы соседи.
Пусто в хате. Никто не идет.
Только с улицы в окна несмело
Наблюдает народ,
Чем окончится дело.

Мы вошли. И гостям
Поклонились с порога.
Сам Медведский встает и — к дверям:
— Что за люди?
— Идем из острога...
— Заходите. Прошу... — Нас троих
Он к столу приглашает.
— За здоровье, — кричит, — молодых! —

Чарки нам наливает.
— Будем пить, как бывало,
Будем пить чередой:
За здоровье — сначала...
— Молодой!..

— Молодой!..

Мы в лицо ее смотрим сейчас,
А в лице ни кровинки,
Словно тут и не свадьба у нас,
А поминки...

Тут по струнам скрипач,
Как потерянный, водит.
Не «Лявониха» — плач
У бедняги выходит.

Это что ж за порядок такой,
Что за скрипка такая?
Пилит батька родной,
Замуж дочку свою выдавая.

Почему головою поник?
Что не грянешь удало?
От игры ли отвык
Или выпито мало?

То ль хоронишь ты дочку в тоске
И от плача все струны оглохли?
То ль на светлом смычке
Твои слезы еще не обсохли?

Брось пиликать, приятель,
В хате
Немецкого зятя!
Ты смычком проведи басовито —
Пляшет Ворчик Никита.
Вот уж ватник снимает, взгляни,
Как на свадьбе он пляшет,
Пляшет так, как в бывалые дни
Все плясали по селам по нашим.
Пляшет, может, за сотню ног,
Громко плещет в ладони.
Входят люди толпой на порог —
Жаль, что нету гармонии.

И девчата становятся в круг,
Подпевают девчата,
Будто все очутились вдруг
На колхозной на свадьбе богатой.
Будто немцев село
Никогда не видало.
Будто солнце взошло,
Будто ночь миновала.
И как будто опять
В поле утро зовет молодое
Рожь высокую жать,
Жито жать золотое.
Снова ясные дали встают,
И то громче, то тише
Перепелки над нивой поют...
Музыкант, неужели не слышишь?

Рад Медведский — и выпил изрядно,
И к тому же все вышло так складно:
Стало шумно и людно в дому,
Мы — причина всему.
Полицейские должности нам
Обещает хозяин в награду.
— По рукам? — говорит.
— По рукам.
— Рады службе?
— Конечно же рады. —
В круг выходит он:
— Пью
Я за женку свою,
А вторую я пью
За удачу свою,
За честное застолье,
За богатое поле.
Чтобы гречка цвела,
Чтобы речка текла,
Чтоб хлеба за рекою
Вилися трубою!

И он стискивает кулаки,
В грудь колотит: — По-моему будет!
Соловки, — он кричит, — Соловки
Меня вывели в люди!

Ферму я подпалил? Подпалил!
Признаюсь вам, люди.
«Петухи», что я в полночь пустил,
Меня вывели в люди...

Тут встает, опираясь о стол,
Наш товарищ Зарудный.
— Ты, — сказал он, — не в люди пошел,
А в Иуды...
И не жито тебе на полях,
А камня уродит земля.
Пил я чарку за молодую,
Пью другую
За мать, за отца,
За их сына-бойца:
Третью чарку я пью
За погибель твою!

Грянул выстрел в затылок Иуде,
Мы этого даже не ждали.
Не Зарудный стрелял.
Что за люди
С порога стреляли?
Что за люди? Из хаты выходим,
Но нигде никого не находим.
Мы торопимся — и не зря:
На востоке алеет заря,
Тает сумрак, дорога светлей...
Вышли в поле. Хватился Никита:
Его куртка на свадьбе забыта.
— Хорошо, — говорит он, — что в ней
Ничего не зашито...

Мы идем.
Начинается жито.

6

Постепенно привык я шагать
По лесам, по болоту,
Перескакивать с гати на гать
И с колоды гнилой на колоду.

Я смотрю — скоро кончится день.
Солнце вновь у меня за спиною.
Я привык... Узнаю свою тень,
Что шагает со мною.
Не один я — привыкли мы все
По воде ходить, по росе,
Через лес, через луг, через лог,—
По дорогам и без дорог.

И случилось, что мы на закате
Пришли к Лизаветиной хате.

В стороне от проезжей дороги
Стоит хуторок одинокий —
Лизаветина хата.
Мы стучимся...
Гостям она рада.
Тотчас стол Лизавета накрыла,
Нас к столу пригласила:
— Ешьте, пейте...

И пили мы, ели.
Всем троим постелила постели:
Спит Смирнов на перине в доме,
Я — в сарае на свежей соломе,
А для Ворчика место в клетке.
Столько было хлопот Лизавете!
На солому пахучую лезу
Я под самую крышу.
Тихо месяц встает из-за леса,—
Сквозь расщелины вижу.
Я лежу себе, курткой накрытый,
В куртке зная бригады зашито,—
За него головой отвечаю...
Думы думаю...
Засыпаю...
То ли вправду, то ль чудится мне —
Заскрипели ворота сарая,
Наяву или, может, во сне
Зашуршала солома сухая?
Просыпаюсь я: — Кто это?
— Это...

Ты не спишь?.. Это я, Лизавета...
Я и в хате была — не спится,
Я и в клеть зашла — не ложится
И сюда вот пришла я, вдовица...
Дозволь примоститься...—
Села рядом со мной Лизавета:
— А зачем вам шататься по свету? —
Говорит она, тихо вздыхая. —
Посмотри-ка, удача какая:
Живу я отлично,
Единолично...
Иль не любя, не мила?
Иль работаю мало?
Все луга покосила,
Нынче жито дожала...
Оставайся со мной честь по чести,
И пойдем мы с тобою вместе
По спокойной ровной дорожке. —
Ни войны тебе, ни бомбежки...
Оставайся...
— Пойду...
— До Урала
Все как есть немчуря позабрала.
Ты подумай...
— Что ты сказала?
— То, что немцы дошли до Урала, —
Так их радио передавало.
Путь далекий. Достанет ли силы
Пепелища считать да могилы
По дорогам, а их не мало,
Ну?
— Пойду! —
Лизавета встала.
— Душно тут, — говорит, — не спится. —
Снова в клеть заспешила вдовица.

.
В небе утреннем скрылся
Над желтою нивою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок Лизаветиной хаты.
Извиваясь, как змеи,
Все дальше ведут нас тропинки.

Подневольные жнеи
Нам песню поют на дожинках.

Крестьянская хата
Стояла над светлой рекою.
И жил там оратай
С женою
И дочкой родною.

Пришла к ним нужда,
Пришла и назад не уходит:
По житному полю
Минеры немецкие бродят.

Зачем же высокое жито
Земля породила,
Коль немцами в жите зарыта
Нечистая сила?

— Жать нынче не станем,—
Хозяин жене объясняет.
Но дочку без хлеба оставить
Жена не желает.

Тайком поднялася,
На зорьке ушла за ворота.
На ниве своей занялася
Привычной работой.

Проснулся хозяин, дивится:
Немало нажатого жита.
Лежит его жница
Средь поля убита.

Ее на кладбище из хаты
Снесли, схоронили,
Но дочку без хлеба оратай
Оставить не в силе.

Проснулася дочка и вышла:
Все жито пожато.
Как сноп, на снопах неподвижно
Лежит ее тата...

Средь поля стоит молодая,
Разводит руками.
Стоит и не знает,
Что делать теперь со снопами.

В копну, как могла,
Их сложила, вздохнула глубоко.
В деревню пошла,
Что за речкою недалеко.

Сказала соседям:
— Возьмите,
Возьмите копну золотую.
За эту копну окажите
Мне милость такую:

Срубите лесину,
Отцу домовину
Скорей из нее смастерите.
А в ту домовину
Меня, сиротину,
С отцом заодно положите...

.

В небе утреннем скрылся
Над желтою нивою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок Лизаветиной хаты.
Мы идем по равнинам,
Ту горькую песнь допеваем.
Долго ль, нет ли идти нам —
Об этом мы сами не знаем.
Не хотим говорить мы об этом,
Потому и запели.
Ходим, бродим по свету,
А дойдем ли до цели?
— И куда, и куда мы идем? —
Крикнул Ворчик со злостью. —
И в какую могилу несем
Наши кости?
Для чего эта вся кутерьма?
Может, правду вдова мне сказала,
Что коричневая чума

Доползла до Урала?
Может, нам через эту чуму
Не пройти, не уйти из неволи?
Что молчите? Кричу я кому?
Самому себе, что ли?
Или, может, на ветер кричу,
Может, слух ваше ухо утратило?..
Я хочу, самолично хочу
Слушать радио.
Поняли? Радио!

7

Глушь. Отсюда советские люди
Тайком говорили с Москвою.
Чаща. Провод антенны
Высоко закинут на хвою.
И, шалаш охраняя лесной,
Белки носятся над головой.
И сюда — через топи, леса и поля —
Докатился неожиданно
От Москвы, от созвездий Кремля
Голос диктора Левитана...

Мы в лесу уже третий день,
Нам с приемником трудно расстаться,
Перед ним я уселся на пень —
Не могу оторваться.
И к нему мои руки
Привыкли, как раньше к штурвалу.
Спать ложимся под звуки
«Интернационала».
Бьют часы. Молча думаю я,
Город свой вспоминаю.
Где-то бродит родная семья?
Где жена с малышами?
Не знаю.
Может, пали они под огнем,
Может, пуля в дороге догнала?
Сводки слушаем ночью и днем —
Сводки радуют мало.

Слышим: солнечный город наш
Взяли полчища вражьи...
Одинокó иду за шалаш,
Что ты, белка, мне скажешь?
Разве мало дорог
Я измерил своими ногами?
Разве жлобинский ров
Не своими я видел глазами?
Дети, матери, старики
В нем зарыты живыми.
Долго, долго пески
Шевелились над ними.
И сейчас, может быть,
Шевелятся тревожно.
Разве можно такое забыть?
Слышишь, белка? Забыть невозможно.
Разве лай душегубов,
Двуногой немецкой скотины,
Лязг стальной, барабаны и трубы
Слушать нам не противно?
Разве слушать не тягостно марши,
Марши фашистов?
По земле мы идем иль по Марсу,
Звездок мой пушистый?..
— Что сидим, комиссар полковой? —
Ворчик стал торопиться. —
Этак нам не видаться с Москвой
И к своим не пробиться.

Снова ветер шумит полевой,
Снова стежки, пригорки, криницы.

Мы пошли,
Только вдруг отчего
Перестал торопиться Никита?
То внезапно потянет его
Отдохнуть возле жита,
То присядет на камень
В лесу на поляне
И в сапог свой полезет руками, —
Дескать, гвоздь ему ногу изранил,
То песчинку ругает потом,
Что под веко попала.

Не песчинка попала, а дом,
Где, наверно, жена ожидала.
Дом отцовский, знакомый порог,
Он зовет неотступно, упрямо.
А в лесу — перекресток дорог,
Свороты — и шагай себе прямо.
Мы садимся,
А Ворчик все бродит, —
Знать, места себе не находит...

Дороги, тревоги,
Мгновенья, сомненья, —
Цепляются ноги
В лесу за коренья.
На топкую гать
Он, не видя, ступает.
Хотел бы отстать,
Да решимости не хватает.
Догадались мы сразу, о чем
Так тоскует Никита...

Ночь свежа. Мы с Никитой вдвоем
Моей курткой накрыты.
Он ко мне повернулся спиной.
Спит. И я засыпаю.
Ночь. Над ним, надо мной
Глухо шепчет сосна вековая...

Я проснулся полночной порой,
И зуб на зуб не попадает.

Молчалив затуманенный лес.
Догорает костер позабытый.
Где Никита? Никита исчез.
Нету рядом со мною Никиты.
Огляделся растерянно я,
Сердце вдруг онемело:
Где же знамя? Где куртка моя?
Что за странное дело?
Что придумаешь? Скажешь кому?
Разбудил я Смирнова.
— Знамя! Знамя! — твержу я ему.
— Знамя! Знамя! — одно только слово.
Долго с ним, с комиссаром своим,

Мы кричали, аукали, звали.
Лес остался глухим.
Лес молчал.
Мы напрасно кричали.
Не ответила темная гать.
Не ответил Никита... Немало
Он прошел. До него уж, видать,
Наше слово не долетало.
Мы сидим у костра своего
И молчим. Говорить бесполезно.
Было знамя — и нету его.
Знамя наше исчезло.
А когда-то не раз меж собой
Мы мечтали с волнением и жаром,
Что пойдем с этим знаменем в бой,
Что его сохраняем недаром.
А теперь? Горький дым
Нам глаза выедает.
Мы сидим и молчим,
И печаль нас к земле пригибает.
Не находится слов
В тяжком горе, средь ночи безлюдной.

Вдруг он вспомнил, что он не Смирнов,
Не Смирнов, а Зарудный,
Что он долг исполняет свой
И беде поддаваться не хочет,
Что он наш командир боевой,
А Никита — наводчик...

Не для радости, не для веселья
Шли мы к Ворчику на новоселье.

в

Взял он куртку. И я не пойму,
Для чего это надо,
Что за польза ему
Уносить с собой знамя бригады?

Может, он, собираясь домой
От друзей своих тайно,

Наше знамя с собой
Захватил не случайно?

Может, он через фронт перейдет
С дорогой своей ношей?
Будет слава ему и почет, —
Дескать, парень хороший,

Не какой-нибудь трус иль прохвост. —
Про Никиту подумает каждый:
Сам-де вышел и знамя принес, —
Значит, стоящий, стойкий, отважный.

.
Как кузнечик, часы на траве
Молоточками бьют-выбивают.
Мы устали. Сидим.
В синеве
Паутинки плывут-проплывают...

А быть может, к отцу
Шел он с думой иною:
Захотелось ему, беглецу,
Тишины и покоя?

Может, жить пожелал,
Как живет Лизавета.
Но зачем тогда знамя забрал?
Не находим ответа.

С ним к немецким властям
Он задумал явиться, быть может,
Чтоб продать его там
Подороже.

— Вам, — он скажет, — принес я его
Из горячего боя.
И за это прошу одного —
Тишины и покоя.

Пять минут, как одну,
На траве часы отсчитали.
Комиссар поднимается: — Ну!.. —
Мы опять зашагали,

Целый день мы брели
По лесам, по пригоркам, по скатам,
Поздно ночью в деревню вошли,
Постучались в хату.
И на стук наш в ответ
Человек к стеклу припадает.
Он! Сомнения нет...
Двери нам открывает.

...В этой хате месяц назад
На постое немцы стояли.
За малиной ходили в сад,
Груши спелые рвали.
На чужие кровати
Ложились в хате
Три солдата, три сукиных сына.
Одному приглянулась некстати
Молодая хозяйка — Марина.
Захотел обвенчаться он с ней —
Для забавы, на несколько дней.
Не сдалась, не склонилась она,
На глумленье идти не хотела.
Под окном удавилась она,
Под окном, на березе на белой.
Обвенчалась Марина с петлей
Да с сырою могилой.
«Отомсти, — написала, — родной,
Отомсти им, мой милый.
Не хочу я невольницей жить.
Лучше сгину я, сгину...»

Говорит он, а голос дрожит.
Мы молчим.
Запалили лучину.
Нас за стол приглашает он сесть,
Предлагает нам ужин.
Нет, не сядем. Не хочется есть.
Ужин не нужен.
Может быть, мы устали? Тогда
Он постелит постели.
Вот залели уже кочета...
Нет, мы спать не хотели.

— Так зачем же пришли вы, зачем? —
Он спросил: — Что играете в жмурки? —
Я ответил:
— Пришли мы затем,
Что у нас не находится куртки.
Ты присвоил ее...—
Он уходит за перегородку,
И выносит, и отдает,
Виноватый и кроткий:
— Холод был... Вы могли и одной,
Комиссаровой курткой, накрыться...
Из-за мелочи из-за такой
На меня вам не стоило б злиться...
— Да ведь знамя же в куртке лежит!
— Знамя? — Ворчик в лице изменился,
Побледнел, посерел. Говорит:
— Видно, ум помутился...
Лизавета пророчила мне,
Будто немец дошел до Урала,—
Продолжает он, словно во сне,—
И подумал я:
Все пропало!
Эта дума, эта беда
День и ночь не давала покоя.
Я совсем помешался, когда
Слушал радио под сосною.
Там решил я в ночи,
Под навесом зеленым,
Что уж лучше лежать на печи,
Что теперь не уйти из полона.
Надоело бродяжье житье,
И надежда одна оставалась,
Что с женою найду забытье,
Позабуду беду и усталость.
Больше думать не мог ни о чем,
Убежал, не простился.
Знамя! Я позабыл о нем,
Торопился я, торопился.
Как домой я бежал!
Как минуты считал с нетерпеньем!
Не застал я жены, не застал,
Не нашел я забвенья.
Стал не мил мне отцовский порог

И углы этой хаты...
Знамя! Разве припомнить я мог,
Коль такая утрата?

Это правда, видать по всему.
Ничего тут не скажешь.
Если б мы не явились к нему,
Он про знамя не вспомнил бы даже.
Он забыл — понимаем без слов —
Все на свете:
Кровь товарищей, славу бойцов,
Что клялись перед знаменем этим...
И сказал комиссар:
— Пошли!..—

Старики вслед нам молча глядели.
Мы им правду сказать не могли,
Огорчать не хотели.
Пусть не знают вовек
О позоре их сына,
Пусть решат, что пошел человек
Отомстить за Марину,
И за них, и за дом, и за сад,
И за груши, и за малину.
Пусть с наградой назад
Ожидают родители сына.
Им и сын ничего не сказал,
Покидая родимую хату.
Ничего он в дорогу не взял,
Только вял под навесом лопату.

Он могилу копает сам,
Сам себе на лесной поляне.
Ожидаем мы. И без конца
Длится тягостное ожиданье.
Пишем Ворчику приговор
Мы от имени нашей бригады.
Смотрит Ворчик, потупивши взор,
И не ждет, и не просит пощады.
Роет яму наш бывший друг
На лесной поляне.
И сдается: не сосны вокруг
Здесь застыли в суровом молчанье.
А бойцы батальонов и рот...

Мы их видим перед собою,
И на лицах у них кровь и пот,
И земля — после боя.
И, решимостью грозной полны,
Они требуют высшей меры
Убежавшему от войны
Человеку без веры!

9

Скоро нас колея полевая
Довела до родимого края,
До сторонки, где жил я и рос,
До знакомых дубов и берез...
Здесь скворечник я видел не раз.
Где же этот скворечник сейчас?
Дуб столетний стоял на лугу.
Почему же ему
«Добрый день» я сказать не могу?
Не узнать мне деревни никак:
Где знакомые хаты, ветряк?
Где же школа? Ни школы, ни хат.
Только черные трубы торчат.

Лета бабьего теплые дни,
Я на пне примостился в тени
И дневник продолжаю свой.
Ох как хочется, братцы, домой!
Сына, дочку увидеть бы мне!
Дом отцовский — чуть-чуть в стороне,
Мне отсюда местечко видать,
До местечка — рукою подать.
Коль идти напрямиком до него,
Верст двенадцать будет всего,
А направишься шляхом —
Двенадцать с гаком.

Легок путь до родного села,
Только тяжко сидеть у стола.

Дочка батьке задаст вопрос:
«Тата, ты молока принес?»
А от сына услышу я:
«Ты из Минска привез мне коня?..»

На пеньковой
Веревке домой
Ни коровы
Я, ни коня
Не привел за собой.
Не принес для детей
Ни игрушек и ни сластей.
Лишь от каждого глаза принес
По пригоршне соленых слез.
Но никто этих слез не попросит,—
Их у матери досыть.

Нет, не так я приду в свой дом,—
В новой каске приду, со штыком.
Не скитальцем и не бедняком —
А войду я хозяином в дом,
Солнце в дом принесу,
А не ночь,
Молоком
Напою свою дочь.
Посажу тогда сына я
На живого,
На боевого
Коня...

Будет время ребячьих утех,
Будет смех — я принес им смех,
Будут слезы — я детям принес
Каску, полную радостных слез...

А теперь не могу, не хочу
Видеть поле и каланчу,
И родное местечко вдали,
И знакомые крыши...

— Пошли!..
Листою, дубровы,
Мой след заметите!

Бывайте здоровы,
Назад меня ждите!..

Здесь всему я чужим кажусь,
Я в родные криницы гляжусь.

— Кто ты? — мне говорят они, — Чей? —
Я гляжуся в лесной ручей,
А ручей по оврагу
Шумит:
— Это что за бродяга
Стоит?
— Ваш я, свой!
Здесь я жил, ходил,
Часто в летний зной
Вашу воду пил. —
Но везде мне ответ один:
— Ты не Рыбка — Полын,
Рыбка был молодой,
А ты — с бородой... —
Пусть я с бороною,
В лохмотьях постылых,
Но только бывшее
Забуть я не в силах.
Пусть взгляд мой темнее,
Пусть пальцы грубее, —
Тем крепче сомкну их
На вражеской шее!
Листвою, дубровою,
Мой след заметите,
Бывайте здоровы,
Назад меня ждите!..

Через желтую заметь лесов,
Мимо нашей стоянки,
По корням придорожных дубов
Друг за дружкой грохочут фурманки...¹
Ветер мертвой листвою
Их следы замечает в печали:
— Эй, куда вы?
— Домой...
— Уходили, да вот опоздали...
— Не успели...
Немецкие пули
Назад нас вернули... —
Многих, многих я здесь узнаю, —

¹ Фурманка — повозка.

Часто с ними встречался, бывало.
Дед спросил про деревню свою:
Может, видел я? Что с нею стало?
Но для всех я казался чужим,
Не узнали — зарос бородою...
Может, здесь и мои малыши,
Может, встречусь с женою?
Едут люди, а ветер
Следы замечает и свищет.
Едут матери, дети
На родимые пепелища.

Мы с Зарудным лежим за дубами,
Молчаливы и строги.
Впереди перед нами
Перекрещиваются дороги.
Мы глядим из засады,
Как движутся вражьи отряды
По дорогам на крепких машинах,
В шинелях мышиных.
Видим мы: две фурманки
У обочины стали, —
Их немецкие танки
С дороги согнали.
Люди слезли, коней распрягают,
Костер разжигают.

Хлопчик босый бежит меж дубами
За дровами,
Хлопчик с русыми волосами,
С голубыми глазами.
Я увидел, сдержаться не мог,
И окликнул его:
— Василек! —
С удивлением глядя,
Он стоит предо мною:
Что, мол, это за дядя
С такой бородою?
Золотая
Нас осыпает
Пурга,
Лист осенний по ветру несется.

— Жил ли в Минске ты, хлопчик?
— Ага!
— Где же батька твой?
— С немцами бьется.
— Как из Минска ты уходил,
На квартире коня позабыл,
Ты катался на этом коне,
Не хотел расставаться.
Конь сгорел, Василек, в огне...
— Пусть сгорел. Не хочу я кататься.
— А чего ж ты хочешь?
— Хлеба кусочек...—
Хлеб? В мешочке у нас
Оставалось немного:
Неприкосновенный запас —
Полбуханки на всю дорогу.
Я достал из мешочка:
— Бери!..
Это хлеб для тебя и сестры.
Ешь его на здоровье... Бери же!..—
Робко он подошел поближе,
Подошел и глядит на нас —
Люди добрые, хоть и чужие.
И не верит, и сами из глаз,
Как горошины, крупные,
Не скупые,
Слезы брызнули, катятся вниз,
Скорбно падают у подножья
На сухую траву, на опавший лист
И на сердце мне тоже...
Я отдал ему хлеб, а сам
Стал за дубом шумливым
И гляжу, как бежит по кустам
Хлопчик с хлебом,
Счастливый.
Словно сразу не стало забот,—
Мчится с ношей своей к фурманке,
Словно хватит на целый год
Дорогой полбуханки.
Мчится босый мальчонка к семье
Прямяком, без дорог и дорожек —
По листве, по холодной земле
И по сердцу мне тоже...

То ль дорога меня извела,
Что не мог я глядеть, —
Не знаю,
Но глаза мне застлала мгла,
И пошли мы, и след замела,
Замела метель золотая.

10

Вылез месяц — серебряный рог
Осветил из-за тучи болотце,
Мы ползем.
Слышат кочки и мох,
Как в груди моей сердце бьется.
Проклинаем мы первый ледок,
Что хрустит под локтями.
Перед нами сена стожок,
Часовой, солдат перед нами.
Немец дремлет, и — нечего ждать.
Все равно обойти невозможно!
Подползли. Задушили.
Опять
Ползем осторожно.

Мы на воле,
Блужданьям конец!
Перед нами советский боец.
Перед нами родина снова!
И сказать не могу я ни слова,
Лишь губами к земле приник
И целую ее молчаливо...

Нет, пишу я не просто дневник, —
Приговор выношу справедливый.
Я на кровь на людскую глядел,
На пожары, на пепел летучий
И не в строки собрать их хотел,
А в могучую тучу.

Чтоб ответили наши враги
В Судный день за свои преступления.
Пусть же пламенем дышат листки!
Пусть же молний разящих штыки
Весь, от первой до этой строки,
Приговор приведут в исполненье!

эпиграф

Больше года минуло с той даты,
Много в море воды утекло,—
И по зимней дороге бригада
Четким шагом входила в село.
Щеки ветер холодный лижет,
Иней лег на ушанки,
На халаты и лыжи,
На танки и санки.
Каждый шел молодец молодцом,
Глядя твердым, уверенным взглядом.
Вел полковник Зарудный бойцов —
Командир бригады.
И село их встречало
Во всей их суровой красе.
Кто сказал, что бригады не стало?
Что погибли товарищи все?
Кто поверит, друзья,
В небылицы такие?
Вот она — боевая семья!
Вот они — дорогие,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные,—
Вот они, словно белая туча,
Грозно движутся через снега.
Скоро, скоро ударом могучим
Разнесут они в клочья врага!

КАЙСЫН КУЛИЕВ

(С балкарского)

Лирические записи

Война велика, бесконечны поля,
Дороги, как старые песни, длинны,
И ходит беда, и тоскует земля,
И воет волчицею ветер войны.

Быть может, по этим дорогам глухим
К тебе суждено мне вернуться, любя.
А если не мне, так хоть песням моим,
Я верю, придется дойти до тебя.

1941

Перевод В. Звягинцевой

Тот, кто говорит, что на войне
Забывают про любовь свою,
Говорит неправду. Ясно мне:
Никогда он не бывал в бою.

1941

Перевод В. Звягинцевой

Я после боя спал в соломе.
И хоть мне холод досаждал,
Мне ты приснилась утром дома...
Когда же я продрог и встал,
Был холод. Ты куда-то скрылась,
Тоску умножив по себе...
Но все ж за то, что ты мне снилась,
Я благодарен был судьбе.

1941

Перевод Н. Коржавина

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег,
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Но и теперь, когда случится
Назад в те годы бросить взгляд,
Я вижу: там еще дымится,
Как будто письма всё горят.

1943

Перевод Н. Коржавина

Я на войне увидел тьму смертей,
Дым городов, свалившиеся своды,
Протянутые руки у детей —
Большое горе моего народа.

«Закрой глаза!» — твердил себе порой,
Чтоб отдохнуть, чтоб позабыть об этом.
Но так нельзя. Прости, читатель мой!
Невидящий не может быть поэтом.

1945

Перевод Н. Коржавина

ЯНКА КУПАЛА

(С белорусского)

Белорусским партизанам

Партизаны, партизаны,
белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
свору черных псов войны.

На руинах, на погосте,
на кровавых их следах
Пусть скликает ворон в гости
Воронов считать их кости,
править тризну на костях.

Пусть у Гитлера-урода
сердце вороны клюют,
Пусть узнает месть народа
Вурдалакова порода.
Партизан, будь в мести лют!

Враг народу нес мученья,
резал женщин и детей,
Встал кошмаром-привиденьем
И закрыл кровавой тенью
день наш ясный, лиходей.

Партизаны, партизаны,
белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
свору черных псов войны.

Вас зову я на победу,
пусть вам светят счастьем дни!
Сбейте спесь у людоедов,—
Ваших пуль в лесу отведав,
потеряют спесь они.

Слышу плач детей в неволе,
стоны дедов и отцов.
Опаленный колос в поле
На ветру шумит: «Доколе
мне глядеть на этих псов?»

За сестер, за братьев милых,
за сожженный хлеб и кров
Встаньте вы могучей силой,
В пущах ройте им могилы,—
смерть за смерть, и кровь за кровь!

Партизаны, партизаны,
белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
свору черных псов войны.

Вам опора и подмога
белорусский наш народ.
Не страшит пусть вас тревога —
Партизанская дорога
вас к победе приведет.

Мы от нечисти очистим
землю, воды, небеса.
Не увидать псам фашистам,
Как цветут под небом чистым
наши нивы и леса.

Партизаны, партизаны,
белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
свору черных псов войны.

Снова ждут нас счастье и свобода

Лютует Гитлер оголтелый —
Тесны Германии границы.
Чтоб выйти за ее пределы,
Он кровью мир залить грозит.

Откормлен человечьим мясом
Палач; им попрана свобода,
Грозит он миру смертным часом,
Пьет кровь свободного народа.

На Беларусь мою родную
Он жадным ринулся шакалом,
На ту страну, что, торжествуя,
Свободным счастьем расцветала.

Он режет, вешает невинных,
Он топчет нивы наши, долы.
Кровавым пламенем, скотина,
Сжигает города и села.

Он вытоптал цветы и травы,
Затмил пожаром наши зори.
Ох, отомстит же мезтью правой
Народ ему за это горе!

Недолго нам терпеть страданья.
Разбойничает он, сжигает,
Но всенародное восстанье
Ему час смерти приближает.

Настал день мести и расплаты,
И поднялися партизаны
Крушить фашистский сброд проклятый,
Давить захватчиков поганых.

И Красной Армии в подмогу
Народ наш, сердцем вняв приказу,
Встал — к счастью проложить дорогу
И сжечь фашистскую заразу.

Пускай увидит враг заклятый
День роковой, жестоко мстящий
За наши выжженные хаты,
За детский труп, в крови лежащий!

Очистим наши лес и поле
От Гитлера орды кровавой
И заживем на вольной воле
В домах, отстроенных на славу.

Преодолев годину злую,
Отстроим всё, залечим раны,
Чтоб Белоруссию родную
Свет снова залил несказанный.

Земля покроется дворцами,
Все выйдут в праздничной одежде,
И знамя, пламенное знамя,
Над нами расцветет, как прежде.

1942

Перевод Вс. Рождественского

Минометы
били не в лад,
но я
потерял
солдат.
Назад
четыре солдата
по два
несли автомата.

4

Минометы...
били...
не в лад...
Я к комдиву
пришел на доклад.
И выматерился
с досады
комдив 360-й.
Солдат
схоронили рядком
под Зеленым Городком,
а старшина
отдал нам
их четыреста грамм.
На том берегу Полоты
я не был уже молодым.

5

За Полоцком —
Двина,
и опять
война.
Опять приказ:
до рассвета
взять языка,
разведать.

Опять
спотыкались солдаты,
убитых
неся автоматы.

в

И только в Восточной Пруссии,
далеко от Полоты,
снова я
стал
молодым.

1944—1947

АДЕЛЬ КУТУЙ

(С татарского)

Утренние думы

Мне из окопа видно озерко.
Игра лучей становится живее.
Как вдохновенье, солнце высоко!
Я думаю о нем, благоговя.

Как я люблю, весенний Ленинград,
Твоих проспектов гордое сиянье,
Бессмертную красу твоих громад,
Рассветное твое благоуханье!

Вот я стою, сжимая автомат,
И говорю врагам я в день весенний:
— Вы слышите сирени аромат?
Победа в этом запахе сирени!

Что может сделать самый черный враг,
Когда здесь даже ночью мрак неведом?
Как звонок белой ночью каждый шаг!
Не такова ли музыка победы?

Красноармейцы двинулись в поход,
За танками стремятся пушки следом, —
В доспехах боя истина идет.
Не таково ли торжество победы?

Насытить глаз и сердце не могу,
Хочу я вдосталь дивом насладиться.
Я русскую столицу берегу,
Чтобы жила татарская столица.

1942

Перевод С. Липкина

НИКОЛАЙ ЛАЙНЕ

(С финского)

Надел шинель, винтовку взял —
Ну, чем не воин?

Но куда там!
Я стал мечтать,
но я не стал,
Не стал тогда еще солдатом.

Когда свинцовая струя
Меня хлестнула —
в то мгновенье
Еще солдатом не был я,
Хотя уже прошел крещение.

Я не был им, когда дружка
Настигла вражеская пуля,
Была тоска моя тяжка,
Я уронил слезу скупую.

Поздней... Забуду ли о том?
С тех пор лежит на сердце камень...
В снегу ребенок вечным сном
Спал,
обхватив сугроб руками.

Хотел заплакать и не мог,
Глаза мои — сухи и строги.
Я тельце обернул в платок,
Что был обронен у дороги.

Пошел, ребенка погребя,
Навстречу пушечным раскатам...
Тогда я ощутил себя
Впервые подлинным солдатом.

Перевод М. Тарасова

АБУЛЬКАСИМ ЛАХУТИ

(С таджикского)

Бежит, гонима бурей гнева,
чудовищная стая,
Под натиском советских армий,
как лед весенний, тая.
Вот отчего душа ликует,
услышав о героях,
Вот отчего декабрь холодный
сияет ярче мая.
Не ослабеет меч разящий,
отчизны не уступит —
Его для мщения заносит
народа мощь святая.
Уже мы слышим клич военный
замученной Европы, —
Она встает, в победах наших
надежду обретая.
Безумцы лишь могли помыслить,
что наш Союз погибнет,
Но мы предвидели победу
отеческого края.
Народ наш, разума носитель,
низвергнет мир насилья,
Где правят ненависть и злоба,
кровавых жертв алкая.
Мы вражье логово разрушим,
мы Гитлера настигнем,
И мы поднимем знамя правды,
преступников карая.

1942

Перевод В. Левика

ИГОРЬ ЛАШКОВ

В штабе

Диктует писарь в штабе машинистке
Фамилии погибших на войне,
А их так много в этом страшном списке,
Что боль всю грудь разламывает мне.

Землянка содрогается от гула,
С накатов осыпается песок,
И машинистка, сжав худые скулы,
Заканчивает траурный листок.

Она у печки руки согревает,
Ее лицо охвачено огнем,
И тем же шрифтом пальцы отбивают
Приказ о назначении моем.

Быть может, этой самой машинистке
Еще придется встретиться со мной,
Когда взойду строкой на обелиске
Под скромною фанерною звездой.

1942

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Возвращение из похода

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх, — нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовый буксир.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что за раз не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам задаром
Не удалось у нас в морях гулять.

А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

1941

Штурман подводной лодки Алексей Лебедев погиб на Балтике 29 ноября 1941 года при выполнении боевого задания.

На дне

Лежит матрос на дне песчаном,
Во тьме зелено-голубой.
Над разъяренным океаном
Отгромыхал короткий бой,
А здесь ни грома и ни гула...
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником...
Осколком легкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровую томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

1941

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

1941

ГРИГОРИЙ ЛЕВИН

Ну, я пойду...

Перед своим подвигом Александр Матросов просто сказал: «Ну, я пойду!»

Когда меж взглядов,
как сквозь строй,
прогоним,

Узнаем мы,
кто раб, кто червь,
кто бог!

Солдата узнают не по погонам,
А по подметкам стоптанных сапог.

Он высшей славой на земле отмечен,
Бессмертной, громкой памятью в ряду,
Не статуей предстал,
велик и вечен,

Вполголоса сказал:
— Ну, я пойду.

Но с этим
и погибнуть хорошо нам.

И в нужный час,
опять незаменим,

Он скажет нам,
как о давно решенном:

— Ну, я пойду!.. —
И мы
пойдем
за ним.

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Ленин в Праге

Есть даты, что не старятся с веками,
Их повторяют мрамор и гранит...
Я видел в Праге дом,
где каждый камень
о Ленине сказание хранит.
Там навсегда впечатаны у входа
следы его стремительных шагов.
...Летел январь двенадцатого года
над крышами чужих особняков.
И снег летел.
Шуршали хлопья, тая
и сразу исчезая на лету...
Был Ленин непреклонен, утверждая
грядущих революций правоту.
В параграфах партийной директивы
и в страстном выступлении Ильича
такие открывались перспективы,
что сердце замирало сгоряча.
В далекий год
в конспиративном зале,
в неровном свете тусклого огня,
он говорил — и люди осязали
величие сегодняшнего дня.
А вечером,
когда лучи косые
окрашивали окна этажа,
в старинном доме пели о России,
о Волге
и о бреге Иртыша...

...В предместии,
пожарами объятom,
еще алеет кровь у баррикад.
Мы входим в Прагу
в славном сорок пятом
тяжелюю походкою солдат.
Уже в Градчанах вывесили флаги,
к ним рвется ветер волжских берегов.
И Ленин вновь
идет по шумной Праге
в огне знамен прославленных полков.

1945

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

(С грузинского)

Бойцам-грузинам

Воины-грузины, братья:
С вами жаждали мы встречи,
К вам горячие объятья
Простирали издалече.

Посылают свой привет вам
Дети, матери и жены.
Пусть он вьется в небе светлом,
Словно голубь окрыленный.

С вами родина навеки
Свято и непоколебимо,
С вами горы, с вами реки
Вашей Грузии любимой.

Каждый сад, орешник каждый,
Каждый выступ горной выси,
Сотни тысяч мирных граждан
Гори, Мцхета и Тбилиси —

Все от мала до велика
Свой привет вам посылают,
Тысячеголосым кликом
Все победы вам желают.

.
Мы жаждали встретиться с вами,
Всмотреться в любимые лица,
Простыми сказать вам словами,
Что в думах народных таится.

Приветствуем дважды и трижды
Героев дивизии вашей!
Краса поколенья, горишь ты
Светлее на фронте и краше.

.
Воины-созидатели
Вольного края кавказского,
Сестры, невесты и матери
Руки протянут к вам ласково.

Наша надежда любимая,
Наша заря негасимая,
Счастье неколебимое
Создано вашею силою!

Не краснеем мы, припоминая
Долгие прошедшие века.
Были битвы. Среди них иная,
Может быть, для родины горька.
Пораженья и победы зная,
Знали мы, что родина крепка.

И, в годину тяжкую не сгнув,
Знали мы, что доблесть дорога.
Презирали тех, кто ранен в спину,
Кто бежал трусливо от врага.

Но огни давно минувшей тризны
С настоящим связаны навек.
— Ради братьев, ради всей отчизны
Встанет насмерть честный человек.

— Бей мечом, пошли стрелу из лука,
Целься метко — родина зовет! —
Так звучала братская порука
И сейчас по-новому живет.

Вольным духом и отвагой львиной
Был недаром древний витязь горд,
Горною он рушился лавиной
На полки несметных черных орд.

Вечно славен подвиг Горгасала,
Подвиг Луарсаба вечно жив.
Доблесть их победу принесла нам.
На века бессмертье заслужив.

Саакадзе — Моурав великий,
На врага поднявший правый меч;
Лев Ираклий, под лихие клики
Выигравший столько грозных сеч;

На бессмертном поле Бородинском
Павший генерал Багратион, —
Сколько в этом списке исполинском
Незабвенных в Грузии имен!

Сколько им предшествовало юных,
Смелых, безыменных удалцов,
Не воспетых в песнопеньях струнных
Прадедов, и дедов, и отцов!

Не считали, семеро ли братьев,
Девять ли изрублено в бою, —
Подымались, часу не потратив,
Как один за родину свою.

Слава тем, кто пал на поле ратном!
Эта слава, высшая из слав,
Вновь живет в движенье круговратном,
Громкий отзвук правнукам послав.

Слава их родителям и семьям,
Имени их слава и хвала!
Чтоб над их наследниками всеми
Родина сияла и цвела!

.
Вы родину нашу прославили.
На то отвечая, мы вдвое
Цвести и работать заставили
Хозяйство свое тыловое.

Богаты уменьем и волей,
Труда не бежали упорного,
Вспахали целинное поле
Для нового дня чудотворного.

На фронте вас часто тревожила
Мечта о лозе виноградной,
Минувшее в памяти ожило,
Звало и манило обратно.

Из лоз ни одна не завянет,
Клянемся в том честью и жизнью.
Богаче, счастливее станет,
Что создано было отчизной.

Что вспахано — будет засеяно,
Что сжато — то собрано будет,
Смолочено будет и свеяно,—
Так правда народная судит.

И вот уже с лоз виноградных
Свисают тяжелые гроздья.
На нивах колхозных нарядных
До плеч вырастают колосья.
В садах золотых и прохладных
Горит разноцветная осень.

.
Везде по низинам и кручам
Мы дело стараемся справиться.
Ваш трактор остался с горючим,
Ваш серп не успеет заржаветь.

И возглас живой по селеньям
Разносится снова и снова:
— Гроза не по божьим веленьям,
Успех не от праздного слова!

И все, что досталось трудом нам,
Умножит народную славу:
К печам присмотритесь и к домнам,
К сверканью могучего сплава!

Помните, грузинской женщины
Прозвучал призыв воинственный:
— Вам, сынам моим, завещаны
Силы родины единственной.

Раным-рано мать вставала,
Сына в битву провожала,
В добром доме хлопоча,
Головным платком вязала
Рукоять его меча.

И сегодня наши горы
Слышат голос материнский.
Женской нежностью и лаской
Ободрен народ грузинский.
Их сердца с мужскими вровень
Бьются в битве исполинской.

Вы, возвращенные бойцами,
Верность родине явите,
Помните наказ родимой
И врага возненавидьте.
Встаньте, други, ратным строем,
В мировую битву выйдя.

Клянемся мы павшим героям,
Что помнит о павших народ,
Что мы приютим и устроим
Печальных солдатских сирот.

Ни голой в мороз, ни голодной
Ничью не оставим семью,
Вращенную силой народной
Готовим мы смену свою.

Во имя победы и жизни
Сияет в сознание любом:
— Честней умереть для отчизны,
Чем жить на чужбине рабом!

Воеет огненная выюга,
Сотрясается вся твердь.
Но нужны мы друг для друга,
Чтоб осилить страх и смерть.

Нашу родину от горя
И от гибели храня,
Зорок будь, боец, в дозоре,
Храбр — на линии огня!

Защищаешь ты не даром
Человеческий очаг.
На удар ответь ударом,
Не жалея огня, смельчак!

.
Всех, кто в пепел превращает
Юной жизни колыбель,
Гнев народный не прощает,—
Без пощады их убей!

Всех, кто грабит достоянье
Славной родины твоей,
Плод уменья, цвет деянья,—
Без пощады их убей!

.
О славе скажут завтра, а сегодня
Не мне о ней принадлежат слова.
И все-таки нет славы благородней,
Чем воинская. На века жива!

Пускай же прозвенят о вас пандури,
Расскажет мать, баюкая дитя,
Споют потоки, прогрохочут бури,
Над скалами могучими летя.

СЕМЕН ЛИПКИН

Правый берег

Правый берег. Вот он перед нами.
Посмотри внимательней и пристальней.
Эти груды были кораблями.
Этот лес носил окраску пристани.

Странные, горящие туманы.
Здания стали деревом, а дерево
Превратилось в хаос первозданный.
Правый берег. Не узнать теперь его.

Пахнет мертвой рыбой, гарью, дымом.
Смерть. Но можно жить. А посчастливится —
И остаться можно невредимым:
Так война решила, прозорливица.

Моряки подходят к Сталинграду,
Те, которых все зовут: трамвайщики.
Нет, не к берегу, — к огню и чаду
Наскоро пришвартовались тральщики!

— Кончились билеты! — шутит кто-то.
Поливаемая автоматами,
С корабля на бой пошла пехота
Мостовыми, пламенем объятами.

На спардеке — старшина, сигнальщик.
Он не сводит с неба глаза карего.
Взяли раненых. Отчалил тральщик,
Словно искру отнесло от зарева.

*Ноябрь 1942 г.
Сталинград*

КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ

Проводы коммунистической бригады

Поздний август шумел ворохами оранжевых листьев
По безлюдному саду, по площади, по мостовым.
Расстилался над городом серый, удушливо-мглистый,
Занесенный ветрами пожара таежного дым.

В это раннее утро казались ровесники старше,
В это раннее утро был хмур и угрюм горизонт...
По прямому проспекту, с развернутым знаменем,
маршем
Коммунисты идут. Коммунисты уходят на фронт.

Брови сдвинуты. Сжаты сухие, упрямые губы.
Лица серы от пыли. Под кожей щек — желваки.
Уезжают на запад ангарской тайги лесорубы,
Енисейских низовьев охотники и рыбаки.

Рядом с ними идут остроскулые дети Тунгуски,
Смуглокожие люди ковыльных хакасских степей.
И, друзей провожая по давним обычаям русским,
Штормовую волною о берег гремит Енисей.

Торопливо подходят к вокзалу. Состав уже подан,
А гудки все ревут. Все ревут, не смолкая, гудки.
И хромой ветеран революции пятого года
Тихо шепчет им вслед: — Дорогие... Родные...

Сынки...

И как высшая честь, и как лучшая братская ласка,
Прозвучит после боя солдатский простой говорок:
— Ты откуда, браток?
— Издалека я. Из Красноярска.
Я к Берлину иду с берегов Енисея, браток!

1947

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

Моя Москва

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться,
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.
В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

1941

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Баллада о черстве м куске

По безлюдным проспектам
Оглушительно-звонко
Громыхала
На дьявольской смеси
Трехтонка.
Леденистый брезент
Прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны
Замечательных грузов.

Молчаливый водитель,
Примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
Хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло,
Вез консервы и водку,
И махорку он вез,
Проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант
Прятал нос в рукавицу.
Был он худ,
Был похож на голодную птицу.
И казалось ему,
Что водителя нету,
Что забрел грузовик
На другую планету.

Вдруг навстречу лучам —
Синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул,

Покорежен пожаром.
А сквозь эти лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, —
Плавню, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. —
Погодите, водитель.
Я, — сказал лейтенант, —
Здесьний все-таки житель. —
И шофер осадил
Перед домом машину,
И пронзительный ветер
Ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант
По знакомым ступеням.
И вошел...
И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки...
Бледные губки...
Старичок семилетний
В потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган?
Отвечай без обмана!... —
И достал лейтенант
Свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок
Дал он сыну: — Пожуй-ка, —
И шагнул он туда,
Где дымила буржуйка.

Там, поверх одеяла —
Распухшие руки.
Там жену он увидел
После долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться,
Взял за бедные плечи
И в глаза заглянул,
Что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант
Семилетнего сына :
Был мальчишка в отца —
Настоящий мужчина!
И когда замигал
Догоревший огарок,
Маме в руку вложил он
Отцовский подарок.

А когда лейтенант
Вновь садился в трехтонку,
— Приезжай! —
Закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи
Снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука,—
Плавно,
медленно,
сыто...

Грузовик отмахал уже
Многие версты.
Освещали ракеты
Неба черного купол.
Тот же самый кусок —
Ненадкушенный,
Черствый —
Лейтенант
В том же самом кармане
Нащупал.
Потому что жена
Не могла быть иною
И кусок этот снова
Ему подложила.
Потому, что была
Настоящей женою,
Потому, что ждала,
Потому, что любила.

1942
Ленинград

БОРИС ЛИХАРЕВ

Камень

Он выщерблен ветром,
Облизан метелью,
Он голый и синий, как лед.
Все камень да камень,
Он был нам постелью
Средь этих полярных широт.

Все камень да камень,
От Западной Лицы
До моря лишь камни видны.
Ни дома, ни дыма,
Ни зверя, ни птицы;
Куда ни взгляни — валуны.

Из них мы себе
Воздвигали жилище.
А с полюса хлынет зима —
И вьюга заплачет,
Застонет, засвищет,
И стужа нагрнет и тьма.

Но градом по камню
Ударили пули,
От грома качнулась гора,
Мы с камня поднялись,
По камню шагнули,
Когда нам настала пора.

Об этом словами
Не скажешь сегодня,
Об этом лишь буря гремит.

И те, кто остались
В той преисподней,
Не в землю легли,
А в гранит.

Его мы запомним
В краю невеселом:
Блестит он в полярной ночи,—
Все камень да камень,
Холодный и голый...
— Мы тверже, чем камень,
Молчи!

1944

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА

Начало

Лес раскололся тяжело,
Седой и хмурый.
Под каждым деревом жерло
Дышало бурей...

Стволам и людям горячо,
Но мы в азарте.
Кричим наводчикам:
«Еще,
Еще ударьте!..»

Дрожит оглохшая земля.
Какая сила
Ручьи, и рощи, и поля
Перемесила!

И вот к победе напрямком
За ротой рота
То по-пластунски,
то бегом
Пошла пехота.

13 сентября 1944 г.

Всеволод Лобода погиб 18 октября 1944 года в Латвии, неподалеку от г. Добеле.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

Приду к тебе

Ты думаешь:
Принесу с собой
Усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой
Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты —
 и ты жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
Как смерть меня обожгла.
А ты —
 ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
 а ты сама
Забыла, как поют.
Потом
 меня
 сведет с ума
Непривычный уют:
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу,
Начнешь, как прежде,
 стелить кровать,
А я
 усну
 на полу.

Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот.
Ночью,
вздогнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идет?!

Нет.

не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы!

Если так,
То лучше не приходить.
Придем — работать,
курить табак,

В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —
Благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу,
Теперь работать хочу.
Не за утешением —
утешать

Переступлю порог.
То, что я сделал, к тебе спеша,
Не одолженье,
а долг.

Друзей увидеть, в гостях побывать,
И трудно
и жадно жить.

Работать — в кузницу,
спать — в кровать.

Стихи про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.

Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Мои друзья

Госпиталь.

Всё в белом.

Стены пахнут сыроватым мелом.

Запеленав нас туго в одеяла

И подтрунив над тем, как мы малы,

Нагнувшись, воду по полу гоняла

Сестра.

А мы глядели на полы,

И нам в глаза влетала синева,

Вода, полы...

Кружилась голова.

Слова кружились:

«Друг, какое нынче? Суббота?

Вот, не вижу двадцать дней...»

Пол голубой в воде, а воздух дымчат.

«Послушай, друг...» —

И все о ней, о ней.

Несли обед.

Их с ложек всех кормили,

А я уже сидел спиной к стене.

И капли щей на одеяле стыли.

Завидует танкист ослепший мне,

И говорит про то,

как двадцать дней

Не видит. И —

о ней, о ней, о ней...

— А вот сестра,

ты письма продиктуй ей!

— Она не сможет, друг,

тут сложность есть.

— Какая сложность? Ты о ней не думай...

— Вот ты бы взялся!

— Я?

— Ведь руки есть?!

— Я не смогу!

— Ты сможешь!

— Слов не знаю!

— Я дам слова!

— Я не любил...

— Люби!

Я научу тебя, припоминая...—

Я взял перо.

А он сказал: — «Родная!» —

Я записал. Он:

«Думай, что убит...» —

«Живу», — я написал. Он:

— «Ждать не надо...» —

А я, у правды всей на поводу,

Водил пером: «Дождись, моя награда...»

Он: — «Не вернусь...» —

А я: «Приду! Приду!»

Шли письма от нее. Он пел и плакал,

Письмо держал у просветленных глаз.

Теперь меня просила вся палата:

— Пиши! —

Их мог обидеть мой отказ.

— Пиши!

— Но ты же сам сумеешь, левой! —

— Пиши!

— Но ты же видишь сам?! —

— Пиши!..

Всё в белом.

Стены пахнут сыроватым мелом.

Где это все? Ни звука. Ни души.

Друзья, где вы?..

Светает у причала.

Вот мой сосед дежурит у руля.

Все в памяти переберу сначала.

Друзей моих ведет ко мне земля.

Один — мотор заводит на заставе,

Другой — с утра пускает жернова.

А я?

А я молчать уже не вправе,

Порученные мне, горят слова.

— Пиши! — диктуют мне они.

Сквозная

Летит строка.

— Пиши о нас! Труби!..

— Я не смогу!

— Ты сможешь!

— Слов не знаю...

— Я дам слова!

Ты только жизнь люби!

1947

ВАЛДИС ЛУКС

(С латышского)

Милая в мире одна. Знай, что двух не бывает,—
есть только та, что шумит в твоём сердце, как клен,
есть только та, в чей ты ласковый голос влюблен,
сквозь любую метель сердце сразу ее угадает,
сколько в разлуке ни прожито дней,
мысли — о ней, и песни — о ней...

Даугава в мире одна. Знай, что двух не бывает,—
есть только та, что пришла к нам из русской земли,
есть только та, что, качая, несёт корабли,
и широкое море красавицу нашу встречает,
синие стынут над ней небеса,
древние дайны поют ей леса...

Родина в мире одна. Знай, что двух не бывает,—
есть только та, где висела твоя колыбель,
есть только та, что дала тебе веру и цель,
та, что звездною славой нелегкий твой путь осеняет,
к ней устремляется сердце твое,
память, как птица, поет про нее...

И ты, уходящий сегодня на бой,
готов и на смерть и на подвиг любой,
ибо сердце дано нам одно. Двух сердец не бывает!

1944

Невель

Перевод Вл. Лифшица

АНДРЕЙ ЛУПАН

(С молдавского)

Вступление в балладу

Только лишь солнце зашло —
сумерки враз наступили
и захлестнули село,
черной водой затопили.

Трое идут в темноте.
В ночь убегает дорога.
Кто они, путники те, —
нам неизвестно до срока.

Вот поднялись на откос,
воду из фляги отпили.
Тихо один произнес:
— Вот где Марию убили!

Смотрит он в черную тьму,
будто бы с кем-то прощаясь —
то ли к себе самому,
то ли к друзьям обращаясь:

«Трижды на склоне горы
грозди налиться успели.
Трижды с той самой поры
наши орехи поспели.

Значит, от нас навсегда
ты отошла без возврата
и не придешь никогда
с нами на сбор винограда...»

Тропка лесная узка —
тени их движутся вместе.
Их подгоняет тоска,
сердце зовущая к мести.

Тише, печаль, помолчи!
Смолкни до срока, обида!
Вот уж и скрылся в ночи
холм, где Мария убита.

.
Душит хватчиков страх.
Склады в ночи полыхают.
Только на наших холмах
мстителей лес укрывает.

1944

Перевод Ю. Левитанского

МИХАИЛ ЛЬВОВ

Чтоб стать мужчиной — мало им родиться,
Как стать железом — мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Как трудно в сапогах шагать в июле.
Но ты — солдат и все сумей принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943

Высота

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты —
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

1944

МИХАИЛ ЛЬВОВСКИЙ

Солдаты идут

Вот солдаты идут
По степи опаленной,
Тихо песню поют
Про березки да клены,
Про задумчивый сад
И плакучую иву,
Про родные леса,
Про родные леса
Да широкую ниву.

Вот солдаты идут —
Звонче песня несется,
И про грозный редут
В этой песне поется,
Про отвагу в бою,
И про смерть ради жизни,
И про верность свою,
И про верность свою
Нашей славной отчизне.

Вот солдаты идут
Стороной незнакомой,
Всех врагов разобьют
И вернутся до дому,
Где задумчивый сад
И плакучая ива,
Где родные леса,
Где родные леса
Да широкая нива.

1945

ГРИГОРИЙ ЛЮШНИН

Гайка

Бейте,
бейте шомполами, —
Все равно не закричу!
На решетке, сжав зубами,
Гайку ржавую верчу,
На свободе быть хочу!

Вот она, друзья, смотрите!
До нее подать рукой,
И я знаю,
как мне выйти
В мир из камеры сырой,
Хоть и смотрит часовой.

Смотрит,
грубо окликая,
С вышки пули сыплет вниз.
Есть ли сила в нем такая
Задержать меня —
не знаю.
Я ведь гайку перегрыз.

1943
Концлагерь
Ней-Бранденбург

МАКС МАЙН

(С марийского)

Весточка

Ой ты, ветер неукротимый,
Взвил и чаек ты и орла.
Залети ты к моей любимой,
Что осталась в Йошкар-Ола.
И шепни, кисею волнуя,
Что ее больше всех люблю я.
Передай ей, тоской томимой,
Чтобы верила, чтоб ждала.

Ой, река, ты летишь потоком,
Что безудержен и широк,
Протекая неподалеку.
Ты пошли к ней хоть ручеек.
Объясни, что, покуда любит,
Здесь тоска меня не погубит,
Огражден я любсвью зоркой
От случайностей и тревог.

Ой ты, гусь, ой, гусь белокрылый.
Полетишь над Йошкар-Ола,
Удружи — на крылечко к милой
Опустись ты, сложив крыла.
Да скажи ей, что не забуду,
Передай ей, что скоро буду,
Чтобы помнила,
Чтоб любила
И спокойно меня ждала.

1942

Перевод А. Корнева

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

Мы

Это время
трудновато для пера.

Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив.
Не докурив последней папиросы.

Политрук пулеметной роты Николай Майоров погиб под Смоленском 8 февраля 1942 года.

Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.

Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

МАРК МАКСИМОВ

Мать

Жен вспоминали
на привале,
друзей — в бою.
И только мать
не то и вправду забывали,
не то стеснялись вспоминать.

Но было,
что пред смертью самой
видавший не один поход
седой рубака крикнет:
— Мама! —
...И под копыта упадет.

1942

Баллада о часах

Врага мы в полночь окружить хотели.
Разведчик сверил время — и в седло!
Следы подков запрыгали в метели,
и подхватило их и понесло...

Но без него вернулся конь сначала,
а после — мы дошли до сосняка,
где из сугроба желтая торчала
с ногтями почернелыми рука.

Стояли сосны, словно часовые...
И слушали мы, губы закусив,
как весело — по-прежнему живые —
шли на руке у мертвого часы.

И взводный снял их.

Рукавом шершавым
сердито льдинки стер с небритых щек,
и пальцем — влево от часов и вправо —
разгладил на ладони ремешок.

— Так, значит, в полночь, хлопцы!
Время сверьте!..

И мы впервые поняли в тот час:
как просто начинается бессмертье,
когда шагает время через нас!

1943—1946

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

(С киргизского)

Курбан-Дурды

Сын туркменского народа, Герой Советского Союза Курбан-Дурды приехал в сентябре 1942 года с фронта на родину. Этот факт послужил поводом к созданию настоящего стихотворения.

Автор

Проезжая пески пустыни,
Что струятся быстрее воды,
Созерцая новые земли,
Города, поля и сады,
Я волнуюсь, я разгораюсь,
И душа не знает узды,—
И полно мое сердце песней
В честь родного Курбан-Дурды!

Это здесь ты верхом носился
Над бурлящей Аму-Дарьей.
Это здесь ты снимал рубашку,
Соблазненный быстрой волной.
Это здесь ты, в степях туркменских,
Мир впервые увидел свой;
Это здесь ты гулял с любимой,
Пламенея смелой душой!

Это здесь — когда ты в сраженьях
Шел вперед сквозь бурю огня
И врага в крови его черной
Утопил, оружием звеня,—
Скакуна для тебя готова,
Восторгалась тобой родня.

Ты ж, наверно, средь рек кровавых
Вспоминал Кара-Кумов вид,
Слышал голос той, черноокой,
Что стихом о тебе звенит,
А отец твой, мать и родные
Знали: их не коснется стыд,
И врагу не восстать из праха,
Коль его Курбан сокрушит.

И они угадали верно,
Сердце сердцу подало весть:
Ты сражался, смерть презирая,
Охранял народную честь.
Хоть попал ты в кольцо стальное,
Ты порвал его, точно лев;
Позабыв о тяжелой ране,
На врага ты обрушил гнев.

Сын Дурды! Мой Курбан! Держала
Наше знамя твоя рука;
Очищал ты землю от грязи
Благородной силой штыка.
Ты к тулпарам¹ привык туркменским,
Сам ты — сын туркменской земли,
Где такие, как ты, герои
Всенародный почет нашли,
Где султан Кёр-оглы, твой прадед,
Всех врагов растоптал в пыли,
Где сердца обжигал стихами
Старший брат твой Махтум-Кули.

Ты над ширью аму-дарьинской
Стройным тополем в небо взмыл,
Ты на мощной почве народа
Красным знаменем воспарил.
Стал ты честью твоих собратьев,
Стал вершиной твоей земли,
И к тебе молодые львята
У тебя учиться пришли.

¹ Тулпар — сказочный богатырский конь.

Богатырь — он ведь люб народу,
В нем увидевшему свой щит,
И возлюбленного героя
Благодарный народ хранит!
Знает он, что, тебе подобный,
Не боится смерти джигит,
А презренный могильщик-немец,
Чуя смерть, пред тобой дрожит.

Тот, чье сердце полно водою, —
Недостоин победы тот,
А у смелых сынов отваги
Сердце вечно мчится вперед.
И поэты, друзья народа,
О героях таких поют,
Прославляя их дух и разум,
Прославляя их ратный труд!

Скромный дар мой, песня поэта,
Пусть летит впереди дружин.
Пусть прибавит герою силы
Боевою песней акын!

Перевод Н. Манухиной

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

(С украинского)

Украина моя!

Запылали огни. За отрядом проходят отряды.
Самолеты гудят, — ведь на запад фронты и фронты.
Украина моя, ничего мне на свете не надо.
Только знать, что со мною, родная, по-прежнему ты!

Как мы с детства росли? Колыбель, колыхаясь,
скрипела,
Догорал каганец или слабо мерцала свеча.
Ты нам путь указала, — он вдаль уходил без предела,
И сверкающий луч был подобен удару меча.

«Баю-баю, сыночек, усни, баю-баю, мой милый...
Чтоб не сглазил никто...» И в словах материнских —
печаль,
Но степная дорога нас ночью из хат уводила,
И сестра наша, доля, манила нас в звездную даль.

Паровоз прогудит. Может, с фронта вернулись солдаты?
Снова рожь зацветет, снова люди пойдут по жнивью?
Возвращались отцы ненадолго в родимые хаты —
Научить сыновей, как винтовкой владеют в бою.

Журавли пролетели. То, может быть, вести от брата
Из карпатских долин, от полынных протоптанных меж?
Расколосась земля. И уже наступает расплата.
За лужком-бережком обагрился пожаром рубеж.

Это шла революция в серой солдатской шинели
Из окопной тоски, из-под пуль, по осенним полям.
Гомонили солдаты: «Наелись мы вдоволь шрапнели,
Пусть поест ее кайзер, а нам уж пора по домам!»

Пролетели года. Расцветает Шевченкова круча.
Домны плавят металл. В Поднепровье встает
Днепрэльстан.

Украина моя, наплывает тяжелая туча,—
Стая коршунов злых налетела из вражеских стран.

Не багряные звезды на крыльях — большие, родные,
Нет,— под крыльями бомбы и свастики черной кресты,
Но я видел в ночи: пламенеют глаза молодые,
И выходят полки, и бойцы занимают посты.

Наземь валится коршун, подбит в поединке жестоком,
Танки в сизом дыму, точно трупы, чернеют из мглы,
И, трассируя, пули текут золотистым потоком.
Кровь за кровь, смерть за смерть! Коршунье уничтожат
орлы.

У Днепра я спрошу: «Слушай, старый, ты видывал
виды,—
Что под градом стальным ты сегодня ответишь врагам?»
И рокошет мне Днепр: «Не забыл я и старой обиды,
А уж новую эту — вовек не прощу палачам!»

Весь запенился Днепр, и пожар он припомнил Батыев,
Восемнадцатый год и тевтонов, разбитых в бою.
«Здравствуй, Киев любимый!» И молвит приветливо
Киев:

«Ожидаю я вас и над кручей, как воин, стою!»

Украина моя! Твои дали грозою пропахли.
Молодая степнячка! Росинка на грани весла!
Я отдам свою кровь, свою силу и юность до капли,
Чтоб из пепла ты встала и тополем в небо росла.

Запылала огни. За отрядом проходят отряды.
Самолеты гудят,— ведь на запад фронты и фронты.
Украина моя, ничего мне на свете не надо,
Только знать, что со мною, родная, по-прежнему ты!

Ты опять мне приснилась на горной вершине
 Синим лугом, ромашкою, птицею с ванилиной ухой.
 Ну, возьми мою кровь, мое сердце являю в твои руки.
 Только снами не мучь и невинными горем не мучь!

Много верст исходил я — не сотню, не двести, не триста.
 Все поход, и поход, и опасность, и труд впереди.
 И звезда мне шелнула, сверкая тепло и лучисто.
 «Что стоишь как немой? На свою Украину гляди!»

На свою Украину, откуда лишь клекот орлиный
 Над курганом высоким, в туманных просторах долины.
 И лежала земля, и клубился пожар над долиной.
 Я глядел, и немел, и, прощаясь,— проститься не мог!

Вновь зову я тебя. Иль по голосу не распознала?
 Вновь прошу: отзовись! Молодая, родная моя!
 Стать бы ветром в степи — только туча все небо застала,
 Звонкой песней позвать бы,— но где отыскать соловья?

В приднепровской долине ромашка завяла, побита.
 Старый тополь скрипит. Догорает отцовский мой дом.
 И не хочется ветром ложиться коню под копыта,
 Соловьем запевать на обугленном взгорье твоём.

Я дышать буду, падать, бороться, покуда не сгину,—
 А к какому сегодня еще мне идти рубежу?
 Твоей муки и горя возьму я себе половину,
 В непокорном, неистовом сердце своем положу!

И пойду, как Микула, под ношей согнусь, потемнею,
 Весь иссохну от жажды, и, может, в пути упаду,
 Но я знаю — увижу: цветы расцветут, пламенея,
 Вновь в твоём, Украина, зеленом и вечном саду.

Перевод Б. Турганова

Вставай же, родная, для счастья и воли,
 О, как мы с тобой еще будем богаты:
 И радугой в небе, и мальвами в поле,
 И мезтью врагу над обломками хаты.

Коснусь тебя нежно в тревожной заботе
 И, гневом палимый, увижу воочью:
 Истерзанный мукой ребяческий ротик,
 Железом пронзенные девичьи очи.

О нет, палачам не поможет нагайка,
 Расплатимся с ними расплатой крутою!
 Среди дымного поля встает Наливайко
 И землю колеблет могучей рукою.

Вот, плечи расправив и сбросив оковы,
 До неба встает он, где туча кружится...
 С оружием, дети Железняковы,
 Пройдем мы дорогой вдоль спелой пшеницы.

Вдоль спелой пшеницы, по белой ромашке,
 По синей дубраве к дождю золотому.
 В котомке сухарь, и водица в баклажке,
 И встретят нас сестры у отчего дома.

Довольно разлуки! Для счастья и воли
 Вставай, Украина! Мы будем богаты:
 И радугой в небе, и мальвами в поле,
 И мезтью врагу над обломками хаты!

Перевод М. Зенкевича

В

Не плачь, моя мать, не надо, не возвратишь ты сына.
 Вот он лежит сраженный, сжимая винтовку свою.
 И меркнет декабрьский вечер, туманом полна долина,
 Идут из лесов повстанцы — живые, в дыму, в бою.

РЕВАЗ МАРГИАНИ

(С грузинского)

Грузин в бою

Когда вчера умолк последний бой
И стал холодным жаркий ствол винтовки,
И крик атак улегся над землей,
И гром артиллерийской подготовки;
Когда пришел отдохновенья час
И тишина настала перед ротой,—
Какою вдруг печалью и заботой
Повеяло на каждого из нас!

Из тишины замолкнувших полей
Возник напев тоскующий и страстный.
Ах, все свирели Грузии моей
Не знают песни более прекрасной!
Она грузину свойственна в бою:
Завидев смерть, он нам поет о жизни,
Чтоб облака, плывущие к отчизне,
Несли напев на родину мою.

Чтоб девушки родной моей земли,
Моей святой грузинской колыбели,
Заслышав песнь знакомую вдали,
О брате погибающем скорбели,—
О том, кто здесь отважен был и смел,
Кто превозмог все горести и беды,
Кто пал в бою, кто в час своей победы
В последний раз своей отчизне пел!

Так, оглашая песнями поля,
Мы бьемся даже на краю могилы,
Чтоб Грузии священная земля
Всегда цвела, исполненная силы.
И что дивиться, коль напев бойца,
Который пел перед своей кончиной,
Спаял нас в круг железный и единый
И переполнил мужеством сердца?

1943

Перевод Н. Заболоцкого

ПЕРЕЦ МАРКИШ

(С еврейского)

Вагоны, лязгая, ползли неторопливо,
Сыпнотифозное баюкая дитя,
И ветры, воем душу отводя,
Шли плакальщиками вблизи локомотива.

В окно вперив потусторонний взгляд,
Ребенок возлежал, на груде торб покоясь,
Так, засмотревшийся, и был он смертью взят,
И тут как вкопанный остановился поезд.

Никто не всхлипывал. Одни лишь буфера
Отстукали его душе поминovenье...
А поезд, постояв растерянно мгновенье,
Опять рванулся в путь, им начатый вчера...

Он ляжет — маленький скелетик, одинокий,
У самой насыпи, под снеговой завей.
Его потом фашист отметит, как трофей,
Захваченный в сраженье на востоке.

1941

Перевод М. Тарловского

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

Расстрел

Привели сынишку коммуниста.
Встал он рядом с матерью у рва.
А стрижи резвились в небе чистом,
И росла веселая трава.

Дал команду офицер немецкий.
Автоматы глянули в упор.
Вот взметнутся огненные всплески,
И окончен будет разговор.

Но иначе думает курносый,
И улыбка на его лице:
Не докурит немец папиросы,
Все не так получится в конце!

Из-за леса вылетит тачанка,
И враги рванутся наутек.
Пулеметом прострочит их Анка.
Слышишь, конский топот недалек!

Или красных партизан засада
Пленников избавит все равно,
Или Павка налетит с отрядом...
Словом, так, как видел он в кино.

И упал мальчишка навзничь с верой,
С ожиданьем радостным в глазах,
Что покончат с этим офицером
Красные, примчавшись на рысях!

1913

СЕРГЕЙ МАРКОВ

Суворов

Холодный плащ с простреленной полой,
И крестики узора на сорочке,
И ладанка с московскою землей
На потемневшей бисерной цепочке.

Эфес расшатан, треснули ножны,
Но он презрел парадную отвагу;
И без того народы знать должны
Разящую суворовскую шпагу!

Он вспоминал шестидесятый год —
Осенний дождь, разбрызганную глину.
Струилась кровь у городских ворот,
И казаки скакали по Берлину.

Он говорил: «Пруссак и знать не мог,
Что здесь его достанет наша пика.
А русский штык? Орлы, помилуй бог,
Недаром мы клевали Фридерика!»

Суворов хмурит старческую бровь:
«Что есть мечта? Прошедшего наследство...»
И тот поход, как первая любовь,
А может быть, как радостное детство.

Душа — железо, а мечта — опал,
Мечта ложится в прочную оправу.
О призрак детства — старый Ганнибал,
Провидевший суворовскую славу!

Орлиный век, орлиная судьба!
Одна лишь мысль о них — благоговейна.
Поет фанаторийская труба,
Ведет полки от Ладоги до Рейна.

Дунайский ветер, жесткий финский снег
И площади встревоженной Варшавы...
Идет необычайный человек
К вершинам чистым подвига и славы.

За ним шагают верные полки,
Мерцает медь безжалостных прикладов,
И ровно светят тульские штыки
В лазури италийских вертоградов.

Идет сквозь лед, граниты и грозу
С уверенной улыбкой исполина.
На горном солнце искрится внизу
Извилистая рейнская долина.

Грозит снегам стремительным перстом
И, вдохновленный мужества примером,
Обняв солдата, дедовским крестом
Меняется с героем-гранатером.

И глубина альпийской синевы
Струит прохладу чистого колодца.
Как сердце бьется! И земля Москвы
Опять стучится в сердце полководца.

АЛЕКСАНДР МАРТЫНОВ

(С мордовского)

На фронтовой дороге

К полосе прифронтовой
Поезд вышел с полустанка.
На вагоне часовой:
Это девушка-мокшанка.

Тут же возле, под рукой,
Пулемет стоит зенитный,—
Твой товарищ боевой,
Как и ты, всю ночь не спит ок.

Все сильнее ветра свист —
То, за груз свой беспокоясь,
Подгоняет машинист
Раскаленный бегом поезд.

Все светлее в темноте
Блеск прожектора струится.
Черный «юнкерс» в высоте
Кружит злобной, хищной птицей.

Но вбивает пулемет
В небо огненные гвозди.
Рухнул наземь самолет,
Гарью пахнет свежий воздух.

Вновь вокруг — ночной покой...
Девушка легко вздохнула,
Глядя ласковой рукой
Остывающее дуло.

В памяти своей несу
Эту ночь у полустанка,
Этот бой в глухом лесу
И тебя, моя мокшанка.

Перевод Н. Куштума

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Народ-победитель

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

1945

САМУИЛ МАРШАК

Часы на башне

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемет.
Но ползут по кругу стрелки, —
Время движется вперед!

Под землей лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вделанное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам —
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надежен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

Городу-герою

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:

«Отстоим!»

А сверху «р» добавлено:

«Отстроим!»

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

Седьмая симфония в Москве

Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.

Была непогода скупа,
Снежком припущенная малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.

Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем.

Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре, смычок за смычком,
Проснулись, зажглись, засияли.

Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели,
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана, как партитура.

Над миром взрывалась гроза.
Еще никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Оркестр, обезумев, вопил
Одну музыкальную фразу.

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила ее канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Гудела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

1944

Счастье

Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Все, что для камней невыносимо,

Когда, одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мертвым было уже нетрудно,

Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом,
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом,

Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи,
Я не грельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:

Жить не украдкой, жить не полаком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье все, целиком,
Мы не сойдемся на половинс.

1945

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

(С литовского)

Если мимо пройдешь

Есть в России степная равнина...
Об Орловщине память жива...
Деревушку в пуху тополином
Называют в народе — Литва...

Близко слышали грохот орудий
Палисадники, избы и пруд...
Здесь простые и скромные люди
Любят труд свой и мирно живут...

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,
Не забудь — деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Мы товарищей там потеряли,
Уцелевшие в буре войны, —
Там отважно боролись и пали
Нашей родины славной сыны.

Мы сражались у этой деревни,
Чтобы родина наша жила,
Чтобы башня над Вильнюсом древним
Стяг багряный опять подняла.

Подарили герои родные
Нашей родине славы венки...
Помним русские дали степные,
Помним русский степной уголок...

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,
Не забудь — деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Перевод А. Кленова

Аллегория развалин

Не дома, а черепа здесь,
И безгубы, и безглазы, и безносы;
Ведь в жилых домах, как золото, сверкают
И уста дверей, и очи окон,
В незакрытых льются речи, речи, речи;
Живо, прямо, грациозно высятся носы балконов.

У живого дома взоры ясны,
Он соперничает с соседом
И поет соседке серенаду,
Аккомпанируя на проводах, как на струнах.
Он живой, он весь жилой, он теплый,
Ибо жизнь струится по всем жилам,
Ибо золотой очаг зажженный
Это — сердце, в котором бьется живой пламень.
Распространяющий тепло по всему дому,
И, подобно живому человеку, движется жилой дом,
Не дома, а черепа здесь,
И безглазы, и безгубы, и безносы,
Только горы черепов кругом.

Сквозь безносый череп свищет ветер,
Воронье клюет остаток глаза,
И пожаловаться не может череп,
Ибо нет у него и уст для жалоб,
Только из разинутого входа

Торчат еще зубы лестниц; их искрошило
Попадание снаряда...

И когда порыв могучий дождевой осенней непогоды
Задевает черепа, летит сквозь рты пустые,
И безносые проемы, и глазницы их пустые,
И холодная вода льется в середину дома,
Вот тогда им, черепам шершавым,
Снится бывшее тепло
И, как будто слезы скорби, из глазниц их дождь
струится

По щекам, по скулам стен,
По расстрелянным рыдают
Эти мертвые тела.

Не дома, а черепа здесь,
И безносые, и безгубые, и безглазые,
Как когда-то на фуражке бесноватого владельца
Этой сумрачной столицы —
Череп!

Но дома еще тогда превратились в черепа,
Когда вынули из них разум, мозг
И бездумно погасили их пылающее сердце,
Чей былой могучий пламень руки гениев согрел,
И двадцатого столетия появилась пустота,
Та, в которой поселились и насилие и ложь —
Все, что вывихнуло руки и творцам, и земледельцам,
И литейщикам, и детям.
Здесь, в стране, дома которой превратились в черепа,
Здесь чудовище глумилось,
И брало оно больших и малых
Под ефрейторский сапог;
Всех топтало, точно карликов ничтожных,
Грело огрубевшие ручки
У костра, который при дороге
Был воздвигнут из картин и книг,
И, нажравшись человечины кровавой,
Теплой кровью человеческой запивало
И над карликами потешалось.
Но природа пустоты не любит,
И пришло возмездие... Помпея...

Не дома, а черепа здесь,
И безгубы, и безносы, и безглазы,
Горы черепов; хохочет ветер
Через их безносые проемы,
И в глазницах слезы холодеют,
Но ведь губ-то нет, и черный рот
Не умеет петь, скорбеть, рыдать.

1945
Берлин

Перевод Л. Мартынова

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

Утром

Ах, шоферша,
пути перепутаны! —
Где позиции?
Где санбат? —
К ней пристроились на попутную
Из разведки десять ребят...

Только-только с ночной операции —
Боем вымученные все.
— Помоги, шоферша, добраться им
До дивизии,
до шоссе.

Встали в ряд.
Поперек дорога
Перерезана.
— Тормози!
Не смотри, пожалуйста, строго,
Будь любезною, подвези!

Утро майское.
Ветер свежий.
Гнется даль морская дугой.
И с балтийского побережья
Нажимает ветер тугой.

Из-за Ладоги солнце движется
Придорожные лунки сушить.

Глубоко
в это утро дышится,
Хорошо
в это утро жить.

Зацветает поле ромашками,
Их не косит никто,
не рвет.

Над обочиной
вверх тормашками
Облак пороховой плывет.

Эй, шоферша,
верней выруливай!
Над развилкой снаряд гудит.
На дорогу, не сбитый пулями,
Наблюдатель чужой глядит...

Затянули песню сначала.
Да едва пошла
подпевать —
На второй версте укачала
Неустойчивая кровать.

Эй, шоферша,
правь осторожней!
Путь ухабистый впереди.
На волнах колеи дорожной
Пассажиров
не разбуди!

Спит старшой,
не сняв автомата.
Стать расписывать не берусь!
Ты смотри, какие ребята!
Это, я понимаю, груз!
А до следующего боя —
Сутки целые жить и жить.
А над кузовом голубое
Небо к передовой бежит.

В даль кромешную
пороховую,
Через степи, луга, леса,

Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,—
Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда

еле слышно

сказал

комиссар:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.

Есть —

Превыше устава —

Такие права,

Что не всем,

Получившим оружие,

Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорюзлых
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днепре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

ЮРИЙ МЕЛЬНИКОВ

Мы уходили призываться...

В ту осень на лугу широком,
Там, где течет река Москва,
Поблекла у дорог до срока
Войной помятая трава.

Зерно неубранное мокло,
И все сильнее день ото дня
У нас в избе дрожали стекла
От орудийного огня.

...В разрывах небо под Москвою.
Замаскирован в окнах свет.
Все ближе,
ближе грохот боя,
А нам повесток нет и нет.

Остановились эшелоны,
В вагонах рвется динамит...
Узнали мы от почтальона,
Что наш военкомат разбит.

А нам уже по восемнадцать,
И нас четырнадцать ребят...
Мы уходили призываться
В соседний райвоенкомат.

Нам на прощанье рук не жали
Подруги наши в эти дни.
Окопы для солдат копали
У Дубосекова они.
И нас отцы не провожали,
А только матери одни.

БАГАУТДИН МИТАРОВ

(С табисаранского)

Сообщите друзьям

Письмо к родным

Если вас обо мне
Будет спрашивать старый знакомый
И друзья и подруги
С вопросами явятся к вам,—
Передайте друзьям,
Что на фронте средь гула и грома
Я спокоен и счастлив,—
Сообщите об этом друзьям.

Передайте друзьям:
С отделением пехотного взвода
Я иду по тревожным лесам и степям.
Я — советский солдат,
Я воюю за нашу свободу.
Я спокоен и счастлив,—
Сообщите об этом друзьям.

Сообщите друзьям,
Что здесь небо гудит и дымится,
Что, взлетая навстречу
Своим чернокрылым врагам,
Над землю летят
Краснозвездные птицы
И горят «хейнкеля»,—
Сообщите об этом друзьям.

Багаутдин Митаров погиб на фронте в 1943 году при освобождении Винницы.

Мы тверды и спокойны:
Под грохотом мин и фугасок
Солнце родины светит приветливо нам.
И я чувствую, как
С каждым днем,
С каждым часом
Становлюсь я сильней и сильней.
Сообщите об этом друзьям.

Передайте друзьям,
Что, наверное, скоро приеду,
Поклонюсь я
Родимым горам и лугам.
Передайте друзьям,
Что уже недалеко победа,—
Мы шагаем на запад.
Сообщите об этом друзьям.

Сообщите друзьям,
Что не хвастают счастьем герои,
А в тяжелое время
Из глаз их не капать слезам...
Вот уж кончилась ночь.
Мы готовимся к новому бою...
Мы и в этом бою победим,—
Сообщите об этом друзьям.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Посылка

Две нательные фуфайки,
На портянки — серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Меховые рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чисто было
После долгого пути,
Два куска простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничное варенье
Своего приготовления,—
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Все, что нужно для бритья,
Если бритва есть своя.
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иголка —
Если что-нибудь порвешь,
Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свиной —
Открывай ее и ешь!

Все завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

1941

Карта

Вторые сутки город был в огне,
Нешадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене —
Ушли ребята, снять ее забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,
Вошел боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспаленных глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

Но вдруг, решив, он снял ее с гвоздей
И, вчетверо сложив, унес куда-то,
Изображение родины своей
Спасая от захватчика-солдата.

Случилось это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
Когда бойцы под самую Москву
В незыблемой стояли обороне.

Шел день за днем, как шел за боем бой,
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с ее судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

Когда же становились на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на нее бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной,
Искал свой дом: Казань, Рязань, Калугу,
Один — Баку, Алма-Ату — другой.
И так, склонившись над своей страной,
Хранить ее клялись они друг другу.

Родные очищая города,
Освобождая из-под ига села,
Солдат с боями вновь пришел туда,
Где карту он когда-то взял из школы.

И, на урок явившись как-то раз,
Один гарнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была
От города Орла до Приднестровья,
И пятнышко темнело у Орла.
Да! Было то красноармейской кровью.

И место ей нашли ученики,
Чтоб, каждый день с понятным нетерпением
Переставляя красные флажки,
Идти вперед на запад, в наступленье.

ВЛАДАС МОЗУРЮНАС

(С литовского)

Горсть земли

Рассказывала матушка, бывало,
Как покидали милые края,
Как при разлуке сердце горевало
И шелестели грустно тополя.

Как уносили горсть земли в котомке
И за морями синими, вдали,
Когда замолкнет разговор негромкий,
Пересыпали горсть родной земли.

А мы не брали ничего с собою.
И что могли мы взять с собой, скажи!
Быть может, это небо голубое,
Быть может, те ромашки у межи?

Вмещает горсточка земли так мало,
А всей Литвы с собой не унесешь,
Всего, что нас влекло и волновало,
Полей, в которых зацветает рожь...

Не унести в котомке за плечами
Очаг родимый, неба синеву...
И мы ушли с тяжелыми сердцами,
Но поклялись отвоевать Литву.

1943

Перевод С. Мар

ИВАН МОЛЧАНОВ

Дороги

Чуть горит зари полоска узкая,
Золотая, тихая струя...
Ой, ты, мать-земля родная, русская,
Дорогая родина моя!

В серебре деревья, как хрустальные,
Но тревожен зимний их узор...
И бегут, бегут дороги дальние
Средь полей в немереный простор.

Чья душа с тоскою ни оглянется:
Сквозь туман, взрывая ночь и тьму,
Вражья рать по тем дорогам тянется
К городу родному твоему.

Ой, дороги, дымные, военные,
За Москву тяжелые бои!
На дорогах вору иноземные
Растеряли головы свои.

Не для них сады у нас посажены,
Молодые, светлые сады;
Не для них дороги наши лажены,
Не для них построены мосты!

Ты гори, зари полоска узкая,
По земле ползет пожаров дым...
Мы тебя, земля родная, русская,
Никогда в обиду не дадим!

1941

ВИТАУТАС МОНТВИЛА

(С литовского)

У могилы друзей

Друзья-бойцы, люблю я вас.
Нет вас... но свет ваш не погас.

Отчизне — жить,
И жизни — быть,

Всегда, везде
Светить звезде.

Над вами здесь
Взвывается песнь,

А с ней, красна,
Придет весна,

Придет, лучась,
В счастливый час...

Друзья-бойцы, люблю я вас,
Нет вас.. но свет ваш не погас.

1941

Перевод Л. Озерова

Витаутас Монтвила — революционный поэт Литвы — схвачен гитлеровцами в начале войны. Монтвила стойко перенес нечеловеческие пытки и не отрекся от своих убеждений. Вскоре он был расстрелян.

АРТУР МОРО

(С мордовского)

Каштан у дороги

Борису Масальгину

У широкой дороги каштан.
Мы немного под ним отдохнем.
Над Карпатами — черный туман
И раскатистый пушечный гром.

Перед нами — деревня Литьень,
А за нею Форешти нас ждет.
Овивая узорный плетень,
Легким цветом шиповник цветет.

Мнится мне: я в Ключевке родной,
Где шумит мой покинутый сад.
Но все это — лишь сон золотой...
В путь, товарищ, на приступ Карпат!

1944
Фольгичени

Перевод Б. Бендика

СИМЬОН МОСПАН

(С молдавского)

Верю я в недолгую разлуну

Верю я в недолгую разлуну,
Дома буду о войне писать.
Если правую утрачу руку —
Левой научусь перо держать.

Об одном грущу я: коль придется
Мне погибнуть на полях войны —
Томика стихов не наберется
От меня на память для страны.

Юношам я песни пел порою,
Пусть хоть им они послужат впрок;
Что ж, коль вспомнится и остальное, —
Значит, все же людям я помог.

Значит, не напрасно сердце билось,
Песни дать Молдове я хотел...
Много их в груди моей теснилось,
Только написать их не успел.

1944

Перевод В. Бугаевского

Сямьон Моспан погиб на фронте в Восточной Пруссии.

МИКОЛА НАГНІБЕДА

(С украинского)

Последнее письмо

Черноморцы спят в палате,
За окошком ливень замер.
Тишина. Сестра в халате
Ходит тихими шагами.

Спят не все. Тому, что с краю,
Перед вечным сном не спится.
Он зовет сестру:

«Родная,
Напиши письмо, сестрица!
Пусть жена в большой заботе
Будет стойкой в горе каждом.
Я прошел в морской пехоте
С боем землю нашу дважды.
Напиши, как комендоры
Шли в атаку по долине,
Как морей родных просторы
Снились мне на Украине,
Как мы все врага карали
В Сталинграде нашем грозном,
Как мы Днепр переплывали
В ноябре деньком морозным.
Все я вижу на прибое
Севастополя зарницы...
Что же, девушка, с тобою?
Ты не плачь. Пиши, сестрица,
Что любовь свою без края
Отдал я за Украину,
Что в письме я посылаю

С бескозырки ленту сыну.
Словно чайки вольной крылья,
Ленту веял надо мною
Приднепровья ветер сильный,
Ветер битвы под Москвою.

А теперь подай мне руку,
Встану рядом я с тобою:
С жизнью вечную разлуку
Черноморем примет стоя!»

1944

Перевод А. Прокофьева

АШИРМАТ НАЗАРОВ

(С узбекского)

Старый солдат

В колхозной чайхане солдат
Сидит на видном месте.
У юношей глаза горят,
Как черное созвездье.

Он все, что пережил народ
В державе зарубежной,
На свой язык переведет —
Взволнованный и нежный.

Летят мечты, как облака
По небу в ясных звездах.
И, как орла крыло, рука
Сечет вечерний воздух:

• Там ад земной, там палачи,
Там дым над пепелищем.
Смеясь, швыряют богачи
В лицо обьедки нищим.

Там из резины черной вьют
Безжалостные плети.
Кто попадется — насмерть бьют:
Пусть женщины, пусть дети!

Я шел за правду на войну!
Вела меня дорога
И в ту далекую страну
От милого порога.

Я помню пробужденья час!
Мы встали на кордонах,
И люди целовали нас
И звезды на погонах

И на пилотках. От лучей
Их красного созвездья
Бежали орды палачей,
Увидев знак возмездья.

И мною сбитый самолет
Лежит у переправы.
Мой враг в чужой земле гниет,
Мой друг там косит травы,

Мой танк взошел на пьедестал
Там, в Праге, за горами.
И над Дунаем стройный встал
Мост, выстроенный нами.

И я опять пришел в кишлак —
Пора боев минула.
Тих и спокоен наш земляк —
Ни грохота, ни гула.

Но голос у меня могуч,
Когда «Вперед! За мною!»
Я крикну, — словно глыбы туч
Столкнутся над землею!

Зарыт четыре раза был
Снарядами. Но снова
Бессонный фронт — не тихий тыл —
Меня видал живого.

А пули десять раз подряд
Меня в боях задели.
Я шел бесстрашно, говорят,
В простреленной шинели.

Не заблудился я в лесах,
Не потонул в болотах!
И дело тут не в чудесах,
Не в сложных оборотах, —

И если назван ты бойцом,
Так, значит, будь достоин:
Ни пред врагом, ни пред свинцом
Не нагибайся, воин!

Не мальчик я — седой джигит,
Но, земляки, поверьте
Мне, если родина велит,
Я встану против смерти.

Хотя вы молоды, друзья,
А мы уже в почете,
Но отказать и вам нельзя —
Вы хороши в работе!

И я уверен, что в бою
Меня не осрамите
И биографию мою,
Как должно, повторите!

О молодость! Ты хороша!
Что может быть чудесней?
Щедра, горда твоя душа —
Сравнима только с песней.

О молодость! Весенний той
И праздник ежечасный!
О молодость! Мой край родной,
Воистину прекрасный!»

ХОЦА НАМСАРАЕВ

(С бурятского)

Звуки песни моей

Вдаль устремитесь
По волнам голубым,
По теченью реки Селенги,
Звуки песни моей!

Превратитесь
В сад цветущий, густой,
В солнце, ветер и лиственный шум,
Звуки песни моей!

Прикоснитесь
К богатырским рукам
Наших юношей, смелых бойцов,
Звуки песни моей!

Отразитесь
В песнях будущих лет
Нашей славой и мудростью дел,
Звуки песни моей!

Закалитесь,
Как магнитная сталь,
Безотказно разящий булат,
Звуки песни моей!

Обернитесь
Оперенной стрелой,
Поражая презренных врагов,
Звуки песни моей!

Повторитесь,
Как припев боевой:
«Бей врага!»
«Бей врага!»
«Бей врага!» —
Звуки песни моей!

Развернитесь
Пятилучием звезд
На солдатских сердцах сыновей,
Звуки песни моей!

Размахнитесь,
Будто меч золотой,
Из народных преданий сверкнув,
Звуки песни моей!

Отзовитесь,
Словно эхо на гром,
Славьте нашу советскую жизнь,
Звуки песни моей!

Разгоритесь
Юным жаром в крови
У ровесников наших седых,
Звуки песни моей!

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

В те годы

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал,
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебя!

1942

Дорога в Тчев

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрестке битых три часа
Я стоял ошеломленный, вовсе проглядев
Все выдавшие на свете синие глаза.

Вел колонну итальянцев одноруким серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивильные поляки, — пестрая толпа! —
Шел француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шел старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полунствившим на худой спине.
— Где батрачил ты? — спросил я. — Где свой ищешь
дом?
— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.

Шла девчонка. Платье — в клочья, косы — как кудель...
«Вот, — подумал я, — красотка с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадемуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диковинных отрепьях, сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка — что за странный взгляд.
— Где ж ты родичей оставил, Расскажи, малец?!
— Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы... Что там толпы — тьмы!
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

1945

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

Весна на старой границе

Александрю Лильеру

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведал пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями,—
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделение
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала:
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещенье.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясения —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверса —
Москва!

1944

Башмани

Открыта дорога степная,
к Дунаю подходят полки,
и слышно —
гремит корпусная,
и слышно —
гремят башмаки.

Солдат Украинского фронта
до нервов подошвы протер, —
в походе ему
для ремонта
минуту отводит каптер.

...С распахнутым воротом —
жарко! —
пыльца в седине на висках —
аллеей Шенбруннского парка
ефрейтор идет в башмаках.

Встает изваянием Штраус —
волшебные звуки летят,
железное мужество пауз:
пилотку снимает солдат.

Ах, звуки!
Ни тени,
ни веса!
Он бредит в лучах голосов
и «Сказкою Венского леса»,
и ласкою Брянских лесов,
и чем-то таким васильковым,
которому
тысячи лет,
которому в веке суровом
ни смерти,
ни имени нет,
в котором стоят,
как живые,
свидетели наших веков,
полотна военной России
и пара его башмаков!

1945

САЛОМЕЯ НЕРИС

(С литовского)

Мария Мельникайте

1

Мала, за стадом не видать,
Разыскивать устанешь.
Марите, кто мог ожидать,
Что ты великой станешь?

Бывало, матушка зовет:
«Да где же ты, Марите?»
Зовут подруги в свой черед.
Зовите не зовите!

Марите черненьких овец
Пасла в тетради белой.
«Не поздно ль, — спрашивал отец, —
Ты за ученье села?»

Ночник мигал и вкрявь и вкось,
Ложилась тень короче,
Откуда мужество бралось?
За книжками все ночи...

2

Окно открыто, даль светла.
Плывут потоки света.
Тебя отчизна позвала:
«Моя Марите, где ты?»

Мы на закате в тишине
Пастушку увидали:
Считала камушки на дне,
Те камушки сверкали.

Но это не Марите — нет,
А солнце заходило,
Ладонью тонкою, как свет,
По лицам проводило.

3

Вдруг загремели небеса
И дождь полился сталью,
И кровью выпала роса,
И села запылала.

И сыновей отчизна-мать
Молила о защите.
Ушли мужчины воевать,
А что же ты, Марите?

Сказала ты: «Отчизна-мать,
Свобода — мне сестрица».
Дорогу подвига избрать
Не каждая решится.

Но ты у родины в долгу
Остаться не хотела,
Ты не сказала: «Не могу», —
Пошла на подвиг смело.

Озера плакали навзрыд,
Темнели и бурлили,
И был печалью лес покрыт,
Как налетевшей пылью.

4

Отряд остался у реки,
Лед тронулся недавно.
И окружили вас полки,
Что ж, погибать бесславно?

— В ловушке гибель нелегка! —
Воскликнула Марите.—
Не выдаст нас своя река.
Товарищи, плывите!

Намокла прядь твоих волос,
И губы посинели.
Откуда мужество бралось
В девичьем тонком теле?

в

Ночь за решеткою долга,
И ты одна осталась.
Не станешь ты в руках врага
Рассчитывать на жалость.

И ты промолвила врагам
Бесстрашно и сурово:
— Пусть камни отвечают вам,
Я не скажу ни слова.

Привыкли жечь и грабить вы.
Эй, палачи, дрожите!
Вы не погубите Литвы,
Хоть сгубите Марите.

Захватчиков душила злость,
Тебя пытали, били.
Откуда мужество бралось?
Молчала, как в могиле.

б

Пестрели яркие цветы,
Дул ветер на раздолье,
Во все глаза глядела ты
На молодое поле.

Еще не погасила мгла
Зеленых листьев пламя,
И тучи мельница гнала
Широкими крылами.

Ладья по Дукштасу плыла.
Кругом шуршали лозы.
Как хороша Литва была,
Как хороша сквозь слезы!

В прохладный Дукштас в этот час
Рыбак закинул сети.
А с них ты не сводила глаз
В последний раз на свете.

На грудь склонилась голова,
И вытянулось тело...
Докончит за тебя Литва
Твое святое дело.

Наступит новая весна,
Пробьются всходов нити,
И песней помянет страна
Отважную Марите.

1944

Перевод С. Мар

Соловей не петь не может

Растает снег, и зацветет сирень.
В сирени соловей не петь не может.
Пусть на руинах черных деревень
Обугленные ветки ветер гложет;

Пусть запах пороха в полях пустых
И запах тления нам сердце ранит,—
Возьмемся дружно и засеем их,
Очаг родной опять уютным станет.

И подивится долгий летний день
Работе нашей, рук никто не сложит.
Растает снег, и зацветет сирень.
В сирени соловей не петь не может.

1944

Перевод С. Мар

ПЕТР НЕФЕДОВ

Бессмертие

Враги партизана вели на расстрел.
Безусый, молоденький, шел он и пел
О том, что ему восемнадцатый год,
Что родине жизнь он свою отдает...
В березовой роще убили его,
И не было рядом родных никого,
Никто молодые глаза не закрыл,
Никто не оплакал, никто не зарыл.
Горячею кровью березу омыв,
Лежал он, глаза в синеву устремив,
Как будто и мертвый он видеть хотел,
Как птицу, ту песню, которую пел.
А песня взметнулась, быстра и легка,
И вдаль полетела, навстречу векам.

1942

ИВАН НЕХОДА

(С украинского)

Баллада о журавлях

Ни встать, ни двинуться — такой кругом огонь!
Винтовку стиснула горячая ладонь.
Вот так лежали мы. А в сизой мгле, вдали,
Над фронтом пролетали журавли.
«Курлы, курлы!..» (И детством мир запах.)
Домой, домой их звал чумацкий шлях.
Таков закон: что б ни слепило очи,
Зов родины живет в крови твоей.
Они домой летели — к гнездам отчим,
Дворам, левадам, травам пустырей.
Там явор... Колесо лежит на кровле хаты,
Мохнатым облачком там в гнездах журавлята.
Давно, давно!..

Война. В дороге трудной, длинной
Звала нас родина той песней журавлиной.
...Прожектор их поймал... Вон огненные нитки —
По журавлям враги стреляли из зенитки!
И все увидели, как птица, весть весны,
По светлой полосе упала с высины.
А клин летел вперед, не дрогнув, ровно шел
Туда, туда, домой, где Днепр, и Збруч, и Псел.
«Курлы, курлы...» — неслось, как трубный клич,
над нами.

И так хотелось стать нам журавлями!
Тогда мы поднялись с израненной земли,—
Пусть мины, пусть огонь,
За вами, журавли!

АТА НИЯЗОВ

(С туркменского)

Клянусь

Чу! Труба поет,—
Встал я сразу в строй,
Чтоб обрушиться
На врага грозой.

Друг, седлай коня,
Обнажай клинок,
Враг неистовый
Чтоб уйти не мог!

На отчизны зов
Отзовись, джигит!
Слава прадедов
Пусть в душе горит!

Выполняй свой долг —
Боевой приказ!
Знай: невесты ждут
Славных дел от нас.

Кровью вражеской
Разогрей клинок,
Чтобы милую
Ты утешить мог.

Ата Ниязов погиб в бою смертью храбрых в ноябре 1943 года на Дону.

Не жалея сил,
В битве бурей будь,
Чтобы орденом
Засверкала грудь!

Гей, за родину,
Друг мой, встань скорей!
Знай: навек принес
Я присягу ей.

Ты, подруга, жди:
Я приду, вернусь,
Я навеки твой,
В том тебе клянусь!

1941 *Перевод Н. Манухиной*

НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ

На пути к победе

«Пот — не кровь,
Не жалеете пота! —
Проповедовал старшина. —
Такая у нас работа:
Война».

Гимнастерки мокры от глины.
Мы копаем траншеи опять.
Нам до Гитлера, до Берлина
Очень нужно их докопать.

Капитана лицо рябое...
Не дойдет до Берлина он.
На рассвете в разведку боем
Поднимется батальон.

За нами блокадный город
Горя,
Веры,
Любви.
С нами пушки «Авроры»
И ленинский броневик.

И мы копаем,
Копаем,
Не разгибая спин.
Глохнет ночь над передним краем
От кошачьего визга мин.

Лицо застиляет потом.
Дорога домой длинна.
Вгрызается в грунт пехота,
Ворочает глину рота
Четвертую ночь без сна.
Такая у нас работа —
Война.

1942

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ

(С грузинского)

Письмо с фронта

...Но перед утренней зарницей
Утихнет бой на пять минут,
Над отдыхающей бойницей
Глаза любимые сверкнут.

И в этот полумиг опять я
Настигнуть памятью смогу
Тебя
И легкий трепет платья,
Шуршащего на берегу.

Звенит родник. Ползут туманы
К морской изогнутой косе.
Окружена травой поляны,
Ты отражаешься в росе.

Стекают дни в поток великий,
Бег времени упряма и скор.
Сверкают солнечные блики
На ледяных доспехах гор.

И с нами говорит ущелье,
И в этой речи ветровой
Клич Амирани жив доселе
И поражает, как живой.

Но над землей в июньской рани
Сверкнул литой клинок войны,—
И стали силы Амирани,
Как хлеб насущный, мне нужны;

А ты в то утро захотела
Нарвать такой травы с полян,
Чтоб от прикосновенья к телу
Затягивались щели ран.

...Поляны в кровавых накрапах.
Огнем окружье спалено.
Я позабыл сирени запах,
Я порохом дышу давно.

И кони мрут в горячем мыле,
И раны на камнях свежи,
И мы ущелье превратили
В незыблемые рубежи.

И я затем лежу в дозоре,
Рву снов пятиминутных нить,
Чтоб враг не смог родные зори
Перечеркнуть и зачернить;

Чтобы разгладить все траншеи
И слышать снова голос твой,
Чтобы цвела ты, хорошея,
Под бесконечной синевой,

Чтобы стояли, нерушимы,
Нерасторжимы, в полный рост,
Бессмертной родины вершины
В лучах пятиконечных звезд...

Перевод А. Межирова

СЕРГЕЙ ОБРАДОВИЧ

Беженцы

Пути на все четыре стороны,—
Но беженцам путь на восток.
Бомбардировщик вьется вороном,
И бомбы падают у ног...

Могилы роют по обочинам,
Чернеет варытая земля,
И колосом необмолоченным
До хрипоты кричат поля.

Но красным зверем ветер гонится
От поля к полю второпях.
Бессильно бьется у околицы
Подбитой птицею ветряк...

А там, где враг, в краю Смоленщины,—
Темней могилы белый свет...
Скрипят телеги. Плачут женщины:
Разрушен дом, затерян след.

Лишь горсть земли с родной окраины
Таят у сердца, как зарок:
Земле прапрадедов хозяин
Ее вернет в победный срок.

1942

РАЧИЯ ОВАНЕСЯН

(С армянского)

Баллада о матери

*Матери Хачика, Гургена и
Абрама Малхасян посвящаю*

У матери их трое было,
И всех троих она любила.
Настали дни войны...
Пошли на бой с врагом три сына,
Три смелых, рослых исполина,
Отечеству верны...

В атаках грозных наступали.
В атаках грозных трое пали
За родину свою.
Далеко, на земле немилой,
На сопках скорбные могилы —
Сыны легли в бою...

А дома под тутою спелой
Ягненок с шерсткой белой-белой
Копытцами стучал.
В саду, в тени кустов азалий,
Три внука у воды играли
И строили канал...

Заря победы расцветала.
И каждый угол озаряла
Лучей ее игра.
Всю ночь по дому мать бродила,
Слезами письма мать кропила
До самого утра...

Со смертью в непрерывном споре
Жизнь победила. В сердце горе
Затихло кое-как...
Не угасая и в метели,
Три факела ее горели,
Рассеивая мрак.

Дышала грудь ее порою,
Как поле, взрытое войною,—
Все глуше, тяжелей...
Но, пробудясь от бликов света,
Похоронила горе где-то
Под зеленью полей.

Дымок над крышей мирно вьется,
Играет в зеркале луч солнца,
Блестит в траве роса.
В ребячьих голосах звенящих
Погибших сыновей все чаще
Мать слышит голоса.

И льется речь ее в эфире —
Мать миру говорит о мире,
Слова светло звучат.
Прославили ее газеты,
Печатают ее портреты,
Ее... и трех внучат.

Ей надо высадить рассаду.
Разжечь в печи огонь ей надо,
Всегда полна забот,—
Мать выступает против смерти,
Мать прославляет жизнь на свете,
Бессмертная — живет.

РАЧИЯ ОВАНЕСЯН

(С армянского)

Баллада о матери

*Матери Хачика, Гургена и
Абрама Малхасян посвящаю*

У матери их трое было,
И всех троих она любила.
Настали дни войны...
Пошли на бой с врагом три сына,
Три смелых, рослых исполина,
Отечеству верны...

В атаках грозных наступали.
В атаках грозных трое пали
За родину свою.
Далеко, на земле немилой,
На сопках скорбные могилы —
Сыны легли в бою...

А дома под тутою спелой
Ягненок с шерсткой белой-белой
Копытцами стучал.
В саду, в тени кустов азалий,
Три внука у воды играли
И строили канал...

Заря победы расцветала.
И каждый угол озаряла
Лучей ее игра.
Всю ночь по дому мать бродила,
Слезами письма мать кропила
До самого утра...

Со смертью в непрерывном споре
Жизнь победила. В сердце горе

Затихло кое-как...

Не угасая и в метели,
Три факела ее горели,
Рассеивая мрак.

Дышала грудь ее порою,
Как поле, взрытое войною,—

Все глуше, тяжелей...

Но, пробудясь от бликов света,
Похоронила горе где-то
Под зеленью полей.

Дымок над крышей мирно вьется,
Играет в зеркале луч солнца,

Блестит в траве роса.

В ребячьих голосах звенящих
Погибших сыновей все чаще
Мать слышит голоса.

И льется речь ее в эфире —

Мать миру говорит о мире,

Слова светло звучат.

Прославили ее газеты,

Печатают ее портреты,

Ее... и трех внучат.

Ей надо высадить рассаду.

Разжечь в печи огонь ей надо,

Всегда полна забот,—

Мать выступает против смерти,

Мать прославляет жизнь на свете,

Бессмертная — живет.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

Было тихо и тепло в избе, —
Нет избы. Котенок на трубе, —
Нет трубы. Испепеленный пень, —
Нету пня. Осиротелый день.
Кованый сундук молчал в углу, —
Нету. Ветер разметал золу.
Глянцевитый черепок в песке.

Больно мне. Но нет тоски в строке.
Есть строка, которая сильна
Тем, что сердцем сказана она.

Нечего стыдиться честных слез!
Пусть слезу оледенит мороз,
Чтоб она, упавшая из глаз,
Стала резкой, острой, как алмаз.

Но алмазу долго надо ждать,
Чтоб таким, как сердце, твердым стать.

1942

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

Высадка десанта

Шел головным торпедный катер,—
И берег, пушки наклона,
Вдруг оживал, как дымный кратер
От извержения огня.

Но, зачерпнув воды с разлета,
Всю ночь, быть может, до утра,
Сквозь эти чертовы ворота
Врывались в бухту катера.

И страшно было небосводу
Смотреть на то, как моряки,
Бросаясь в огненную воду,
Держали шаткие мостки,

Чтобы советская пехота
Сухою на берег сошла
И, выкорчевывая доты,
Дорогу верную нашла.

Как прежде, мины шелестели,
В глухом ущелье ветер выл —
И раненые не хотели
Эвакуироваться в тыл.

И даже мертвые, казалось,
Уже не сдали б ни за что
Ту пядь, что с кровью их смешалась
На отвоеванном плато!

1944

ПЕТР ОЙФА

Август 1941 года

Ласточки на бреющем полете
Задевают тихую траву.
Я не знаю, как вы все живете, —
Здесь я очень буднично живу.

Друг пробитую снимает каску —
Кровь струится по загару щек.
Мы прошли болот зеленой ряской,
Вдоль лесных завалов и дорог.

Вот идем горящею Покровкой
(Сколько их, Покровок, на Руси!),
Две гранаты сбоку да винтовка...
Новгородский дождик моросит.

Над земли ковровой луговиной
Дали затуманены грозой,
Первым боем, первым маршем длинным,
Первой материнскою слезой,

Первым сбитым наземь «мессершмиттом»,
Тлеющим за Оредеж-рекой,
Чтобы снова звездным и открытым
Я увидел небо над собой.

*1941
Ленинградский фронт*

БУЛАТ ОКУДЖАВА

Вдова

Он не писал с передовой,
она — совсем подросток —
звалась соломенной вдовой,
сперва — соломенной вдовой,
потом — вдовою просто.

Под скрип сапог, под стук колес
война ее водила,
и было как-то не до слез,
не до раздумий было.

Лежит в шкатулке медальон
убитого солдата.
Давно в гражданке батальон,
где он служил когда-то.

Но так устроено уже:
не сохнет лист весенний,
не верят вдовы в смерть мужей
и ждут их возвращенья.

Не то чтоб в даль дорог глядят
с надеждою на чудо,
что, мол, вернется он назад,
что вот придет домой солдат
неведомо откуда.

А просто, бед приняв сполна,
их взгляду нет границы,
и в нем такая глубина,
что голова кружится.

Как будто им глаза даны,
чтобы глазами теми
всем не вернувшимся с войны
глядеть на мир весенний.

1946

ЮРИЙ ОКУНЕВ

Иоганна

Такого не забудешь дня.
Здесь память входит в силу:
В Берлине девочка меня
Дать хлеба попросила.

Ей кажутся темней теней
Земля, руины, небо.
Забыли взрослые о ней
И не дают ей хлеба.

Ей непонятно, почему
Ты, небо, так устало,
Что даже богу самому
Не до нее вдруг стало.

Страшнее самых страшных снов
Тот взгляд, упрек тот жесткий.
Старушка девяти годов
Стоит на перекрестке.

Раскрою вещмешок, отдам
Свой хлеб. Но где взять средство,
Чтоб годы возвратить годам
И вновь дать детству детство?..

Чтоб сбросить груз невзгод и зла,
Сдавившего ей плечи...
Когда б она понять могла
Значенье нашей встречи!

Молчит. Одни глаза живут.
Мрачна и безымянна...
Бойтся.

— Как тебя зовут?

Чуть слышно:

— Иоганна.

1945

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Июнь 1944 г.

У сгоревшего танка

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...

Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.
Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

1947

ДМИТРИЙ ОСИН

После дальних походов

Пахнет дегтем и пылью,
дорогою русской —
неширокой, проселочной,
с детства родной,
и петровским сеником
по лозинам в раструску,
и на солнце, в тиши,
терпкой смолкой лесной.

После дальних походов
и стран заграничных —
как мила ты
и снова до боли родна,
вся в разливах пшеничных,
в цветах земляничных
полевая, простая
моя сторона!

В сорок первом,
когда отступали мы с болью,
когда горечь мне
душу в бою обожгла,
под немецким огнем
и в немецкой неволе
ты все тою же —
русской и гордой — была.

Сколько раз ты нам снилась,
бывало, за фронтом —
полевая, простая,

родная до слез,
с неоглядным
днепровским твоим горизонтом,
с поредевшей семьей
придорожных берез.

Все ты знала, родная :
глумленье и пытки,
и пожары, и голод,
и мор, и беду,
все снесла ты в неволе,
всего натерпелась в избытке,
что с войной тебе выпало
вновь на роду...

Снова веет теплом,
снова вспаханы пашни,
поднялась, расцвела
и обстроилась ты,
даже вдовье убранство
пожариц вчерашних
не сгубило, не скрыло
твоей красоты.

И, вернувшись обратно
с чужбины немилой,
верен гордой твоей
и суровой судьбе,
я с сыновней любовью
и с прежнею нежною силой
вновь к тебе припадаю
и кланяюсь низко тебе.

1945

ВЛАДИМИР ОСИНИН

Романтики

Романтики, мы увлеченно жили,
К полетам в небо так тянуло нас.
Но солнце тучи черные закрыли,
И нашу юность опалил фугас.

Натянуты поспешно гимнастерки.
Рывком в гранату затолкав запал,
Мы шли и шли, и ветер горький
Не только лица — душу обжигал.

Примкнув штыки и чуя локоть друга,
Задымленным, гремевшим большаком,
Как журавли, застигнутые вьюгой,
Мы тоже пробивались — косяком.

СЕРГЕЙ ОСТРОВИЙ

Братья

Еще минувшей ночью берега,
Трясаясь от орудийной канонады,
Как два смертельных, яростных врага,
На грозный бой сходились без пощады.

А поутру, когда был кончен бой.
Когда мелькали вспышки издалека,
В рассветный час, над гладью голубой,
Зашелестела мирная осока.

Прошли саперы. Сваи поднялись.
Легла в сосновых стружках переправа.
И берега, как братья, обнялись:
Спокойно. Нерушимо. Величаво.

1943

Пейзаж

Лес в осенних подпалинах.
Лист, несущийся прочь.
В травах, наземь поваленных,
Ветер свищет всю ночь.

Ни домов. Ни околицы.
Даль глухая темна.
Где-то выстрел расколется —
И опять тишина.

Бродят шелесты. Шорохи.
Что-то шепчут ручьи.
Пожелтевшие ворохи
Разметались в ночи.

Одиноко, из милости,
Тусклый месяц блестит.
Тянет запахом сырости
От намокших раки.

Утро. Пни разворочены.
Зябкий дождь моросит.
И в кустах, у обочины,
Мертвый недруг лежит.

1943

ЛЕВ ОШАНИН

Кем я был на войне?
Полузрячим посланцем из тыла,
Забракованным напрочно всеми врачами земли.
Только песня моя

с батальоном в атаку ходила, —
Ясноглазые люди ее сквозь огонь пронесли.
Я подслушал в народной душе
эту песню когда-то —

И, ничем не прикрасив, тихонько сказал ей:

— Лети! —

И за песню солдаты
встречали меня как солдата,
А враги нас обоих старались убить на пути.
Что я делал в тылу?

Резал сталь огненными резцами.
Ваявшись за руки,
в тундре шагали мы в белую мглу.
Город строили мы, воевали с водой и снегами.
С комсомольских времен никогда не бывал я в тылу.

Дай же силу мне, время, —
сверкающим словом и чистым
Так пропеть, чтоб цвели небывалым цветеньем поля,
Где танкисты и конники
шляхом прошли каменистым,
Где за тем батальоном дымилась дорога-земля.

1945

Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

1945

Содержание

А. Сурков. От имени сражающегося народа	6
---	---

Стихотворения и поэмы

Григол Абашидзе. Победитель	21
Ираклий Абашидзе. Поэтам Грузии	23
Илья Авраменко. Возвращение из полета	25
Владимир Аврущенко. Присяга	26
Владимир Агапов. Темная ночь	27
Всеволод Азаров. «Четыре года по команде «к бою!»...»	28
Анатолий Аквилев. Перед боем	29
Владимир Алатырцев. Песня о черемухе	30
Александр Алга. Кровь	32
Семен Алексейцев. О былом	34
Маргарита Алигер. «С пулей в сердце...»	35
Музыка	37
Зоя (Из поэмы)	39
Рухи Алиев. Гвардейскому знамени	44
Хамид Алимджан. Россия	46
Абдулла Алиш. Третья осень	48
Песня о себе	49
Джск Алтаузен. Родина смотрела на меня	50
Сергей Алымов. Вася-Василек	52
Касым Аманжолов. Абдулла (Поэма)	54
Павел Антокольский. Сын (Поэма)	62
Александр Артемов. Корабли уходят в море	86
Эдуард Асадов. Моему сыну	88
Николай Асеев. Это — медленный рассказ...	91

Анна Ахматова. Клятва	94
Мужество	94
Хазрет Ашинов. Мои товарищи	95
Всеволод Багрицкий. Одесса, город мой!	96
Микола Бажан. Клятва	97
Яр	98
Тембулат Балаев. Родина	100
Иосиф Балцан. Двадцать четвертое августа	102
Иоханнес Барбарус. Сон о родине	103
Сергей Баренц. Рубежи	104
Агния Барто. «Глаза девчонки семилетней...»	105
Салих Батгал. Прощай, Казань!	106
Иван Бауков. Горит Варшава	108
Говори мне о России...	109
Демьян Бедный. Я верю в свой народ	110
Ленин — с нами!	111
Александр Безыменский. Я брал Париж	112
Халижан Бекхожим. Освенцим	114
Яков Белинский. Пчелиный день	115
Сербский язык	116
Константин Бельхин. Письма	117
Ольга Берггольц. Февральский дневник	118
Виктор Бершадский. Баллада о мужестве	125
Борис Богатков. Наконец-то!	126
Джомарт Боконбаев. Любимой с фронта	127
Исаак Борисов. Первая тишина	129
Гурген Борян. Деревья на улице Абовяна	130
Семен Ботвинник. «Я спал в окопе тесном...»	132
Николай Браун. Синее море	133
Петрусь Бровка. Надя-Надейка	135
Землякам	137
Рана	138
Николай Букин. Прощайте, скалистые горы	140
Емилиян Букоб. Победа	141
Нина Бялосинская. «А лето в подмосковном дыме...»	142
Иван Вавилин. «Помню: в тайге у опушки...»	143
Викторис Валайтис. Товарищам	145
Константин Ваншенкин. «Земли потрескавшейся корка...»	146
«Под взглядом многих скорбных глаз...»	147
Сергей Васильев. Поле русской славы	149
Землякам-сибирякам	150
Анатолий Велюгин. Смоленск	152
Партизанская пушка	152

<i>Антанас Венцлова. На Волга</i>	154
<i>Арон Вергелис. Оседлать дорогу</i>	155
<i>Елена Вечтомова. Дети</i>	156
<i>Сергей Викулов. Баллада о хлебе</i>	157
<i>Леонид Вилкомир. «Мы победим. Мои — слова...»</i>	160
<i>Евгений Винокуров. «В полях за Вислой сонной...»</i>	161
Черный хлеб	162
<i>Платон Воронько. Из Неметчины в Чернетчину (Поэма)</i>	163
<i>Самед Вургун. Встреча с Москвой</i>	170
<i>Леонид Вышеславский. Вступаем в немецкое село</i>	172
<i>Самуил Галкин. Зима 1942 года</i>	173
<i>Цэдэм Галсанов. Могила героя</i>	174
<i>Расул Гамзатов. «Говорят, что посмертно...»</i>	175
Тезке моего брата	175
<i>Ашот Гарнакерьян. Россия</i>	177
<i>Александр Гатов. Партизан — перелетная птица</i>	179
<i>Ражден Гветадзе. Павшему смертью храбрых Шаламберидзе</i>	180
<i>Мирза Геловани. Простите</i>	182
Клятва	183
<i>Кость Герасименко. Из фронтового блокнота</i>	184
<i>Людас Гира. Дуют ветры от Урала</i>	186
<i>Александр Гитович. Строитель дороги</i>	189
<i>Григорий Глазов. «Мы, вымокшие, злые, ждем сигнала...»</i>	190
<i>Петро Глебка. Лес</i>	192
Райком	193
<i>Михаил Годенко. На стенке</i>	195
<i>Савва Головановский. Почтальон</i>	196
<i>Михаил Голодный. Два Железняка</i>	198
Над убитым ребенком	199
<i>Виктор Гончаров. «Когда тебя бессонной ночью...»</i>	200
«Меняются цифры, стираются даты...»	201
<i>Юрий Гордиенко. Упряжки</i>	202
<i>Сергей Городецкий. Русскому народу</i>	204
<i>Ашот Граши. Ночная баллада</i>	206
<i>Николай Грибачев. Иду!</i>	208
Прага	211
<i>Арвид Гризулис. Риге</i>	212
<i>Семен Гудзенко. Перед атакой</i>	213
«Я был пехотой в поле чистом...»	214
<i>Дмитрий Гулия. Песня о герое из героев</i>	215
К морю	216
<i>Гафур Гулям. Воинам</i>	217
<i>Татул Гуриян. «Снова застит завеса дыма...»</i>	219

<i>Виктор Гусев.</i> Есть на севере хороший городок	221
Казак уходил на войну	222
<i>Тобиас Гуттари.</i> Весной 1942 года	223
<i>Петря Дариенко.</i> Днестр	224
<i>Иван Демьянов.</i> Самый тяжелый груз	220
«Когда от бомб, казалось, мир оглох...»	227
<i>Муса Джалиль.</i> Прости, родина!	228
Не верь!	230
Последний стих	231
<i>Джамбул Джабаев.</i> Ленинградцы, дети мои!	232
<i>Ахмед Джамиль.</i> Бахтияр	235
<i>Даниил Долгинский.</i> Полет	237
<i>Евгений Долматовский.</i> Песня о Днепре	238
Моя любимая	239
Пеленг	239
<i>Николай Домовитов.</i> Песня о песне	241
<i>Николай Доризо.</i> Бинобль	243
<i>Юлия Друнина.</i> Зинка	245
<i>Борис Дубровин.</i> Восемнадцатилетний	247
<i>Михаил Дудин.</i> Соловьи	248
Стихи о шалаше	251
<i>Александр Елькин.</i> На Курской дуге	253
<i>Татары Епхиев.</i> Песня воина-кавалериста	254
<i>Ахмед Ерикеев.</i> «Что б ни говорили про нее...»	256
<i>Вениамин Жак.</i> После бомбежки	257
<i>Александр Жаров.</i> Моряки-москвичи	258
Заветный камень	259
<i>Таир Жароков.</i> Послание друзьям	261
<i>Павел Железнов.</i> На подступах к Москве	262
<i>Владимир Жуков.</i> «День и ночь над землянкой штабной...»	263
<i>Василий Журавлев.</i> «Впереди леса еловые...»	265
<i>Владимир Замятин.</i> Памятник	266
<i>Владислав Занадворов.</i> На высоте «Н»	268
<i>Наири Зарьян.</i> Ваче (Поэма)	269
<i>Микола Засим.</i> Поэту	277
Сестре	277
<i>Василий Захарченко.</i> Мост	279
<i>Вера Зягинцева.</i> Наша муза	280
<i>Анатолий Землянский.</i> Партвзнос	281
<i>Вадим Земной.</i> На марше	282
<i>Зульфия.</i> Сюзане	283
<i>Анатолий Имерманис.</i> «Вокзал, и поезд без огней пыхтит...»	285
<i>Вера Инбер.</i> Пулковский меридиан (Поэма)	286

Юрий Инге. Тральщики	315
Лиджи Инджиев. На фронт, сыну-воину	317
Аветик Исаакян. Боевой клич	319
Вечной памяти С. Г. Загияна	320
Михаил Исаковский. В прифронтовом лесу	322
Русской женщине...	323
Враги сожгли родную хату...	325
Богдан Истру. Мать	327
Миклай Казаков. «Командир в наступлении рядом с тобой...»	329
Василий Казин. Проводы	330
Георгий Кайтуков. Осетия	332
Карло Каладзе. Артиллерийская дуэль	324
Хазби Калоев. Меч	336
«Метель деревья рослые сломила...»	337
Мустай Карим. Дождь	338
Украине	339
Фатых Карим. Дикие гуси	341
Ханиф Карим. Сердцу милая река	343
Владимир Карпеко. После разведки	345
2 мая 1945 года в Берлине	346
Лев Каитко. Свет в убежище	348
Накануне	348
Леварса Квициниа. «Ты хлопотливо бродишь по двору...»	350
Ибрагим Кебирли. Старый окоп	352
Дмитрий Кедрин. «Весь край этот, милый навеки...»	354
Бронислав Кежун. Васильки	356
В парламенте	356
Мирдза Кемпе. В то утро	358
Алим Кешоков. Очаг	359
Незавершенный портрет	359
Семен Кирсанов. Долг	361
Танк «Маяковский»	362
Андрей Кленов. Берлин горит	366
Петр Кобраков. Вяз	368
Дмитрий Ковалев. Камень	369
Александр Коваленков. Олень	371
Снегирь	372
Павел Козан. Из недописанной главы	374
«Нам лечь, где лечь...»	375
Яков Козловский. «Мы за церквушкой деревенской...»	376
Якуб Колас. На разоренной земле	378
Лесам Белоруссии	379
Осил Колычев. Соловьи	381

<i>Михаил Кольчугин. Тула — родина моя</i>	382
<i>Петр Комаров. Аэроград</i>	384
Сунгарийские болота	385
<i>Мария Комиссарова. «Полыхает, полыхает...»</i>	386
<i>Александр Коренев. Радистка</i>	388
<i>Григорий Корин. Новороссийский вокзал, 1943 г.</i>	390
<i>Борис Костров. После боя</i>	391
<i>Борис Котов. «В полночь холодно, в полдень жарко...»</i> . . .	392
<i>Петря Крученюк. «Каждого, как мать, расцеловала...»</i> . . .	393
<i>Давид Кугультинов. Высота</i>	394
<i>Сайфи Кудаш. Спички</i>	396
<i>Анатолий Кудрейко. Запасный полк</i>	397
<i>Василий Кулемин. Родина</i>	399
<i>Аркадий Кулешов. Знамя бригады (Поэма)</i>	401
<i>Кайсын Кулиев. Лирические записки</i>	439
«Война велика, бесконечны поля...»	439
«Тот, кто говорит, что на войне...»	439
«Я после боя спал в соломе...»	440
«Я в первый день войны жестокой...»	440
«Я на войне увидел...»	440
<i>Михаил Кульчицкий. «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!..»</i>	441
<i>Янка Купала. Белорусским партизанам</i>	442
Снова ждут нас счастье и свобода	444
<i>Григорий Куренев. Полота</i>	446
<i>Адель Кутуй. Утренние думы</i>	449
<i>Николай Лайне. «Надел шинель, винтовку взял...»</i>	450
<i>Абулькасим Лахути. «Бежит, гонима бурей гнева...»</i>	452
<i>Игорь Лашков. В штабе</i>	453
<i>Алексей Лебедев. Возвращение из похода</i>	454
На дне	455
<i>Василий Лебедев-Кумач. Священная война</i>	456
<i>Григорий Левин. Ну, я пойду...</i>	457
<i>Юрий Левитанский. Ленин в Праге</i>	458
<i>Георгий Леонидзе. Бойцам-грузинам</i>	460
<i>Семен Линкин. Правый берег</i>	466
<i>Казимир Лисовский. Проводы коммунистической бригады</i> . . .	467
<i>Марк Лисянский. Моя Москва</i>	469
<i>Владимир Лифшиц. Баллада о черством куске</i>	470
<i>Борис Лихарев. Камень</i>	473
<i>Всеволод Лобода. Начало</i>	475
<i>Михаил Луконин. Приду к тебе</i>	476
Мои друзья	478

<i>Валдис Лукс.</i> «Милая в мире одна...»	481
<i>Андрей Лупан.</i> Вступление в балладу	482
<i>Михаил Львов.</i> «Чтоб стать мужчиной — мало им родиться...»	484
Высота	484
<i>Михаил Львовский.</i> Солдаты идут	485
<i>Григорий Люшнин.</i> Гайка	486
<i>Макс Майн.</i> Весточка	487
<i>Николай Майоров.</i> Мы	488
<i>Марк Миксимов.</i> Мать	490
Баллада о часах	490
<i>Кубанычбек Маликов.</i> Курбан-Дурды	492
<i>Андрей Малышко.</i> Украина моя!	495
<i>Реваз Маргиани.</i> Грузия в бою	500
<i>Перец Маркиш.</i> «Вагоны, лязгая, ползли неторопливо...»	502
<i>Алексей Марков.</i> Расстрел	503
<i>Сергей Марков.</i> Суворов	504
<i>Александр Мартынов.</i> На фронтовой дороге	506
<i>Леонид Мартынов.</i> Народ-победитель	508
<i>Самуил Маршак.</i> Часы на башне	509
Городу-герою	510
<i>Михаил Матусовский.</i> Седьмая симфония в Москве	511
Счастье	512
<i>Эдурдас Межелайтис.</i> Если мимо пройдешь	514
Аллегория развалин	515
<i>Александр Межиров.</i> Утром	518
Коммунисты, вперед!	520
<i>Юрий Мельников.</i> Мы уходили призываться...	524
<i>Багаутдин Митаров.</i> Сообщите друзьям	525
<i>Сергей Михалков.</i> Посылка	527
Карта	528
<i>Владас Мозурюнас.</i> Горсть земли	530
<i>Иван Молчанов.</i> Дороги	531
<i>Витаутас Монтвила.</i> У могилы друзей	533
<i>Артур Моро.</i> Каштан у дороги	534
<i>Симион Моспан.</i> Верю я в недолгую разлуку	535
<i>Микола Нагнибеда.</i> Последнее письмо	536
<i>Аширмат Назаров.</i> Старый солдат	538
<i>Хоца Намсараев.</i> Звуки песни моей	541
<i>Сергей Наровчатов.</i> В те годы	543
Дорога в Тчев	544
<i>Алексей Недогонов.</i> Весна на старой границе	545
Башмаки	546

<i>Саломея Нерис. Мария Мельникайте</i>	549
Соловей не петь не может	552
<i>Петр Нсфедов. Бессмертие</i>	554
<i>Иван Нехода. Баллада о журавлях</i>	555
<i>Александр Николаев. Парторг</i>	556
<i>Ата Ниязов. Клянусь</i>	557
<i>Николай Новоселов. На пути к победе</i>	559
<i>Иосиф Нонешвили. Письмо с фронта</i>	561
<i>Сергей Обрадович. Беженцы</i>	563
<i>Рачия Ованесян. Баллада о матери</i>	564
<i>Лев Озеров. «Было тихо и тепло в избе...»</i>	566
<i>Александр Ойслендер. Высадка десанта</i>	567
<i>Петр Ойфа. Август 1941 года</i>	569
<i>Булат Окуджава. Вдова</i>	570
<i>Юрий Окунев. Иоганна</i>	572
<i>Сергей Орлов. «Его зарыли в шар земной...»</i>	574
У сгоревшего танка	574
<i>Дмитрий Осим. После дальних походов</i>	576
<i>Владимир Осинин. Романтики</i>	578
<i>Сергей Островой. Братья</i>	579
Пейзаж	579
<i>Лев Ошанин. «Кем я был на войне?...»</i>	581
Дороги	582

БИБЛИОТЕКА КНИЖНИ
 КНИЗ. № 57730